

БОГАТЕНЬКИЕ ПАРНИ ИЗ
ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ АКАДЕМИИ БЕРБЕРРИ.
ГОД ЧЕТВЕРТЫЙ

В ОБЪЯТИЯХ ЭЛИТЫ

ЛЮБОВЬ - ЖЕСТОКАЯ ХОЗЯЙКА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

К. М. СТАНИЧ

Выбрать между богатенькими парнями.

Я бы предпочла встретиться лицом к лицу с Гарпиями, чем сделать этот выбор.

Как может быть так, что мои четыре года в Бёрберри действительно подходят к концу?

Нет, Тристан, Зейд, Крид, Зак и Виндзор сейчас для меня всё.

Моя сила, моя страсть, моё сердце, моё сопереживание, моя радость.

Любовь — жестокая хозяйка, но мне некого винить в этом, кроме себя.

***

Мы влюбились в этот благотворительный проект.

Идолы школы, короли кампуса, и мы ничто без неё.

Марни Элизабет Рид.

Эта девушка перевернула наш мир с ног на голову, но Клуб Бесконечности вот-вот надерёт нам всем задницы.

Большие деньги, политические связи, семейные узы, обязательства: в академии творится чёрт знает что.

Остаток наших жизней, остаток её жизни... всё сводится к этому единственному, последнему моменту.

К. М. Станич

В объятиях Элиты

Богатенькие парни из Подготовительной Академии

Бёрберри — 4

Примечание автора

Возможные спойлеры

В объятиях элиты — это обратный гарем, роман о школьных хулиганах. Что именно это значит? Это означает, что у нашей главной героини, Марни Рид, к концу серии будет как минимум три любовных увлечения. Это также означает, что на протяжении значительной части этой книги много нерешительности, тоски и беспокойства по поводу того, как наладить отношения между несколькими людьми. Эта книга никоим образом не оправдывает издевательства и не романтизирует их. Герои этой истории заплатили по счетам, изменили свой образ жизни и получили самый сладкий подарок из всех: прощение.

Теперь им пришлось доказать свою любовь к Марни.

Любые поцелуи/сексуальные сцены с участием Марни происходят по обоюдному согласию. Возможно, эта книга и о старшеклассниках, но я бы не назвала их детьми. Персонажи жестокие, эмоции настоящие, нецензурная лексика широко используется. Есть несколько случаев употребления алкоголя несовершеннолетними, сексуальные ситуации, упоминания о прошлых попытках самоубийства и другие сценарии для взрослых.

Ни одному из главных героев не меньше восемнадцати лет. На этих страницах у этой серии будет счастливый конец.

Содержание: Пролог + 27 глав + Эпилог

Переводчик: Lana.Pa

Редактор: Настёна

Обложка: Wolf A.

Переведено для группы Золочевская Ирина || Б. Б. Рейд — vk.com/zolochevskaya_irina

КЛУБ БЕСКОНЕЧНОСТИ КАЗИНО

Обозначения карты

A Задний вход	D Старое дерево
B Гравийная парковка	E Сухой бассейн
C Гоночный трек	F Пруд

Моё выпускное платье — и моё сердце — разорваны в клочья.

Я едва могу дышать, когда ближайший ко мне офицер в форме хватает меня за локоть.

— Мисс? — спрашивает он, и я глупо моргаю, смотря в его сторону, всё ещё не оправившись от шока.

«Он... он пошёл за машиной», — говорю я себе, и руки у меня трясутся. Я протягиваю руку и стаскиваю с головы шапочку, красно-чёрная кисточка размазывает кровь по тыльной стороне моей ладони.

— Она в шоке. — Кто-то ещё говорит, но я не уверена, кто именно. Всё, о чём я могу думать, это: *будет ли он жить?* Я почти уверена, что уже знаю ответ на этот вопрос, но я не хочу в это верить. Я не могу. Я просто не могу. Чьи-то руки поднимают меня на ноги, и я слышу голоса, разговаривающие вокруг меня, но всё, что меня волнует — это добраться до больницы.

— ...боюсь, только она, но мы о ней хорошо позаботимся, — говорит офицер, и затем я, шаркая ногами, направляюсь к полицейской машине. Я встряхиваю головой, чтобы прояснить её, и оглядываюсь на парней, тех, кто всё ещё рядом со мной. Кто-то... кажется, пропал, но потом я снова напоминаю себе, что он просто пошёл за машиной.

Мне жаль, я уверена, что в моих словах нет никакого смысла. Я просто... Прямо сейчас я в шоке.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я, когда офицер открывает для меня заднюю дверь.

— Мы можем доставить вас в больницу с включёнными сиренами, — отвечает мужчина, и я киваю, потому что это имеет смысл даже для моего затуманенного мозга.

— Мы поедem прямо за тобой, — говорит один из парней, держащихся за меня, его хватка крепкая, но непоколебимая. — Прямо за тобой.

Я только что в последний раз отомстила, забила последний гвоздь в крышку гроба. Я смирилась с решением, какого парня мне выбрать, и всё же я никогда не была так несчастна. Мне никогда ещё не было так больно. Как это могло случиться со мной? Это намного хуже, чем то, от чего я страдала в первый год. Гораздо, гораздо, намного хуже.

Космическая шутка.

Средний палец от Вселенной.

— Вы будете прямо за мной... — я вздыхаю, а затем забираюсь на заднее сиденье патрульной машины. Красные и синие отблески сирен мелькают на лицах толпы, включая парней, которых я только что оставила позади. Я бы хотела, чтобы кто-нибудь из них был здесь, со мной.

Мы выезжаем на дорогу, и я лезу в карман за телефоном. Дело в том, что у меня в кармане дыра, а мой чёртов сотовый пропал. Конечно же, это так.

Блядь.

Ближайшая больница находится... Боже, это примерно в часе езды отсюда, не так ли? Меня чуть не стошнило, я наклоняюсь и кладу голову между колен, пока не обретаю контроль над своим дыханием. Я подожду немного, а потом попрошу офицера позвонить в больницу.

Прислонившись головой к прохладному стеклу окна, я закрываю глаза и смотрю на

деревья, которые проносятся мимо как в тумане. Должно быть, я действительно в шоке, потому что, клянусь, на мгновение теряюсь во времени. Когда я открываю глаза и сажусь, понимаю, что мы движемся в неправильном направлении.

— Разве больница не к западу отсюда? — спрашиваю я, оглядываясь по сторонам и понимая, что мы ближе к казино, чем к больнице. Какого чёрта? Сирены тоже больше не включены, что странно.

— Мы доставим вас туда, не волнуйтесь, — говорит офицер на пассажирском сиденье, но он не оборачивается, чтобы посмотреть на меня. Чем дальше мы едем, тем больше я беспокоюсь.

А потом мы заезжаем на парковку казино, и моё сердце начинает биться так быстро, что мне кажется, я вот-вот потеряю сознание.

— Что мы здесь делаем? — выдыхаю я, оглядываясь по сторонам, когда мы въезжаем на посыпанную гравием парковку и офицеры вылезают из машины. Они не отвечают мне, когда открывают заднюю дверь, а затем меня с силой стаскивают с заднего сиденья и бесцеремонно швыряют на гравий.

Мои руки скользят по нему, крошечные камешки впиваются в мою плоть, когда я оглядываюсь через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, как офицеры забираются обратно в свою машину и уезжают.

Они оставили меня здесь, в заброшенном казино посреди индейской резервации. Со всех сторон она граничит с национальными парками и парками штата, только деревья и ничего больше на многие *мили* вокруг. Я приподнимаюсь на колени как раз в тот момент, когда слышу шарканье ног по гравию, и поворачиваюсь, чтобы посмотреть в направлении звука.

И вот она, Харпер Дюпон, с Джоном Ганнибалом и Грегори Ван Хорном по обе стороны от неё.

— Привет, Марни Рид, — говорит она, и её губы изгибаются в улыбке. У Джона бейсбольная бита, а у Грега в руках моток верёвки.

Это нехорошо. Это совсем нехорошо.

Я с трудом поднимаюсь на ноги, отступая назад, когда Харпер шагает вперёд, словно она хозяйка этого места.

— Правила Клуба Бесконечности, — говорит она, улыбаясь. — Твои друзья проделали хорошую работу, убедившись, что мы не сможем никого нанять для твоего наказания. Марни Элизабет Рид может пострадать только от рук студента... — она замолкает со вздохом, перебрасывая несколько своих кроваво-красных прядей через плечо. — И тогда пострадать от рук студента, она должна. — Харпер указывает на меня подбородком, и Грег с Джоном направляются ко мне.

Я удивляю их, устремляясь прямо на них и пробегаю между ними, направляясь в казино с развевающимся за спиной моим порванным чёрным выпускным платьем. Моё запястье пульсирует от того, что я упала с возвышения во время церемонии, и с моей ладони капает кровь, как от гравия на парковке, так и от того, что я зацепилась за край стула мисс Фелтон.

Ни за что на свете я не позволю Клубу Бесконечности победить, не тогда, когда я так близка. Так чертовски близка.

Я сворачиваю за угол, поднимаюсь по ступенькам и вхожу через заднюю дверь...

Только для того, чтобы столкнуться с остальными Голубокровными.

И когда я говорю Голубокровные, я имею в виду оригинальную Голубую Кровь, ту, что

из моего списка.

— Марни, — говорит Тристан, оборачиваясь, чтобы посмотреть на меня. Он улыбается, и моё сердце превращается в лёд и разбивается вдребезги в груди.

Я отказываюсь в это верить. Я отказываюсь.

Он смотрит мне прямо в глаза и произносит всего одно слово.

— Беги.

Я не колеблюсь ни секунды, прежде чем сделать это.

Вы думаете, что знаете, чем закончится эта история.

Но нет.

Вы пока ещё ничего не знаете.

Глава 1

— Она дьявол, — шепчу я, тяжело присаживаясь на край своей кровати. На мне пижама — кигуруми утки (*прим. — пижама-костюм, в виде животных или мультяшных персонажей*), но не судите строго: это был подарок Чарли, и у меня не хватило духу сказать ему, что я на десять лет старше такого подарка.

— Кто? — спрашивает Миранда, останавливаясь и поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, её роскошные белокурые волосы ниспадают на плечо. Она нежно проводит по ним расчёской, наблюдая за мной глазами цвета ледяной крошки в штормовом море. — О, ты имеешь в виду свою сестру? Не беспокойся о ней слишком сильно. Мой брат придурок, и мне всё ещё удаётся с ним мириться.

Я вздыхаю и провожу пальцами по волосам, стараясь не слишком переживать из-за парней и их местонахождения. Прошла почти неделя с тех пор, как мы оставили их в поместье Вандербильтов и передали в руки Клуба Бесконечность. Если бы Виндзор не написала мне смс, чтобы сообщить, что со всеми всё в порядке, я бы подумала, что они все мертвы или что-то в этом роде.

— Твой брат — котёнок в костюме тигра, — говорю я ей, садясь и опуская руки на колени. — Эта девушка, Изабелла Кармайкл, она напоминает мне Харпер.

Миранда вздрагивает и откладывает расчёску, полностью поворачиваясь в кресле лицом ко мне, лёгкая улыбка появляется на её полных губах. Она действительно женская версия Крида, его вторая женская половина. Ох, я скучаю по Криду. На самом деле я скучаю по всем парням. И это пугает меня.

Они все вместе встречаются со мной, потому что им плохо, потому что они знают, что облажались, но я не могу просить их об этом вечно. В конце концов, мне придётся выбирать. Будет нечестно по отношению к ним, если я этого не сделаю, верно?

— Она была не самым тёплым персонажем, я признаю это, — уклоняется Миранда, покусывая нижнюю губу. В то время как я одета в нелепую фланелевую пижаму, близняшка Кэбот одета в короткую розовую атласную ночнушку. Признаю это: я немного завидую. — Но я бы не стала беспокоиться о ней. Она или Харпер. Я тебя прикрою; в следующем году мы надерём задницы им обеим.

Миранда встаёт и подходит, чтобы сесть на край кровати рядом со мной, протягивая руку и обхватывая моё лицо ладонями. Клянусь, от неё пахнет клубникой и ванилью. Это почему-то успокаивает.

— Остался один год, и мы оставим всех этих ублюдков в пыли. Всего лишь ещё один год.

— И что потом? — спрашиваю я, чувствуя странную боль в груди. Когда я впервые поступила в Подготовительную Академию Бёрберри, я была взволнована предстоящими годами. Вскоре после этого волнение сменилось страхом. Затем это стало миссией выживания, делом принципа.

Сейчас... Я не могу представить, что всё это когда-нибудь закончится. Я не готова к тому, чтобы это закончилось. Ещё нет.

— Потом мы с Кридом последуем за тобой в Борнстед и будем выбивать из тебя дерьмо ещё четыре года! Может быть, шесть или больше, если мы поступим на степень магистра или доктора. — Миранда замолкает, когда я поднимаю обе брови. Мне кажется, мой рот

слегка приоткрыт.

— Ты собираешься в Борнстед? — спрашиваю я, стараясь не слишком волноваться. Ничто не окончательно, пока, ты знаешь, это не станет окончательным. Но всё же. Как можно было отказать Миранде или Криду? Их мать, Кэтлин, училась в Борнстед.

— Конечно же, — отвечает она, отпуская моё лицо и вставая. — Борнстед не только *альма-матер* моей матери, но и моя лучшая подруга учится там. И мой близнец привязан к бедру моей лучшей подруги. В самом деле, есть ли другой выбор? — она встаёт и открывает дверь моей спальни, впуская хриплый раскатистый храп моего отца. — Пойдём приготовим «полуночную маргариту».

— В этом доме нет алкоголя, — бормочу я, но всё равно следую за ней, чувствуя, как в груди болезненно скручивается тугое, тревожное чувство. Миранда едет в Борнстед. Как и Крид. И, насколько я знаю, Зейд тоже. Что, если в конечном итоге я выберу кого-то другого? Что, если я вообще не буду выбирать? Что, если моё сердце разобьётся пополам, и вся моя кровь прольётся на выжженную землю, если мне придётся сделать этот выбор?

— Нам нужно одеться и сходить куда-нибудь, — шепчет Миранда, методично осматривая холодильник и все шкафчики. — Сходить в бар или ещё куда-нибудь. У меня в сумке есть поддельные удостоверения личности для нас обеих.

Я скрещиваю руки на груди, когда она оборачивается и замечает мою приподнятую бровь и жёсткий взгляд.

— Поддельные удостоверения личности, серьёзно?

Миранда пожимает плечами и улыбается.

— Бриана Чоу продавала их по дешёвке в конце года, и я купила немного для всей команды, просто на случай, если мы захотим куда-нибудь сходить.

— Бриана продавала поддельные удостоверения личности? — спрашиваю я, морща лоб и пытаясь понять, почему такой богатый человек, как она, вообще стал бы утруждать себя подобными неприятностями. Миранда отмахивается от моего вопроса.

— Ага. И к тому же они хорошего качества. Её мама владеет издательством и типографией, и у них на фабрике есть всякие забавные машинки. — Миранда берёт гроздь винограда из вазы на столе и отправляет один сочный фиолетовый шарик в рот. — Ты знала, что её отец связан с организованной преступностью? Я имею в виду, это всё равно слухи. Держу пари, они используют печатный станок для подделки всевозможных документов.

— Ты совсем сбилась с пути, — говорю я, подходя к столу, чтобы взять немного винограда для себя. — И ты знаешь, что я не пью. Хотя, думаю, было бы забавно пойти куда-нибудь и потанцевать...

— Парни скоро должны вернуться, и мы сможем начать наши студенческие вечеринки пораньше. Ну, ты, я, Эндрю и твои многочисленные бойфренды. Лиззи не приглашена.

Я слегка съёживаюсь, мысленно возвращаясь в комнату Тристана, к ярким янтарным глазам Лиззи, решительному выражению её лица.

«Всё, что меня волнует — это ты, Тристан. Я люблю тебя». У меня внезапно скручивает желудок, и мне приходится зажать его рукой, чтобы унять урчание.

Может быть, мне не следовало рассказывать Миранде о признании Лиззи? С другой стороны, я ненавижу секреты. Они, как занозы. Если вы просто вытащите их сразу, боль будет минимальной. Оставьте их там, и они заразятся. Оставьте их на достаточно долго, и вам придётся надрезать кожу, чтобы остановить боль. Нет, спасибо.

— Между тобой и Лиззи действительно больше ничего не происходит, о чём мне

следовало бы знать? — спрашиваю я, но Миранда уже пронесется мимо меня, хватая за руку и тащит обратно в спальню. Она наклоняется, чтобы порыться в своей сумке, и показывает мне кружевные трусики, которые на ней надеты. Я отвожу взгляд и жду, пока она встанет и покружится, раскладывая веером несколько поддельных водительских прав.

Протянув руку, я беру их в руку и быстро просматриваю. Вот мои, Миранды, Эндрю и по одному для каждого из моих парней.

Моих парней.

Множественное число.

Моё сердце трепещет, и я прижимаю пачку пластиковых карточек к груди.

Несмотря на то, что прошла неделя с тех пор, как мы покинули поместье Вандербильтов, у меня в голове всё ещё бурлит от всего того безумия, которое там произошло. *Наименьшим из которых является то, что у нас с Тристаном чуть не был незащищённый секс...* Мои щёки вспыхивают, когда Миранда подходит к шкафу и достаёт пару дорогих дизайнерских платьев, бросая их на кровать.

— Ты ведь не собираешься отвечать на мой вопрос о Лиззи, не так ли?

— Мне больше нечего сказать. — Она оборачивается и смотрит на меня своими волнующе красивыми глазами. — Я уже сказала своё мнение: девушка — притаившаяся в траве змея. Купи грёбаную газонокосилку, Марни. — Миранда фыркает, а затем протягивает руку, чтобы встряхнуть своими великолепными светлыми волосами. — Она знает, что ты влюблена в Тристана...

— Я никогда не говорила *люблю*, — выдыхаю я, но Миранда игнорирует меня.

— Она знает, что ты по уши влюблена в этого засранца, и всё же она приходит с признанием в любви с опозданием на несколько лет? Если хочешь знать моё мнение, она — стервятник, подбирающийся к падали отношений, срок годности которых давно истёк. Держу пари, она шпионка Гарпий.

— Она... — начинаю я, но потом понятия не имею, что ещё сказать. С тех пор от Лиззи не было ни единого сообщения, но я не удивлена. Виндзор — единственный, кто смог написать мне, и даже тогда это было одно короткое зашифрованное сообщение. «*Всё в порядке. Мы в порядке. Скучаю по тебе*». — Если она действительно любит его, то лучше, если она скажет это сейчас. Я имею в виду, если он захочет быть с ней, тогда... — мой голос затихает, и мой желудок скручивается в форме символа бесконечности. Очевидно, я этого не вижу, но именно так это и ощущается. Фу.

— Он не хочет быть с ней, — говорит Миранда, поднимая два платья и затем надевая на меня одно, а затем другое. Она несколько раз переключается туда-сюда, а затем качает головой, возвращая оба в шкаф. — Он серьёзно одержим тобой. Они все такие. Тем не менее, я #КомандаКрида, так что-о-о...

Я прохожу мимо неё и беру одно из платьев из своего шкафа.

Это чёрное платье, которое Тристан подарил мне на первом курсе, то самое, которое я должна была надеть на выпускной бал. Несмотря на то, что оно было у меня всё это время, я никогда его не надевала. Я не хотела никого расстраивать. Но поскольку никого из парней здесь нет...

— Я знаю одно место, где исполняют живую музыку сальсы и танцуют, — говорю я Миранде, и она улыбается. Может быть, если я проведу вечер, танцуя, я смогу избавиться от этой тоски и беспокойства?

Может быть.

Мы заканчиваем собираться, и я позволяю Миранде сделать мне причёску и макияж, прежде чем мы выскальзываем и уезжаем на моём розово-золотом «Мазерати» танцевать всю ночь напролёт.

Чего я не ожидала, так это увидеть Изабеллу Кармайкл в том же ночном клубе.

— Разве ей не пятнадцать? — шепчу я Миранде, чувствуя, как моё сердце учащённо бьётся. Я внезапно покрываюсь потом и нервничаю, стоя там в платье, которое стоит больше месячной зарплаты моего отца. С другого конца комнаты карие глаза Изабеллы встречаются с моими, и она улыбается.

Это не очень счастливая улыбка.

— Эм, может быть, если у неё день рождения, как у нас, — начинает Миранда, прикусывая язык уголком рта. Это движение, которое она делает, когда готовится наброситься на кого-то. — Наверное, больше похоже на то, что ей четырнадцать.

— Марисса, верно? — спрашивает девушка, отделяясь от своей группы друзей и останавливаясь передо мной. Она высокая и очень хорошенькая, но в ней есть что-то такое, что выводит меня из себя. Может быть, это тот уровень привилегий и правомочий, который мне не нравится?

— *Марисса, верно?* — передразнивает Миранда, приподнимая брови девушки. — Серьёзно? Это грёбаная Марни. Ты здесь разговариваешь со своей сестрой.

— Сводной сестрой, — произносит Изабелла, бросая холодный взгляд на Миранду. — Кто ты, чёрт возьми, такая?

Вау.

Ситуация быстро обострилась.

— Миранда Кэбот. — Губы Миранды изгибаются в улыбке, а Изабелла несколько раз удивлённо моргает. — Может быть, ты слышала обо мне? Если ты пойдёшь в Подготовительную Академию Бёрберри в следующем году, возможно, тебе захочется относиться к своей сестре с чуть большим уважением. В конце концов, она Идол.

— Это не то, что я слышала, — говорит Изабелла, её лицо нейтрально и бесстрастно, но с малейшим скрытым намёком на угрозу. Чёрт. Я ждала четырнадцать лет, чтобы познакомиться с этой девушкой, и, похоже, быть сёстрами — это последнее, о чём она думает. — Харпер Дюпон, Бекки Платтер и Илеана Тайттингер — наши Идолы. Ты.. зверюшка парней, насколько я могу судить.

Миранда делает шаг вперёд, как будто собирается избить девушку, но я протягиваю руку, чтобы остановить её, нацепляя на лицо грустную улыбку, созданную из скомканных желаний и эгоистичных устремлений. Я всегда хотела встретиться со своей сестрой, мечтала о другом члене семьи, кроме папы, который любил бы меня так, как никогда не любила Дженнифер.

Здесь этого не случится, и это нормально.

Я прошла долгий путь от печального, одинокого человека, которым была в младших классах средней школы.

— Я ничья не зверюшка, — говорю я ей строгим голосом. Я знаю, когда она смотрит на меня, она тоже это видит. И это не потому, что Миранда уложила милые распущенные золотисто-розовые волосы в милые локоны. Это не дизайнерское платье. Дело даже не в дорогом ожерелье, висящем у меня между грудей. Всё это идёт изнутри. — Я — Голубая Кровь. Мы больше не терпим издевательств в Бёрберри. Я не буду с этим мириться.

Изабелла открывает рот, закрывает его, фыркает. Её карие глаза, такие же знакомые,

как и в моём отражении, закрываются. Когда она снова открывает их, они горят огнём и унижением. А потом... она идёт и делает это, откидывает волосы.

Она безупречно выполняет это движение.

Чёрт возьми.

— Неважно. Но мы ведь сейчас не в академии, не так ли? — Изабелла поворачивается, чтобы уйти, её платье едва прикрывает её задницу. Я не осуждаю, это просто... грустно. Чёрт возьми, ей четырнадцать. Не доходя до нас и трёх футов, Изабелла останавливается и оглядывается через плечо. Если бы я не знал её лучше, я бы сказала, что у неё папин нос. — Неудивительно, что мама бросила тебя. Какое разочарование.

Изабелла разворачивается в вихре тёмных волос и присоединяется к своим друзьям возле зоны отдыха у бара. Мой рот сжимается в тонкую линию, когда я думаю о ней, сидящей между моими родителями, о слезах в глазах моего отца, которые он так до конца и не объяснил.

«Ты так долго этого хотела, Мишка-Марни. Я просто счастлив, что этот момент наконец настал».

Ха.

— Хочешь, чтобы я избила её за тебя? — спрашивает Миранда, и я оглядываюсь, чтобы увидеть, что она определённо кипит от злости. Я качаю головой, а затем засовываю пальцы в карманы сексуального маленького коктейльного платья. Вау. Я бы никогда не подумала, что Тристан Вандербилт выберет платье с карманами, особенно то, каким он был два года назад.

— Она чем-то расстроена, — говорю я, подавляя боль, которая пытается поднять свою уродливую голову внутри меня. — И я думаю, что у меня может быть некоторое представление о том, что это такое.

Повернувшись к Миранде, я двумя пальцами вытаскиваю поддельные водительские права и заставляю себя улыбнуться. Я не позволю Изабелле Кармайкл добраться до меня, даже если она станет кульминацией и разрушением четырнадцати лет надежд и мечтаний наяву.

— Почему бы тебе не заказать себе что-нибудь фруктовое и алкогольное, а я побуду трезвым водителем?

Миранда прищуривается, глядя на меня, но всё равно кивает и, схватив меня за руку, тащит к бару.

Изабелла остаётся столько же, сколько и мы, вплоть до закрытия клуба, и, клянусь, я всё это время чувствую её взгляд на своей спине.

Это неприятное чувство... как будто у меня мишень между лопаток.

Мне придётся очень, очень внимательно присматривать за моей новой младшей сестрой, не так ли?

Глава 2

На следующее утро меня грубо будит звук автобусного гудка за моим окном. Застонав, я натягиваю на голову подушку, чтобы заглушить шум. Несколько мгновений спустя раздаётся стук в дверь, и я всё равно вынуждена встать.

Миранда всё ещё мирно посапывает на диване в отключке, а папа ушёл на приём к врачу. Я собиралась пойти с ним, но он меня не разбудил. Часть меня задаётся вопросом, не хочет ли он, чтобы я знала, насколько плохими становятся дела.

— Надеюсь, это что-то хорошее, — ворчу я, протирая заспанные глаза и распахивая входную дверь.

Мои глаза расширяются, и тихий писк срывается с моих губ.

Блядь.

Это научит меня смотреть в глазок на предмет, типа, убийц и всего такого. То есть убийц и парней-рок-звёзд с татуировками.

— Эй, Работяжка, ты что, отрываешься в утиной пижамке? — спрашивает Зейд, выдавая эту дьявольскую ухмылочку, когда щиплет меня за плечо пижамы, а затем наклоняется для поцелуя.

Я так потрясена, увидев его, и смущена, когда все выходят, но, когда он делает шаг вперёд и обнимает меня своей татуированной рукой, я забываю, что на мне кигуруми с утиными лапками.

На вкус Зейд напоминает вишнёвую колу и гвоздику, а пахнет он шалфеем и геранью. Когда его сильная рука обнимает меня, а его губы прижимаются к моим, я едва могу дышать. Моё сердце выпрыгивает из груди, и я встаю на цыпочки, закрыв глаза, проваливаясь в забытьё.

— Что, ради всего святого, на тебе надето? — ленивый голос раздаётся откуда-то из-за спины Зейда. Мои глаза резко открываются, и я прижимаюсь спиной к груди Зейда, когда он воет от смеха и отпускает меня.

Мои «лапки» соскальзывают на деревянный пол, и, если бы Зейд снова не шагнул вперёд, чтобы подхватить меня, я бы упала прямо на задницу.

Крид уходит в тень дома, одаривая меня своей беззаботной улыбкой, подходя и садясь на диван, прямо поверх своей сестры. Она едва шевелится, когда он протягивает руку и тычет пальцем в центр её лба.

— Просьпайся, соня, — мурлычет он, быстро переводя взгляд на меня. В нём мелькает небольшая вспышка ревности, когда он облизывает губы, изучая меня, пока я стою в кольце рук Зейда. — Вы двое вчера допоздна веселились на вечеринке? Это ужасно неприлично с твоей стороны, Марни.

— Я, мы... — я начинаю, но потом замечаю Зака, спускающегося по ступенькам огромного серебристо-чёрного автобуса, припаркованного перед моим домом. Я была бы в восторге от размеров этой штуки — она занимает весь наш двор плюс подъездную дорожку и ещё дальше, — если бы я не была так сосредоточена на парне с широкими плечами и округлыми бицепсами. *Не распускай слюни, Марни, это не круто.*

— Привет, — говорит он, спокойный, как удав, глаза тёмные и прищуренные, но не неприятные. Нет, на самом деле, в глубоких, затенённых глубинах этих прекрасных радужек он выглядит чертовски счастливым, увидев меня. Улыбка подчёркивает совершенство его

полных, сочных губ. — Не ожидала увидеть нас здесь, да?

— Не совсем, — признаю я, чувствуя головокружение и радость, но также и лёгкую озабоченность. Они пропадали целую неделю, а потом объявились в огромном фургоне? Что здесь происходит? — Что случилось с Тристаном и Виндзором?

— О, они здесь, всё хорошо, — отвечает Зейд, убеждаясь, что я твёрдо стою на ногах, прежде чем отпустить меня, его глаза с интересом осматривают мою фигуру, одетую в пижаму. Жар заливает мои щёки, и я начинаю пятиться, намереваясь убежать в свою спальню, прежде чем Тристан или Виндзор войдут и увидят меня в таком виде. Я и так смущена, но почему-то мысль о том, что эти двое увидят меня в пижаме плюшевой детской утки... — О нет, ты этого не сделаешь. — Зейд хватает меня за запястье и тянет вперёд, не подпуская к закрытой двери моей спальни и паре плотных джинс и симпатичному топу.

Тристан спускается по ступенькам автобуса, одетый в форму четверокурсника и выглядящий как чёртов король. На нём чёрный блейзер с красно-белым логотипом академии, чёрная рубашка, чёрный галстук, чёрные брюки...

Виндзор стоит прямо за ним, одетый гораздо более небрежно — в длинные джинсовые шорты и красную майку. Его рыжие волосы слегка завиты, и в его походке есть такая развязность, которая вызывает у меня улыбку... То есть до того, как два парня войдут с солнечного света в темноту дома.

В этот момент их взгляды устремляются прямо на мой наряд, и моё лицо вспыхивает, как в аду.

Что-то странное промелькнуло во взгляде Тристана, почти невероятная теплота, может быть, даже странная нежность, но затем это исчезло, и он поднял на меня идеально вылепленную тёмную бровь.

— Ты выглядишь нелепо. Где, скажи на милость, ты нашла такую отвратительную пижаму?

— Это подарок моего папы, — ворчу я, когда Виндзор улыбается и делает шаг вперёд, обхватывая моё лицо ладонью. Моё сердце на мгновение замирает, и на миг я чувствую слабость. Я так сильно скучала по ним всем, что внезапно все эти чувства обрушились на меня.

По сути, я живу с этими ребятами уже много лет, ем в одном и том же месте, хожу по одним и тем же коридорам, день за днём. Как только мы закончим школу, всё это исчезнет. Всё это уйдёт, и я никогда не смогу вернуть это обратно.

Мой желудок переворачивается, и лицо Виндзора почти незаметно напрягается.

— Ты в порядке? — шепчет он, наклоняясь и прижимаясь своим лбом к моему. Виндзор на мгновение закрывает свои прекрасные карие глаза, но не раньше, чем я замечаю в них вспышку усталости. *Он устал. Что-то случилось на этой неделе, я знаю это.*

— Я просто... в порядке, — отвечаю я ему, чувствуя, как в моём животе порхают бабочки. Он слегка отстраняется от меня, открывая глаза, а затем наклоняется и прижимается своим ртом к моему. В этом поцелуе есть яростное, тихое обладание, от которого у меня перехватывает дыхание. Это также похоже на то, что, возможно... Виндзор — не та непроницаемая, непоколебимая сила, за которую он себя выдаёт. Такое чувство, что в этот момент я нужна ему, и мне это нравится. Я хочу быть рядом с ним так же, как он был рядом со мной с первой секунды нашей встречи.

— Пижамы довольно милая, любимая. Очень сексуально. — Он отстраняется и подходит к креслу у камина, усаживаясь так, словно его тело просто слишком тяжёлое,

чтобы его было удобно носить с собой.

— Итак... как прошло собрание Клуба? — спрашиваю я, прочищая горло, когда Миранда стонет и шевелится, в основном потому, что Крид дёргает её за волосы. Никто, кроме Зака, не хочет смотреть на меня. — Настолько плохо, да?

— Это было... интересно. — Он отводит взгляд в сторону, к картине маслом на стене, которую Дженнифер нарисовала в колледже. Я всегда её ненавидела. Она не то чтобы хороша, а Дженнифер не очень приятный человек, так что я более чем готова указать на недостатки картины. *Она бросила меня на остановке, скрывала от меня мою сестру, а теперь она снова беременна. Как раз то, чего миру не нужно — ещё один ребёнок, которого она могла бы испортить.* — Но я думаю, что всё прошло лучше, чем ожидалось. Тристан всё ещё здесь, не так ли? — Зак прищуривает глаза и вздыхает, протягивая руку, чтобы взъерошить свои короткие тёмные волосы.

Тристан просто вздыхает и смотрит в окно, выражение его лица отстранённое. Он знал, что не вернётся в Бёрберри в следующем году, поэтому постарался организовать всё таким образом, чтобы я была в безопасности. Моё сердце замирает, и я издаю тихий вздох, который привлекает его внимание в мою сторону.

Его серый, как лезвие ножа, пристальный взгляд встречается с моим, и я внезапно чувствую, что падаю. Потянувшись, я обхватываю Зейда рукой, чтобы не упасть.

— Где бы ты был, если бы... всё пошло не так, как ты хотел? — я прямо спрашиваю Тристана, и он вздыхает, засовывая руки в карманы. Наши глаза встречаются, и тёплая дрожь пробегает по моему телу.

Мы почти... Я чуть не приняла неверное решение, и мне было всё равно.

Моё половое воспитание намного лучше этого. Хотя, возможно, мне было бы неплохо заняться контролем рождаемости, а?

— В военной школе в восточном Мэне, — отвечает Тристан нейтральным голосом, но с оттенком какой-то мрачности, которая отражается в его кулаке, когда он крепко сжимает его рядом с собой. — Новая любовница моего отца собиралась любезно заплатить за то, чтобы перевезти меня через всю страну. Это, конечно, произошло только после того, как она отговорила его полностью отречься от своего единственного сына — то есть он бы этого не сделал, если бы я выполнил его условия. Я же этого *не* сделал. — Он выплёвывает это последнее слово, как ругательство.

— Он настолько зол на тебя? — тихо спрашиваю я, когда Миранда, наконец, садится, зевая и потирая лицо, бормоча проклятия себе под нос. Почти уверена, что у неё похмелье. Она много выпила прошлой ночью. Отгонять от неё жутких парней было работой на полный рабочий день. Мужчины иногда могут быть такими грубыми. — Из-за меня?

Тристан просто небрежно пожимает плечами.

— Помимо всего прочего. Я никогда ему не нравился, с того самого момента, как моя мать решила, что хочет меня. Потом он откупился от неё, как и от всего остального в своей жизни. — Тристан улыбается, но это выражение похоже на то, которое было на его лице в день нашей первой встречи. В этом нет ничего дружелюбного или радостного. — Извините, я разглагольствую. У вас есть ванная, которой я мог бы воспользоваться?

Я одариваю его самой милой улыбкой, на какую только способна.

— Нет, мы крестьяне, так что всё, что у нас есть — это пристройка. — Почти уверена, что Крид, Зейд и Тристан смотрят на меня так, словно не уверены на сто процентов, верят они мне или нет. У меня вырывается тихий смешок, и я указываю в конец коридора. —

Первая дверь направо.

Он проходит мимо меня, до меня доносится его отчётливый запах — похожий на корицу и мяту, и я вздрагиваю. Тристан внезапно замолкает, поворачивается ко мне и кладёт пальцы мне на подбородок. То, как он смотрит на меня... в его глазах есть загадка, которую я так отчаянно хочу разгадать.

Не говоря ни слова, Тристан отпускает меня и исчезает в ванной. Мгновение спустя я слышу, как снаружи хлопает дверь, и, оглянувшись, вижу Лиззи, спускающуюся по ступенькам автобуса.

— Что она здесь делает?! — Миранда задыхается, её идеальные светлые волосы спутались на макушке в крысиное гнездо. Крид бросает на неё взгляд и вздыхает, откидываясь на спинку дивана в море одеял и подушек, как будто он здесь хозяин. Его манеры напоминают мне тот эпизод драг-рейса РуПола, который я смотрела на прошлой неделе, когда они переодевались богатыми наследницами. *«Мне принадлежит всё!»*

— Она была с нами на собрании клуба, — говорит Зак, бросая взгляд на Миранду. — Мы буквально ввалились в автобус, уехали и поехали прямо сюда.

— Чей это автобус? — спрашиваю я, моё сердце бешено колотится, ладони потеют. Тристан и Лиззи были одни в поместье Вандербильтов целую неделю; я не буду слишком долго размышлять о том, что могло между ними произойти. Я не буду.

Зейд одаривает меня широкой белозубой улыбкой и опирается предплечьем о край двери.

— Мой. Это туристический автобус «Afterglow». — Зейд замолкает, когда Лиззи поднимается по ступенькам, её тёмные кудри зачёсаны назад в конский хвост, улыбка мягкая и искренняя. Странное чувство зарождается внутри меня, но я подавляю его. Если я не дам другим повода для сомнений, то кто это сделает? Я должна подать хороший пример.

— Привет, — говорит она, делая шаг вперёд, чтобы обнять меня. Я отвечаю тем же жестом, несмотря на мрачный взгляд Миранды, прожигающий дыру в моей голове сбоку. — Милая пижама. — Лиззи хихикает, и я стону, закрывая лицо руками.

— Подарок от папы. Я не могла сказать «нет». — Я поднимаю взгляд, когда дверь ванной открывается и выходит Тристан, его мокрые волосы зачёсаны назад с лица. Я пытаюсь найти какую-то связь между ним и Лиззи, но он на неё не смотрит. Он ни на кого не смотрит.

— Итак... — начинает Зейд, снова привлекая моё внимание к себе. Его волосы всё ещё того же красивого цвета морской волны, что и при нашей первой встрече. Я люблю этот цвет. Он мог бы красить их так всю оставшуюся жизнь, и я была бы счастлива. Предполагая, что мы будем рядом друг с другом так долго... Моё сердце снова начинает бешено колотиться, и я загоняю эти чувства обратно. У меня есть целый год, чтобы наслаждаться тем, что у меня получается с этими ребятами. Целый год, прежде чем я сойду с ума. И пройдёт по меньшей мере декабрь, прежде чем я получу ответ из Борнстеда.

Время ещё есть.

— Что? — спрашиваю я, когда Тристан прислоняется к стене возле входа в кухню, а Крид и Миранда шёпотом вступают в какой-то маленький глупый спор.

Зейд обводит языком одно из своих чёрных колец в губе по кругу, глядя на меня сверху-вниз своими прекрасными изумрудными глазами. Его ухмылка медленно превращается в эту самоуверенную улыбочку, когда он наклоняется ближе.

— Ты вдохновила меня выйти на сцену и просто поиграть какую-нибудь хрень, как я

делал раньше, до того, как мы подписали контракт. В эти выходные мы с парнями устраиваем импровизированный концерт. — Он останавливается и толкает дверь, закрывая её за собой и скреживая испачканные чернилами руки на груди. Я ненадолго вспоминаю нашу первую встречу, когда он сказал мне, что я «трахабельная». Как далеко мы продвинулись с тех пор. — Я подумал, что ты, возможно, захочешь пойти со мной.

— На концерт? — спрашиваю я, ощущая трепет в груди. — Мне бы понравилось. Где?

Зейд ухмыляется и упирается подошвой ботинка в дверь, наблюдая за мной из-под полуприкрытых век. Кажется, он в достаточно хорошем настроении, но всё, что мне нужно сделать, это посмотреть на Виндзора и Тристана, чтобы понять, что дела в Клубе Бесконечности не совсем радужные и не усыпаны блёстками.

Харпер всё ещё ненавидит меня. Моя младшая сестра не хочет иметь со мной ничего общего. Папа болен. Четвёртый год в академии обещает быть безумным.

— Это секрет. Только люди, которые внимательно следят за мной в социальных сетях, будут знать, где он. — Зейд снова подмигивает мне, а затем жуёт кольцо в губе. — По доброте душевной я даже любезно пригласил других твоих бойфрендов. Что ты думаешь, Черити? Разве эта щедрость не заслуживает ещё одного поцелуя?

— Не будь похотливым засранцем, — рычит Зак, одаривая Зейда особенно недружелюбным взглядом. На нём куртка Леттермана, и я задаюсь вопросом, знает ли он, насколько возбуждающе она действует на меня.

— Если бы я был похотливым засранцем... — начинает Зейд, отталкиваясь от двери и подходя ближе, чтобы убрать прядь моих золотисто-розовых волос с моего лба. Мой пульс учащается, и я решаю, что мне действительно, действительно нужно как можно скорее избавиться от этой пижамы. — Я бы попросил чего-нибудь покрепче поцелуя.

— О-о-окей, — начинаю я, отступая назад и прижимаясь к общей стене между моей гостиной и спальней. — Парни, вы действительно не собираетесь рассказывать мне, что происходило на той встрече?

— Это не важно, — отвечает Виндзор почти слишком быстро. Он встаёт и одаривает меня дерзкой улыбкой. — Мы справились с этим, красавица. Обо всём позаботились. Итак, ты собираешься на обед в этой очаровательной пижаме утки или хочешь переодеться? В любом случае, я приглашаю тебя на свидание.

— Мы с Лиззи можем остаться здесь, так что вы, ребята, можете устроить из этого совместное свидание, — весело говорит Миранда, вставая с дивана с самой искренней улыбкой на лице. — Мы даже можем убраться за тебя, пока тебя не будет, в качестве одолжения.

— Ты не обязана... — начинаю я, но Миранда уже берёт Лиззи под руку и улыбается, теперь почти маниакально.

— Не говори глупостей. Мы были бы рады это сделать. Верно, Лиззи?

Миранда бросает взгляд в её сторону, но на данный момент она по сути загнала Лиззи в угол, заставив согласиться. Было бы трудно отказаться, не выглядя при этом, ну, в некотором роде, придурком. — Марни заслуживает немного побыть наедине со своими парнями, особенно после недели, проведённой порознь.

— Я... — Лиззи вздрагивает, оглядываясь на Тристана. Сейчас он примерно такой же выразительный, как грейпфрут. Он ничего не отдаёт даром. — Да, это понятно...

— Давайте похитим её прямо в этой пижаме, — растягивает слова Крид, зевая и вытягивая руки над своей белокурой головой. — Откровенно говоря, они возбуждают меня

как ничто другое.

— Заткнись, едва бывший девственник, — ворчит Миранда, отпуская Лиззи и беря меня за руку. — Я одену любовь всей вашей жизни, не беспокойтесь. Дайте нам двадцать минут. — Миранда тащит меня из гостиной в мою спальню, а затем закрывает и запирает за собой дверь.

— Это был грязный трюк, — шепчу я, но она просто продолжает ухмыляться и игнорирует меня, подходя к шкафу за другим платьем.

— Я знаю. Но что сделано, то сделано. Лиззи может либо отступить, либо я могу заставить её отступить. А теперь примерь это платье, и давай посмотрим, сможем ли мы заставить пятерых парней кончить одновременно.

— О, ну что ж, это романтично, — бормочу я, но теперь я тоже улыбаюсь.

Обед с ребятами звучит как именно то, что мне сейчас нужно.

Внутри автобус больше похож на мини-особняк на колёсах. Я буквально подавилась, когда Зейд проводил для меня полную экскурсию. Мы только что вернулись с ланча, и я должна сказать, что мне было приятно снова быть с парнями. Я скучала по ним так сильно, что это причиняло боль. В то же время существует большое напряжение, все эти запутанные нити, которые нужно распутать.

Я просто продолжаю убеждать себя заниматься чем-то одним за раз.

— Это койки, — говорит Зейд, демонстрируя кровати по обе стороны узкого коридора. Мрачный взгляд, который он бросает на меня, говорит о том, что он думает о чём-то большем, чем просто спать в них. — Достаточно места для одного парня и очень особенного гостя.

— И скольких особенных гостей вы развлекали в этом автобусе? — спрашиваю я, но он просто смеётся, этим воющим, всепоглощающим звуком, который заставляет меня улыбнуться.

— О, Черити. — Зейд гладит меня по голове, а затем пинком открывает за собой дверь ванной. — Здесь даже ванна есть. Опять же, достаточно места для одного парня и очень особенного гостя...

— Я сейчас уйду, — говорю я, поворачиваясь и направляясь обратно по коридору. Зейд подхватывает меня сзади, его руки обвиваются вокруг моей талии, его подбородок опускается мне на плечо. Всё моё тело наполняется теплом, и мои глаза закрываются сами по себе. Кстати, о напряжении... Между мной и Зейдом есть определённая связь, которая возникла с первой секунды, как я увидела его.

— Не уходи, Черити, я просто баловался, — бормочет он, утыкаясь носом в мою шею. На данный момент мы единственные два человека в этом автобусе. Невероятный жар разливается по моему телу, когда я кладу свои руки поверх рук Зейда. — Отныне в моём автобусе будет только один специальный гость, которого я хочу видеть.

— Это так? — спрашиваю я, когда он сжимает меня ещё крепче, прижимая спиной к себе.

— Определённо так. Что ты скажешь, если мы вышвырнем всех остальных этих ублюдков на обочину на ночь и устроим здесь небольшую ночёвку? Я дам водителю отгул на ночь...

— Моему отцу, возможно, не очень это понравится, — бормочу я, но знаю, что мне скоро исполнится восемнадцать. У него не будет особого права голоса по поводу того, что я могу, а чего не могу делать. Дело в том, что я люблю его и уважаю, и мне бы тоже не хотелось причинять ему ненужный стресс.

— То, чего папа не знает, не причинит ему вреда, — шепчет Зейд, проводя языком по изгибу моего уха.

— Может быть, это и не будет беспокоить её отца, но меня это определённо беспокоит, — говорит Тристан, появляясь на верхней ступеньке лестницы. Я вздрагиваю в объятиях Зейда, и мои мысли уносятся в самые неприличные места. *Интересно, на что это было бы похоже, если бы Зейд был с одной стороны, а Тристан — с другой?*

Ах, Боже милостивый. Возможно, я потратила слишком много времени на чтение той книги «Фанатка», которую Миранда подарила мне несколько дней назад. Это обратная

история о гареме, где главная героиня забирает себе всех пятерых мальчиков. Почти... то, что у меня. Но этим всё и заканчивается. Ей не нужно выбирать.

Счастливая сучка.

Зейд со вздохом отпускает меня, опираясь локтем о край одной из верхних коек.

— Чего ты хочешь, Вандербилт? Немного наличных, чтобы снять номер в отеле на ночь? Потому что в данном случае я готов предложить небольшую благотворительность, чтобы побыть немного наедине с... ну, с Черити, если вы понимаете, о чём я.

— Разве у твоей семьи нет дома на пляже? — я спрашиваю Тристана, но его лицо просто мрачнеет, и он ничего не говорит. Ой. Всё это отречение — по-настоящему, не так ли? — Знаешь, мне нужно спросить моего папу, но я уверена, что ты мог бы остаться здесь на несколько ночей.

— Ему не нужно место, для остановки на несколько ночей, Синичка, — говорит Зейд, и это звучит так, словно он получает удовольствие от падения Тристана. Чёрт возьми, зная его, скорее всего, так оно и есть. — Ему нужно где-то остановиться на всё лето.

— Теперь я бездомный бродяга, — растягивает слова Тристан, прислоняясь плечом к кухонным шкафчикам и наблюдая за нами острыми серебристыми глазами. — Это делает тебя счастливым, Зейд? Ты намыливаешь свой член лосьоном и мечтаешь об этом?

— Нет, я намыливаю свой член и мечтаю о Марни, — с ухмылкой парирует Зейд, снова хватая меня. Я вырываюсь из его объятий и бросаю взгляд через плечо.

— Ты говнюк, — ворчу я, но я не совсем недовольна его заявлением. Я перехожу к гораздо более просторной кухонной зоне и стараюсь не думать о том, что этот автобус похож на более роскошную версию железнодорожного вагона. Типа, мы с папой прожили в нём всю свою жизнь, а Зейд просто владеет им, чёрт возьми. Неравенство в благосостоянии, несомненно, интересная тема. — Ну, я не понимаю, почему кто-нибудь из парней не может тебя куда-нибудь пристроить, — говорю я ему, переводя взгляд с Тристана на Зейда. — Разве вы все обычно не ездите на лето в Хэмптонс? Там было много домов, которые можно было обойти.

— В этом году мы не поедem в Хэмптонс, — произносит Зейд, подходя к холодильнику и открывая его, чтобы достать около сотни различных напитков в бутылках. Отсюда видно, что для меня здесь целая полка чая со льдом и газированных напитков; я ценю только безалкогольные напитки. Зейд берёт пиво для себя, бросает одно Тристану, а затем поворачивается, чтобы посмотреть на меня, приподняв проколотую бровь. — Что тебе подать, детка?

— Чай со льдом, спасибо. — Зейд протягивает мне один, и я присаживаюсь на краешек скамейки, которая окружает маленький столик. — Что значит, вы не едете в Хэмптонс?

— Он имеет в виду, что мы остаёмся здесь. С тобой. — Тристан пользуется открывалкой, привинченной к стене, и открывает крышку своего напитка, подносит длинное горлышко бутылки к своему сочному рту и делает глоток.

— Почему? — спрашиваю я, чувствуя, как во мне поднимается волна нежной признательности. Мне хочется подпрыгивать от возбуждения, но в то же время я слегка подозрительна. — Имею в виду, я благодарна и, честно говоря, очень рада пообщаться, но мне также очень любопытно.

— Мы хотим расслабиться с тобой, — говорит Зейд, ковыряя этикетку на своём пиве чёрными ногтями. У меня возникает мысль, что они оба что-то скрывают от меня, но, с другой стороны, я чувствую это с тех пор, как впервые увидела их сегодня утром. Он

поднимает на меня взгляд. — И мы знаем, что ты хочешь быть поближе к своему отцу.

— И это всё? — спрашиваю я, и Зейд пожимает плечами. — У меня такое чувство, что вы все что-то скрываете.

— Это просто очередная чушь Клуба Бесконечности, — говорит Тристан, его голос ровный, как коньяк, обдаёт меня прохладной волной. — Это не имеет значения. Я буду спать в приюте для бездомных, если придётся.

«Ты бы не пережил там и одной ночи», — думаю я, прищуриваясь и отвинчивая крышку со своего напитка.

— Для этого нет никаких причин. Ты можешь остаться со мной до конца лета.

— Подожди, что? — спрашивает Зейд, когда я встаю. Я бросаю на него ледяной взгляд.

— Ну, он же должен где-то остановиться, не так ли? Я думаю, следующие несколько месяцев он будет в нескольких шагах от двери моей спальни.

— Эй, эй, эй, — вставляет Зейд, поднимая руки и немного отступая назад. — Конечно, он может остаться со мной. Мы почти что-то вроде друзей.

— Я бы не стал заходить так далеко, — говорит Тристан, прищуривая глаза и вздыхая. Он выглядит почти таким же усталым, как Виндзор. Я с трудом слатываю и облизываю губы, привлекая его внимание к себе. Между нами происходит это странное, безмолвное общение. *Завтрак, когда он толкнул меня через стол, та игра в твистер, признание Лиззи.* — Но я принимаю предложение.

— Молодец, — бормочет Зейд, закатывая глаза, и замолкает, когда водитель автобуса просовывает голову внутрь и просит разрешения поговорить с ним минутку. — Сейчас вернусь. Не попадай в слишком большие неприятности, пока меня не будет. — Он спрыгивает по ступенькам автобуса, и дверь мягко закрывается за ним, оставляя нас с Тристаном наедине в кондиционированном пространстве.

— Могу я кое-что спросить? — начинаю я, пытаюсь заполнить неловкую тишину. Тристан подходит к столу и садится напротив меня, его серебристые глаза скользят по поверхности и проникают прямо в мою душу. Он выдвигает одну ногу вперёд и в конце концов задевает ею мою.

— Ты можешь задать вопрос. Может быть, я отвечу на него, а может быть, и нет. — Я прищуриваю глаза и делаю глоток своего чая.

— В какие колледжи ты подавал документы?

Тристан замирает, как будто это не тот вопрос, который он даже отдалённо думал, что я задам. Он протягивает руку и проводит пальцами по своим шелковистым волосам цвета воронова крыла, глядя в окно на улицу, а не на моё лицо.

— Это и есть твой вопрос? Ты не хочешь спросить о моём отце, или о Лиззи, или даже о том, почему я так старался победить тебя на третьем курсе?

— Ты всегда изо всех сил стараешься победить меня. Что нового? Скажи мне, куда ты подавал заявление.

Тристан замолкает, откидываясь на спинку сиденья и внимательно изучая меня.

— Гарвард. — Конечно. — Стэнфорд. — Ожидается. — Браун. — *Интересный выбор.* — Оксфорд. — *Это чертовски далеко.* Тристан делает ещё один глоток пива, наблюдая за моим лицом, как будто ожидает от меня определённой реакции. — Борнстед.

Моё сердце выпрыгивает из груди, и я встаю.

— Хотя я уже передумал, — добавляет он, прежде чем я успеваю слишком разволноваться.

— Почему? — огрызаюсь я, отставляя свой чай со льдом и скреживая руки на груди. — У меня такое чувство, что ты делаешь это со мной нарочно.

— Я уже говорил тебе, Марни, тебе будет лучше без меня. — Тристан встаёт, как будто этот разговор окончен. Но я ещё даже не начинала. Я встаю перед ним, когда он собирается уходить, и он прищуривает на меня свои серые глаза. — Что ты делаешь?

— Останавливаю тебя от побега, — отвечаю я, широко разводя руки. Может быть, это немного драматично, но ничего страшного. Мне всё равно. Тристан Вандербилт — человек, привыкший получать всё, что он хочет. Что ж, чего он сейчас хочет, так это выбрать лёгкий путь и сбежать от меня. Я этого не потерплю. Ему придётся привыкнуть к компромиссам. — Ты думаешь, что ты такой плохой человек, но это не так. Ты избалованный ребёнок? Конечно. Есть ли у тебя в крови хоть капля жестокости? Да. Но... Ты всё равно мне нравишься.

Тристан смотрит на меня сверху вниз, тяжело дыша, а затем бросает пустую бутылку из-под пива в раковину. Его фирменный аромат корицы и мяты тяжело витает в воздухе между нами, окутывая меня, как заклинание.

— Потребуется нечто большее, чем просто школьная влюблённость, чтобы изменить меня, Марни. — Он пытается пройти мимо меня, но я хватаю его за руку, и он внезапно останавливается, его грудь поднимается и опускается от частых вдохов. Эти жестокие глаза скользят по мне, чтобы посмотреть на меня. — Ты не заслуживаешь тратить свою жизнь на то, чтобы пытаться перевоспитать какого-то мудака. Сейчас я даже не могу позволить себе поступить в колледж.

— Мы можем достать тебе несколько стипендий; ещё не слишком поздно, Тристан. Если ты чего-то хочешь, есть способ — это осуществить. Посмотри на меня: я поступила в Бёрберри вопреки всему. Я *пережила* Бёрберри, несмотря ни на что. — Моя рука сжимается на его предплечье, и он закрывает глаза. — Почему ты так упорно с этим борешься?

— Ты не понимаешь, насколько сложна моя жизнь, Марни. Я не могу просто так уйти навстречу закату. Ни с тобой, ни с кем-либо другим. — Он пытается высвободить свою руку из моей хватки, но я отказываюсь отпускать её, и Тристан в конце концов прижимает меня к стойке. Его руки по обе стороны от меня, наши тела прижаты так близко друг к другу, что я не могу дышать без того, чтобы моя грудь не прижималась к его груди. — Почему ты не оставишь меня в покое? У тебя есть ещё четверо парней, которые жаждут твоей привязанности. У них у всех есть деньги, и семьи гораздо менее сложные, чем у меня. — Он делает паузу и на минуту отводит взгляд. — Хотя, если бы ты была умнее, ты бы выпуталась из дел Клуба и убежала бы так далеко и быстро, как...

Я протягиваю руку и беру его лицо обеими руками, поворачивая его обратно к себе для жёсткого, наказывающего поцелуя. Я пытаюсь начать с нежности, но как только наши губы соприкасаются, Тристан берёт верх. Он издаёт этот звук, который опровергает эту фальшь контроля. Тристан Вандербилт сейчас не контролирует себя. На самом деле он ничего не контролирует в своей жизни.

Он поднимает меня и сажает на край стойки. Может, это и туристический автобус, но в нём всё те же низкие стойки, что и в вагоне поезда, благодаря чему я нахожусь как раз на нужной высоте, чтобы почувствовать, как твёрдость его брюк прижимается к моему телу.

С тихим рычанием Тристан отворачивает голову и зарывается лицом в мои волосы.

— Я так сильно хочу трахнуть тебя, — бормочет он, и я вздрагиваю, прижимаясь головой к его голове. — Но я не могу.

— Почему нет? — шепчу я, потому что прямо сейчас он так крепко обнимает меня. Я просто могу представить, как мы продвинулись на шаг дальше, чем в тот день в его комнате...

— Потому что я использую секс как оружие. Я не буду использовать это против тебя. — Он снова отстраняется, и на этот раз я отпускаю его. — Поверь мне: искушение существует. — Тристан оглядывается на меня, прежде чем направиться к двери. — Похоже, твой папа дома.

Он спускается по лестнице, а я со стоном прислоняюсь головой к шкафчикам и ругаюсь себе под нос. Всё моё тело прямо сейчас горит, а соски смущающе затвердели под тонким розовым платьем, в которое меня одела Миранда.

Я пользуюсь моментом, чтобы собраться с мыслями, а затем спрыгиваю вниз и направляюсь навстречу Чарли, который подъезжает к обочине на своём ржавом «Форде». Я уверена, он будет рад увидеть пятерых моих бойфрендов, тусующихся у него дома.

— Марни, — начинает он, разглядывая гигантский автобус и приподняв бровь. Он такой длинный, что загораживает подъездную дорожку; папе пришлось припарковаться на улице перед соседским домом. — Что всё это значит?

— Это просто, э-э, дом вдали от дома, — говорю я, улыбаясь и протягивая руку, чтобы указать на гигантское серебристо-чёрное чудовище, нависающее над нашим районом. — Я надеюсь, ты не возражаешь, что мои друзья заглянули ненадолго...

Папа улыбается и протягивает руку, чтобы взъерошить мне волосы.

— Я совсем не возражаю, — отвечает он, когда я беру его за руку и сжимаю её в своей.

— Как прошла химиотерапия сегодня? — небрежно спрашиваю я, зная, что Чарли упорно отказывается рассказывать мне что-либо о своём лечении. Он не хочет меня пугать. Чего он не понимает, так это того, что я и так достаточно напугана.

— Просто отлично, — отвечает он, его бейсболка прикрывает лысеющую голову. Я ненавижу это. Это несправедливо. Почему такой человек, как Уильям Вандербильт, избивает своего сына и растрчивает семейное состояние, а его задницу вытаскивают из огня в последнюю секунду? И почему такая женщина, как Дженнифер Кармайл, изменяет своему мужу, бросает своего ребёнка, а затем живёт в роскоши без каких-либо проблем со здоровьем?

Иногда мир может быть таким жестоким.

— Мистер Рид, — приветствует Виндзор, выходя из дома в сопровождении Зака, следующего за ним по пятам. У первого нет проблем с тем, чтобы неторопливо подойти и пожать руку моему отцу, в то время как у второго... Стыд на его лице отражается и на лице Крида. Зейд просто выглядит нервным, в то время как Тристан совершенно невозмутим.

— О, ясно. Эти друзья. — Папа вздыхает, но мы уже проходили через всё это раньше, на прошлогодней вечеринке по случаю дня рождения, так что это не так важно, как было раньше. — Ну, один мой друг заехал в больницу поздороваться и принёс мне эту огромную упаковку для гриля. Полагаю, я мог бы приготовить на скорую руку стейк и курицу, может быть, несколько бургеров...

— Позвольте нам самим всё приготовить, — предлагает Виндзор, проходя мимо папы и хватая холодильник с заднего сиденья грузовика, прежде чем Чарли успевает даже подумать о протесте. — Вы отдохните, а я принесу вам чашку чая. Я привёз несколько сортов с рассыпными листьями, которые были подарком моей прабабушки.

— Ты такой славный парень, — говорит папа, но затем слегка съёживается. — Я имею в

виду, я думаю, вам всем почти по восемнадцать, так что я должен сказать «мужчина».

— Я просто благодарен, что вы позволяете мне встречаться с вашей дочерью, — произносит ему Виндзор, и мне нравится, как у всех просто вылетает из головы, что *прабабушка* Винда — королева долбаной Англии.

Папа улыбается, но в его глазах какое-то отстранённое выражение, такое же, какое было у него всю неделю. Мне нужно поговорить с ним об истории с Изабеллой. Он ужасный лжец, так что, если мои подозрения верны, он проболтается во время простой настойчивости. Но это хорошая черта характера, не так ли? Быть ужасным лжецом? Это лучше, чем быть экспертом в этом деле.

— Всё в порядке? — снова спрашиваю я, кладя руку ему на плечо. Он делает паузу и, поджав губы, кивает.

— Да, всё хорошо, Мишка-Марни. Тебе не о чем беспокоиться; я просто хочу, чтобы ты насладились своим выпускным годом. — Он снова направляется к дому, но мои нервы на пределе. Я чувствую, что он ещё чего-то не договаривает мне.

Я смотрю ему вслед, отец приветствует Лиззи и Миранду, когда заходит в дом. В основном он игнорирует Зака и Крида, но в этом нет ничего удивительного. Он до сих пор не простил их, и я не могу его винить. Я с большей вероятностью прощу то, что сделали со мной, чем то, что сделали с человеком, которого я люблю.

— Он ненавидит их, да? — спрашиваю я Винда, поглядывая в его сторону, когда он следует за отступлением моего отца, и тёмные тени танцуют в его карих глазах. Он всё ещё кажется мне рассеянным и усталым; это заставляет меня нервничать.

Принц снова смотрит в мою сторону, прогоняя страхи и сомнения из своего взгляда и улыбаясь.

— Может быть. Вот почему ты должна бросить остальных этих придурков, выйти за меня замуж и умчаться навстречу закату на своём розово-золотом «Мазерати». — Виндзор наклоняется и запечатлеывает лёгкий поцелуй на моей щеке, всего лишь мимолётное прикосновение губ к коже, от которого у меня кружится голова.

Я смотрю в его сторону, но всё ещё не могу решить, серьёзно он говорит или нет.

— Сначала колледж, Винди, — говорю я ему, и он одаривает меня этой озорной, сексуальной ухмылочкой. Мы с ним почти не говорили о колледже. Кроме того факта, что он сказал, что ему собственно всё равно, поедет он или нет, я ничего не знаю о его планах на будущее. У него достаточно денег, чтобы потратить их на всё, что он захочет, и безбедно прожить остаток своей жизни.

— Сначала колледж, потом княжество, — произносит он, подходя ко мне и переплетая свои пальцы с моими. На мгновение у меня перехватывает дыхание, я смотрю на прекрасного принца и задаюсь вопросом, что же я такого сделала, чтобы так сильно ему понравиться. Часть меня по-прежнему задаётся вопросом, не замысливает ли он чего-нибудь.

Я решаю задать ему тот же вопрос, который Крид задал мне.

— Почему? — я шепчу, мой голос едва слышен, звук уносится лёгким ветерком и позвякиванием колокольчиков.

— Почему, что? — спрашивает принц, подходя так близко, что я вижу золотые, голубые и зелёные крапинки в его радужках. Его красно-оранжевые волосы слегка завиты на макушке, и они мягко падают ему на лоб, пока он не отпускает одну из моих рук и не поднимает их вверх. Они остаются наверху, как будто предпочитают быть там.

— Почему я тебе нравлюсь? — спрашиваю я с неподдельным любопытством. Я не

напрашиваюсь на комплименты и не ищу подтверждения, я просто хочу знать.

Виндзор приподнимает рыжую бровь, глядя на меня.

— М-м-м, интересный вопрос, — отвечает он, на мгновение поднимая взгляд к небу. Когда он снова смотрит на меня сверху-вниз, на его лице появляется гораздо более мягкое выражение, которое заставляет меня вздрогнуть. — Сейчас? Или, когда я впервые увидел тебя? Это, миледи, два разных ответа.

— Сейчас, — твёрдо говорю я, выдыхая и наслаждаясь теплом его руки, прижатой к моей. Винд кивает, как будто он ожидал именно этого.

— Так вот, это потому, что ты человек, на которого не влияют лёгкие вещи в жизни. Ты требуешь сердечности и жертвенности, доброты, великодушия. Такого рода поступки даются нелегко. Я восхищаюсь тобой так, как никогда не восхищался никем другим. — Он замолкает и протягивает руку, чтобы коснуться моей щеки. — В тебе есть чистота, которая вполне могла бы нейтрализовать тьму во мне. Марни, мне не стыдно признаться в этом: я хочу тебя и готов бороться за привилегию называть тебя своей.

Глава 4

— Как ты думаешь, мы могли бы поговорить кое о чём? — спрашиваю я папу несколько недель спустя, сидя напротив него на железнодорожной станции. Он едва притронулся к своим вафлям, пропитанным арахисовым маслом и сиропом, и кажется, что он за миллион миль отсюда.

Он моргает, словно приходя в себя, и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, изображая улыбку, которая не совсем достигает его глаз. Я выдыхаю и обхватываю пальцами вилку. Запах свежего кофе и кленового сиропа успокаивает мои нервы, но задать этот вопрос по-прежнему сложно.

— Ты всё ещё... — *Фу, это будет сложнее, чем я думала, да?*

— Я всё ещё что? — спрашивает он, откладывая вилку и беря свой кофе. Пластиковая скатерть липкая, в заведении полно народу, но именно тихий гул голосов и позвякивание столовых приборов заставляют меня чувствовать себя как дома. Мы с папой едим здесь уже много лет.

Поездка в Борнстед... Я буду за миллион миль отсюда. Ладно, я преувеличиваю: это больше похоже на поездку в тысячу двести миль. Двадцать часов. Ну, или трёхчасовой перелёт из аэропорта Сан-Хосе.

— Ты всё ещё встречаешься с Дженнифер? — спрашиваю я, глядя на жёлтые разводы яйца на своей тарелке, а не на папино лицо. Он замолкает на минуту, но, я думаю, решает, что вопрос достаточно справедлив, и отвечает.

— Нет, больше нет. Ни разу с тех пор, как мне поставили диагноз. Твоя мать...

— Эгоистичная сука и не может справиться с твоей болезнью? — я поднимаю глаза и вижу, что папа внимательно наблюдает за мной. Он вздыхает и протягивает руку, чтобы поправить свою бейсболку. Обычно он не надевает головные уборы внутри, но он слишком стыдится своих редеющих волос, и весь персонал относится к нему с пониманием.

— Ты не должна так говорить о своей матери, — говорит он мне, но я не испытываю никакой симпатии к этой женщине. *Прощение, Марни, прощение. Если ты простила парней, то наверняка сможешь простить Дженнифер?* — Я хочу, чтобы у тебя были отношения с ней, с твоей сестрой.

— Только потому, что ты думаешь, что тебя не будет рядом, — выдавливаю я, чувствуя, как меня охватывает тёмное отчаяние.

Я начинаю понимать, что я немного помешана на контроле, но... Болезнь отца — это единственное, что я не могу контролировать. Это один из аспектов моей жизни, через который я не могу просто пройти. Он нужен мне. Мне нужно, чтобы он увидел, как я заканчиваю не только академию Бёрберри, но и университет Борнстед. Мне нужно, чтобы он увидел, как я выхожу замуж. Мне нужно, чтобы он увидел мой успех. Он стольким пожертвовал ради меня; я хочу, чтобы он знал, что я прилагаю все свои усилия, чтобы его жертвы были учтены.

— Марни, — произносит он, его голос мягкий, странный и далёкий. Наши карие глаза встречаются, и он не позволяет мне отвести взгляд. — Нам нужно поговорить об этом.

— Нет, не нужно. — Мои глаза начинают наполняться слезами, но я с трудом сдерживаю их. Я уже пообещала себе, что не позволю Чарли увидеть, как я плачу. Из динамиков звучит группа Creedence «Clearwater Revival», и мне приходится бороться ещё

сильнее, чтобы сдерживать слезы. От их песни «Have you ever seen the Rain» мне просто хочется рыдать. Я не знаю почему.

— Мой врач не уверен, что я протяну больше шести месяцев.

— Нет! — я внезапно встаю, и все остальные вопросы, которые я отложила в сторону, исчезают, как дым. *Изабелла действительно моя сводная сестра? Потому что она выглядит так, будто может быть чем-то большим. Так вот почему она такая злая? А как насчёт ребёнка? Он твой, так ведь?* — Нет. — Я понижаю голос, когда несколько других посетителей поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. — Пожалуйста, не говори так. Ты получаешь лучшее из доступных методов лечения, и... — я чувствую внезапную потребность написать Виндзору и спросить об этом. Он сказал, что позаботится об этом, верно?

Рассуждая логически, я знаю, что Виндзор Йорк не имеет никакого контроля над раком моего отца. Логически. Но в разбитом сердце нет никакой логики.

— Иногда мы должны принимать то, что имеем, — начинает папа, а я поворачиваюсь и, оттолкнувшись от стола, выбегаю на улицу, навстречу солнечному утру. Воздух свежий, и птицы поют яркие песни. В этот момент я ненавижу их всех.

— Ты в порядке? — спрашивает Зак, прислоняясь к своему оранжевому «Макларену». Я поднимаю взгляд и смотрю на него, его карие глаза темнеют и сужаются, выражение лица мягкое, но поза предвещает недоброе. Он выглядит таким страшным. Чёрт возьми, раньше я его боялась. Но когда я подхожу и обвиваю руками его талию, он прижимает меня к себе, его спортивный аромат успокаивает меня.

Я закрываю глаза и вдыхаю сладкую и пикантную смесь мускатного ореха и лаванды и решаю, что мне всё равно, выглянет ли папа и увидит ли нас. Я ненавижу секреты. Мне нужно рассказать ему правду об этих парнях и о том, что я встречаюсь со всеми пятью из них.

Зак обхватывает мой затылок одной из своих больших рук, сжимая меня так крепко, что я чувствую себя более чем в безопасности, завёрнутая во все эти его большие мускулы.

Он не просит меня говорить об этом, просто держит меня так, пока я не отстраняюсь и немного не шмыгаю носом.

— Хочешь пойти прогуляться по кампусу нашей средней школы? — спрашивает он, и я бросаю на него взгляд. В тот день, когда я уезжала, я поклялась, что никогда больше не вернусь в среднюю школу Лоуэр-Бэнкс. Но... может быть, это было бы каким-то образом очищающим? — Мы можем написать фломастером «Миссис Тупица» на двери миссис Диллворд и притвориться, что нам снова четырнадцать.

— Я никогда не писала «Миссис Тупица» на двери этой женщины, — говорю я Заку, скрещивая руки на груди. — Потому что я не хулиганка. — Его лицо смягчается, и он протягивает руку, чтобы взъерошить мои волосы. Это могло бы быть покровительственным жестом, сделанным неправильно, но Зак делает это так, чтобы это выглядело ласково. — Но она и сама иногда была немного задиристой, так что я понимаю это. — Я делаю паузу и мгновение изучаю его высокую фигуру, стараясь не думать о наших сеансах в темноте. Мы занимались сексом всего несколько раз, и это всё ещё кажется таким новым. Когда я смотрю на него и слишком сильно задумываюсь об этом, я краснею и чувствую почти неконтролируемое желание выболтать случайные архитектурные и исторические факты. — И вообще, что ты здесь делаешь?

— Ты привила мне пристрастие к этому заведению, — отвечает он, останавливаясь, когда одна из симпатичных молодых официанток спускается по ступенькам с пакетом еды

на вынос.

— Я забрала твой заказ, Зак, — говорит она, прикусывая нижнюю губу и моргая длинными ресницами в его направлении. Потом она замечает, что я стою там, и смотрит на меня так, словно я стою у неё на пути.

— Спасибо, Люсия, — говорит Зак, залезая в карман и вытаскивая пачку наличных. — Оставь сдачу себе, хорошо? — она берёт их и бросает на меня ещё один нахальный взгляд, прежде чем умчаться прочь.

— Часто сюда приходишь, да? — спрашиваю я, свирепо глядя на него, но это смягчается улыбкой. — Кажется, ты действительно нравишься *Люции*. И вы даже обращаетесь друг к другу по имени?

Зак одаривает меня дерзкой ухмылкой и наклоняется достаточно близко, чтобы поцеловать.

— Я не знаю, в курсе ли ты, но я грёбаная футбольная звезда. Я могу заполучить любую девушку, какую захочу.

— Угу, — говорю я, скрещивая руки на груди. Но я действительно чувствую себя лучше. Я имею в виду, настолько хорошо, насколько это вообще возможно, учитывая, через что проходит папа. Моё тело начинает дрожать, и Зак замечает это, слегка хмурясь и вставая, когда входная дверь закусочной снова открывается и Чарли спускается по ступенькам.

Он всё ещё не самый большой поклонник Зака, но мы приближаемся к этому.

— Зак, — здоровается папа, переводя взгляд с меня на него, как будто он не может до конца разобраться в наших отношениях.

— Мистер Рид, — говорит Зак, и я чувствую ещё один укол вины за то, что встала между их дружбой с тем видео. Может быть, я немного переборщила с этим? — Я просто был здесь, забирал заказ на вынос и наткнулся на Марни.

Папа кивает, поворачиваясь ко мне с непроницаемым выражением на лице.

— Я собираюсь отправиться на винодельню и начать устанавливать те арки.

— Тебе не следует работать, — твёрдо говорю я ему, чувствуя, как моё тело становится горячим от разочарования. — У меня есть те покерные деньги...

— Которые тебе понадобятся для поступления в колледж. — Папа протягивает руку и касается моего лица тонкой рукой, рукой, которая раньше была сильной и уверенной. — Я *хочу* работать, Марни. Мне это нравится. Работа по железу для меня — это как вид искусства. Если я перестану это делать, это всё равно что сдать. Не хочешь подбросить меня до дома, чтобы я мог забрать свой грузовик? — папа указывает на розово-золотой «Мазерати», который так бросается в глаза в ряду старых ржавых машин, в которых, на мой взгляд, столько же жизни и красоты, сколько в подарке принца на день рождения.

— Вот. — Я с улыбкой протягиваю Чарли свои ключи. — Возьми мою машину, но пристегнись и не делай ничего безрассудного. — Папа смеётся и быстро обнимает меня. — Сегодня вечером я готовлю ужин. Я экспериментирую с веганским рецептом, который нашла в Интернете. Кроме того, я купила кусочки рогалика на случай, если это будет полный отстой.

— У тебя получится, — произносит Чарли, целуя меня в лоб, прежде чем направиться к кабриолету, ругаясь себе под нос и проводя рукой по дверце, прежде чем забраться внутрь и тронуться с места.

— Знаешь, он умирает, — говорю я Заку, когда папа уезжает.

— Знаю, — шепчет он, и, поскольку Чарли ушёл, я даю себе несколько минут

поплакать, пока Зак обнимает меня. Он делает это так нежно, так самоотверженно... Тогда я уверена, что полностью и по-настоящему простила его.

Средняя школа Лоуэр-Бэнкс окружена сетчатым забором. Там есть камеры слежения, но я сомневаюсь, что кто-нибудь смотрит трансляцию. Более чем вероятно, что они там просто на случай какого-либо серьёзного вандализма. Давным-давно было три штатных полицейских, которые обычно сменяли друг друга, так что здесь всегда кто-то был, в дождь или в ясную погоду, независимо от того, был кампус открыт или закрыт.

Больше нет.

Сокращение бюджета так сильно ударило по школе, что я чувствую одновременно благодарность и вину за то, что мне посчастливилось учиться в Бёрберри. Однако не у всех есть такой отец, как у меня, тот, кто работал в дополнительные смены, чтобы давать мне уроки игры на арфе, заставлять меня работать усерднее, бороться со всем, что у меня было.

Круглый круг травы в центре двора жёлто-коричневый с вкраплениями сухой грязи. Когда мы с Заком ходили сюда, здесь всегда было зелено и ухоженно.

— Стало хуже, — говорит он после того, как помогает мне пролезть через одну из многочисленных дыр в ограждении, и мы стоим там, в центре мёртвой лужайки, оглядываясь назад во времени.

— Намного хуже, — соглашаюсь я, чувствуя, как у меня в животе что-то шевелится. Однажды я поставлю перед собой задачу помогать таким школам, как эти. Скольких умных и талантливых детей система отбрасывает в сторону? Они заслуживают шанса, такого же, какой был у меня.

Благотворительный случай. Кусок мусора из трейлерного парка. Девочка, над которой издевались.

— Пойдём в уборную, — говорю я через минуту, и Зак напрягается рядом со мной. Я пересекаю лужайку и останавливаюсь возле одного из столбов, поддерживающих наружный навес. Однажды Зак подбил группу девушек прижать меня к этому самому столбу и вывалить весь мой обед мне на рубашку.

— Марни, — говорит он осторожным и надломленным голосом, как будто воспоминания даются ему почти так же тяжело, как и мне. Нет, может быть, даже сильнее. Он сделал выбор относиться ко мне так, как он это делал, и ни по какой другой причине, кроме того, что Лиззи выбрала меня. И она выбрала меня из-за отчима, который посоветовал Дженнифер оставить меня на привале, потому что я слишком много плакала.

Мне действительно следует поговорить с ней наедине.

— Все в порядке. Пошли. — Я поворачиваюсь к женскому туалету, с удивлением обнаруживая, что дверь не заперта. Когда я захожу внутрь, я вижу расколотую дверную раму и понимаю, что кто-то недавно вломился сюда. Неудивительно.

Я останавливаюсь у входа, моя правая рука на двери, мои глаза прикованы к большой кабинке в конце, той самой, где я сидела и глотала все те таблетки.

— Мы не обязаны этого делать, — говорит Зак, останавливаясь позади меня. — Мне жаль, что я вообще предложил нам прийти сюда. Я не знаю, о чём, чёрт возьми, я думал.

— Ты думал, что нам нужно справиться с этим вместе, — отвечаю я ему, входя в комнату и направляясь к той кабинке, где я чуть не рассталась с жизнью. Я толкаю дверь внутрь и смотрю в пол. Пахнет отбеливателем, и на старой плитке нет мусора. Уборщик, должно быть, был здесь недавно.

Я сажусь на пол рядом с унитазом и обхватываю ноги руками.

Зак присоединяется ко мне, сползает по стене и садится на пол.

Некоторое время мы ждём там в полной тишине.

— Как ты узнал, где меня найти? — спрашиваю я наконец, потому что на самом деле мы ещё не говорили о том, что здесь произошло. Мы затронули эту тему, но я хочу встретиться с ней лицом к лицу и двигаться дальше.

— Я не знал. Я только увидел, что тебя не было на занятиях. Ты всегда была на занятиях, так что... — он делает паузу и выдыхает, вытягивая ноги перед собой. — На самом деле я не знаю, зачем я пошёл на поиски. Я... — Зак замолкает и проводит пальцами по своим шоколадно-каштановым волосам. — Я думал, может быть, ты будешь здесь плакать или что-то в этом роде. Потом я увидел твои ноги под дверью кабинки.

Я наблюдаю за ним и вижу, что ему больно, но мне... Мне нет. Я пытаюсь решить, не оцепенела ли я просто изнутри, но это не так. Нет, я просто нахожусь в другом месте своей жизни. Я стала сильнее. — Я спас тебя, а потом рассказал об этом Лиззи.

— Подожди. — Я поднимаю взгляд и прищуриваюсь. — Ты спас меня, а *потом* рассказал об этом Лиззи? У меня сложилось впечатление, что она уже отменила свою часть пари?

— Нет, это было после... — Зак поднимает на меня взгляд. — А что?

— Я... не обращай внимания. — Я переворачиваю руки и смотрю на отметины на запястьях. Есть слабые шрамы, настолько поблёкшие, что я их почти не вижу. После моей неудачной попытки с таблетками я три дня отдыхала дома, а потом попыталась перерезать себе вены в душе.

Папа только что купил те новые кухонные ножи с магнитной доской и красивыми принтами в виде галактик на лезвиях. У них были ярко раскрашенные ручки, и они были чертовски острыми. Было не так больно, как я думала, но крови было так много, словно красные ленты, стекающие в канализацию.

Тогда я запаниковала и побежала за Чарли.

Головокружение, вот что по-настоящему напугало меня, слабость, охватившая моё тело. Это было осознание того, что я никогда не смогу стать чем-то или кем-то в этой жизни, что я подведу папу, что я отказываюсь от самой важной вещи в мире: шанса. У меня был шанс всё изменить, и я сказал этому «нет». Наверное, просто не в моём характере сдаваться. Однако чувства одиночества и беспомощности были такими сильными. Жаль, что кто-то заранее не заметил, как сильно мне было больно.

После этого я некоторое время выздоравливала в больнице, и как только они решили, что я больше не представляю опасности для себя, они отправили меня домой. Мы с Заком начали встречаться, а потом разделили наш первый поцелуй. Он порвал со мной, и на этом всё закончилось. Я больше его не видела.

До тех пор, пока он не вышел из того лимузина возле Академии.

— О чём ты думаешь? — спрашивает он меня, и я поднимаю глаза, вспоминая, как он прижимал меня к себе, как его пальцы открывали мне рот, отчего меня тошнило. Я всё всхлипывала и всхлипывала, пока он укачивал меня, мои пальцы цеплялись за его рубашку. Он так меня унизил. На спор. Для игры. Для грёбаного Клуба Бесконечности.

— Что ты почувствовал, когда нашёл меня здесь в таком виде? Что творилось у тебя в голове?

Зак обхватывает ноги руками и кладёт подбородок на колени. Его взгляд так далеко, что я могу сказать, что в данный момент он не здесь, со мной нынешней, а скорее в прошлом, с

девушкой, которую он так упорно пытался уничтожить.

— Позор. Гнев. Ненависть. Но не по отношению к тебе, а по отношению к самому себе. Я не знаю, помнишь ли ты, как я кричал. Не думаю, что остановился, пока они не увели тебя, и я ударил кулаком по стене с такой силой, что сломал костяшки пальцев. — Он садится и указывает на плитку, всё ещё потрескавшуюся после того давнего инцидента. Наверное, это похоже на жизнь, когда одно маленькое действие может навсегда изменить судьбу мира.

— А твой дедушка... почему он вообще бросил твоих родителей? — губы Зака сжимаются в тонкую линию, и он отводит взгляд, сосредоточившись на члене, нарисованном фломастером рядом с унитазом. Там написано: «*Эмили нравится член Брэда*». Я встаю и на мгновение роюсь в своей сумочке, достаю свой собственный перманентный маркер и зачёркиваю слова, скрипя ручкой по плитке.

— Мой отец и его отец, они не совсем сходятся во взглядах... ну, ни в чём. Политика, религия, экономика. Они полярные противоположности. Они поссорились из-за руководства компанией. Мой отец никогда не вступал в Клуб. Он хотел честно зарабатывать на жизнь своим бизнесом. Мой же дедушка... — усмехается Зак, когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. — Он сказал, что без Клуба не было никакого шанса заработать реальные деньги. Кстати, он был прав.

Зак встаёт и прислоняется спиной к стене, пока я обдумываю идею написать несколько отборных фраз на плитках самостоятельно. Но потом мне просто становится жаль уборщика, и в конце концов я снова убираю маркер.

— То есть он прав насчёт денег. Но он никогда не должен был подталкивать меня присоединиться к ним, и мой отец никогда не должен был позволять ему. — Зак на мгновение смотрит в пол, и когда он поднимает на меня взгляд, я вижу в нём беспокойство, беспокойство о том, что я никогда по-настоящему не смогу простить его и Лиззи за то, что они сделали. — Я был молод и глуп. Если бы я мог вернуться в прошлое, я бы не стал делать этого снова. Вместо этого я бы пошёл в Лоуэр-Бэнкс-Хай. Я сожалею только о том, что мне не удалось пойти с тобой в Бёрберри.

— Миранда говорит, что ты слишком идеален, — молвлю я ему, оборачиваясь и пытаюсь оценить его реакцию. — Она говорит, что ты делаешь все правильно и говоришь все правильные вещи, но что ты, вероятно, полон дерьма.

Зак ухмыляется и пожимает плечами.

— Возможно, она права. Марни, я нехороший человек. Я учусь, но... Мне ещё предстоит пройти долгий путь. — Он выдыхает, и его ухмылка превращается в сдержанную улыбку. — Ты не хочешь взять еду, которую я купил на вокзале, и прогуляться до начальной школы? Я покачаю тебя на качелях, и мы сможем съесть блинчики за серебряный доллар на столах для пикника?

— Думаю, я увидела здесь всё, что мне нужно было увидеть, — говорю я, позволяя Заку обнять меня за плечи и вывести обратно на улицу, к забору. Как раз перед тем, как пролезть, я в последний раз оглядываю кампус, молча прощаюсь и в последний раз покидаю среднюю школу Лоуэр-Бэнкс.

Чарли был не совсем в восторге от идеи, что я поеду на рок-концерт с кучей парней, но я думаю, что присутствие там Миранды и Лиззи немного смягчило его. И плюс он снова выдал мне целую речь: *тебе скоро исполнится восемнадцать*.

Почти уверена, что скрытый подтекст этого разговора заключался в том, что *я не буду рядом вечно, так что тебе, взрослой, нужно делать разумный выбор*. Я предпочла проигнорировать эту часть. Ну, а именно часть о том, что *я не буду рядом вечно*. Я всегда стараюсь делать разумный выбор.

Туристический автобус — это в значительной степени версия фургона для богатых людей. Я имею в виду, мне он нравится, но от него у меня не намокают трусики.

— Большинство девушек промокают насквозь, когда смотрят на эту штуку, — говорит Зейд, сидя на стойке и потягивая пиво. Я продолжаю ждать, когда мы попадём в выбоину, чтобы увидеть, как взлетит его высокомерная задница рок-звезды. Я уже пригрозила снять это на видео и выложить на YouTube.

— Ну, думаю, я не такая, как большинство девушек, — язвительно отвечаю я, наслаждаясь красным кожаным сиденьем, на котором разваливаюсь. С Кридом справа от меня и Виндзором слева я чувствую себя долбаной принцессой.

— Нет, ты определённо отличаешься от большинства девушек, — говорит Зейд, его голос смягчается, зелёные глаза полуприкрываются. Этот его чувственный взгляд длится ровно столько, сколько требуется Миранде, чтобы швырнуть в него своей пустой бутылкой из-под пива. Он уворачивается от неё, и она падает в раковину. — Какого хрена это было?

— Говорить, что кто-то «не такой, как большинство девушек», — начинает Миранда, делая пальцами маленькие кавычки, — чертовски женоненавистнически. Это подразумевает, что есть что-то неправильное в том, чтобы быть *как девушка* с самого начала. Не делай этого.

Зейд щёлкает пальцами, отскакивает от стойки и исчезает в подсобке, чтобы порыться в одном из ящиков. Когда он возвращается, то уже на полпути к тому, чтобы снять рубашку.

Мои глаза скользят по его татуированному телу, когда он срывает с себя рубашку и заменяет её свободной чёрной майкой, на которой спереди белым курсивом написано «Феминистка АФ». Мой рот расплывается в широкой улыбке, и Зейд улыбается мне в ответ.

— Довольно фантастически, да? — спрашивает он, пока Виндзор потягивает чай и изучает его.

— Я бы тоже надел её, — добавляет он, пожимая плечами, в то время как Тристан смотрит на своё пиво и ничего не говорит. Он был таким тихим, таким замкнутым. Я уверена, он всё ещё не оправился от всего, что произошло в поместье Вандербильтов. Он был уверен, что не вернётся в Бёрберри, а потом появился Виндзор и позаботился об этом, как он делает всегда.

Я беспокоюсь, что это начинает его утомлять.

— Ты слишком стараешься быть крутым. На самом деле, ты такой же придурок, как и все остальные из нас. — Крид откидывается назад и закидывает руку на спинку сиденья, проводя пальцами по моему плечу, отчего я вздрагиваю. Я смотрю в его сторону, и его бледно-голубые глаза встречаются с моими. *Я не могу поверить, что мы провели нашу девственную ночь вместе*. Моё дыхание слегка учащается, но я отвожу взгляд, прежде чем

окончательно опозорюсь.

К счастью, до остальной части группы всего четыре часа езды, а затем ещё пара часов, чтобы добраться до места проведения. Я не уверена, что смогла бы выдерживать это напряжение намного дольше. Лиззи сейчас едва смотрит на меня, но она не оставляет Тристана в покое.

У меня возникает иррациональное желание оттащить её от него.

Его, с другой стороны, похоже, не беспокоит её постоянная близость. Мои руки сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ткань джинсов.

«*Не вини её, Марни. Это его выбор. Если он хочет, чтобы Лиззи была рядом с ним, тогда...*»

— Буду ли я ненавидеть участников твоей группы так же сильно, как ненавижу тебя? — спрашивает Зак, поднимая обе свои тёмные брови. Он одет в обтягивающую чёрную рубашку и джинсовые шорты, его Леттермановская куртка отброшена в сторону из-за летней жары. Это был необычно тёплый сезон для наших краёв, даже тревожно тёплый. По крайней мере, у нас есть кондиционер и в этом дурацком автобусе, и в доме моего отца. Вагон поезда был бы жарким. Нам приходилось использовать либо эти портативные устройства, либо жалкие оконные. Часто они работали несколько недель, а потом вырубались.

— Если под ненавистью ты подразумеваешь *любовь всем сердцем и душой*, то да, — отвечает Зейд, направляясь к двери, когда автобус подкатывает к остановке. У него практически кружится голова, когда он проводит испачканными чернилами руками по передней части своей свободной майки. У неё такие большие проймы, которые подчёркивают его худощавую, мускулистую фигуру под ними. Он просто покрыт произведениями искусства, манящими мой взгляд путешествовать по плавным линиям его тела в поисках большего.

Я сравниваю Зейда с ядовитой древесной лягушкой (кстати, я ему об этом говорила), потому что на него очень приятно смотреть, но прикосновение к нему смертельно опасно.

Внезапно он оглядывается через плечо, зелёные глаза сверкают, как драгоценные камни, на его красивых губах появляется кривая, глуповатая улыбка. Чёрные кольца, проколотые по обе стороны его нижней губы и брови, придают этому лёгкому оттенку всю его привлекательность. И это действительно милый, правда.

— Привет, Черити, — говорит он, и Зак издаёт этот раздражённый звук себе под нос.

— Да, *Зейд-Возбуждающий-Девушек*? — спрашиваю я, мило моргая ресницами. Он поднимает обе брови, глядя на меня, а Крид фыркает.

— Это реально самое худшее прозвище плохого мальчика, известное человеку. Почему бы тебе просто не назвать его *Болваном с двумя насосами*? В этом почему-то больше очарования.

— Ах, не ревнуй, чувак, — говорит Зейд, опираясь ладонями о стол и одаривая меня этим супер дерзким взглядом. — Если Черити услышала это ужасное прозвище, то это значит, что она искала меня в Интернете, а? — Зейд внезапно пригибается, и у меня вырывается тихий визг, когда он затаскивает меня под стол и вытаскивает оттуда, подхватывая на руки. — Тебе нужны были сведения, чтобы отшлёпать меня, Работяжка?

— Ты такой мерзкий, — стону я, но он, по крайней мере, частично прав. Я действительно искала его и нашла это ужасное, омерзительное, даже не рифмующееся прозвище. В Интернете есть целые группы девушек, которые утверждали, что спали с ним.

Одна мысль об этом выводит меня из себя.

— Парни! — кричит Зейд, когда дверь открывается и входит огромный чувак с бородой. — У меня есть подходящая девушка! — он поднимает меня, и смех вырывается из моего горла. Я ничего не могу с собой поделать. Помимо того факта, что между нами возникла какая-то сумасшедшая, естественная химия, именно поэтому он мне так понравился на первом курсе. У него природное обаяние — конечно, когда он не ведёт себя как настоящий хулиган.

— Это не та бедная девушка, которую ты пытал, не так ли? — бородатый парень ворчит, скрепя руки на груди, как у лесоруба. Он бросает на меня сочувственный взгляд. — Если это так, то мне очень жаль. Если это не так, тогда... забудь то, что я только что сказал.

— Нет, ты прав, это была я, — отвечаю я, когда следующим подходит парень с волосами цвета электрически голубыми, за ним следует брюнет с матово-светлыми кончиками, его короткие волосы на макушке собраны в небольшие колтуны. Все трое по-своему привлекательны, но ни один из них не в моём вкусе. *Слава богу, правда? У тебя уже есть пять парней. Думаю, этого достаточно.*

Но, как я уже сказала, в разбитом сердце нет логики. И в том, кто страдает от любви, тоже ничего нет.

— Это твоя девушка? — спрашивает Синеволоосый, указывая мимо меня на других девушек. — Тогда кто же эти две другие красавицы? — Зейд оглядывается через плечо, как будто совсем забыл о Миранде и Лиззи. *Лиззи*. Честно говоря, я даже не уверена, почему она здесь. Эндрю — нет, а мы с ним гораздо ближе, чем я и Лиззи. *Перестань быть соплячкой, Марни.*

— Миранда Кэбот, Идол Подготовительной Академии Бёрберри, — объявляет Миранда поднимаясь на ноги и откидывая свои белокурые волосы блестящей простыней. — Закоренелая лесбиянка, ты мне совсем не интересен.

— Справедливо, — говорит Синеволоосый, оглядываясь на Лиззи, его карие глаза сверкают. — А ты...?

— Это бывшая девушка другого парня моей девушки, — отвечает Зейд, и его друзья смотрят на него так, словно он, чёрт возьми, сошёл с ума. — Да, я забыл упомянуть, что я теперь типа поли или что-то в этом роде. — Зейд подбородком указывает в сторону стола. — Начиная с английского парня в конце, это Виндзор, вы, ребята, знаете Крида, футбольного придурка Зака, а затем Тристана.

— У твоей девушки пять парней? — спрашивает блондин Типс, и Зейд пожимает плечами. Я чувствую, как его покрашенные пальцы впиваются в моё бедро, и от этого мне становится тепло в тех местах, которые в моей нынешней ситуации не нуждаются в нагревании. — Самое время тебе попробовать своё собственное лекарство. Добро пожаловать, Марни, я Эйден. Задница с синими волосами — это Бенджи, точно такой же пёс...

— Эй, пошёл ты, — говорит Бенджи, доставая из холодильника несколько банок пива и ставя их на стол.

— ...а огромный чувак с бородой — это Берн. — Эйден заканчивает, а затем подходит к столу, чтобы взять пиво, беззастенчиво разглядывая Лиззи. Она пристально смотрит на него своими янтарными глазами, а затем придвигается ближе к Тристану. Он, кажется, ничего не замечает, прищуривая свои великолепные серые глаза на группе. — Итак, чья ты бывшая? — Эйден продолжает, откупоривая бутылку пива брелком на поясе, прежде чем предложить её ей.

— Я, ну... — начинает Лиззи, и её пристальный взгляд скользит по моему, как будто она подыскивает правильные слова, чтобы сказать. Мне нечем ей помочь. — Тристан и я были вместе...

— Тристан, верно, — произносит Эйден, а затем смотрит на короля Вандербильтов так, словно хочет его придушить. — Мы уже встречались с Тристаном раньше. Не могу сказать, что я был впечатлён во время какой-либо из наших предыдущих встреч. Разве ты однажды не трахнул девушку, которую Зейд привёл в автобус, пока он был в туалете?

Вау. То, чего я не хотела знать.

— Я буквально забыл о твоём существовании, — отвечает Тристан, его голос мрачен, выражение лица ещё мрачнее. — Какой-то никчёмный басист, которого можно заменить, плюнув в толпу. Прости меня, если я не упаду в обморок.

— Ага, — говорит Эйден со смехом, переключая своё внимание на Крида. — Неважно. Я помню, что ненавидел вас обоих. Ты ведь тот, кто вечно спит, верно? — Крид тоже прищуривается, совсем как кот, но ничего не говорит, его пальцы раздражённо выстукивают ритм по спинке скамьи.

— Ну, Тристан, может, ты и не падаешь в обморок, но как насчёт твоей бывшей девушки здесь? — добавляет Бенджи, и Миранда грациозно встаёт, чтобы он мог проскользнуть на её место рядом с Лиззи. — Что скажешь, бывшая девушка?

— Я не совсем свободна, — говорит Лиззи, бросая взгляд на Тристана. Он оглядывается на неё, но снова ничего не говорит. Ничего. Почему он ничего не говорит?! — Я только что призналась Тристану в своей любви. И жду ответа.

— Ого, сюжет усложняется, — произносит Эйден, взъерошивая свои заиндевелые волосы. Он поднимает взгляд на Зейда, который всё ещё держится за меня. Однако его пальцы, кажется, лишь слегка сжались. — Чувак, это будет *долгая* поездка?

— Поздравляю с твоей новой девушкой, — говорит Берн, мрачно глядя на Зейда. — Постарайся не испортить эти отношения, ладно? Она хорошая девушка, я уже могу это сказать. — Он улыбается мне, а затем подходит, чтобы взять пиво.

Мы с Зейдом обмениваемся взглядами, и он одаривает меня лукавой полуулыбкой.

— Я бы уже послал Лиззи на хуй, — шепчет он, и я обвиваю руками его шею и сжимаю.

Концертная площадка — это огромное ранчо, принадлежащее знаменитостям, которое, как я быстро выясняю, принадлежит одному-единственному Билли Кайзеру. Оно довольно красиво, этот идеальный вид Южной Калифорнии на пышные пустынные холмы, усеянные цветущими кактусами и кустарниками, покрытыми пурпурными цветами. Я предполагаю, что, если эта сухая жара продержится ещё долго, ландшафт кардинально изменится. Однако пока земля наслаждается преимуществами недавнего летнего ливня.

— Твоему папе всё равно, что ты используешь это место для концерта? — шепчу я, когда мы входим в массивное фойе с изогнутой лестницей. Интерьер оформлен в западной тематике, в частности, дорогие сувениры из фильмов, которые выставлены за стеклом с маленькими плакатами. Ко мне приходит смутное воспоминание о той первой вечеринке в Клубе Бесконечности, когда Зейд и Крид поспорили друг с другом, что Лиззи придёт. Каков был приз? Ковбойская шляпа? Нет, нет ковбойские *сапоги*.

Интересно.

Конечно, тогда Крид сказал, что хочет трахнуть наездницу, но теперь я знаю, что это полная ложь...

— Папа постоянно разрешает своим друзьям устраивать здесь концерты, — говорит

Зейд, бросая на меня странный взгляд. Он взбегаёт по ступенькам в своих ботинках цвета морской волны, идеально подходящих к его волосам, и оборачивается, держась одной разукрашенной рукой за перила. — Ну, пойдём, Черити, я хочу показать тебе свою комнату. — Зейд слегка преувеличенно подмигивает мне и уходит.

— #КомандаКрида, — шепчет Миранда, но затем легонько толкает меня в спину. — Ты иди, я присмотрю за Лиззи.

— Я... — я начинаю говорить ей, что мне не нужно, чтобы она присматривала за Лиззи вместо меня, когда поворачиваюсь и вижу руки Лиззи на галстучке Тристана. Он тоже смотрит прямо на меня, и в его лице читается какой-то вызов, от которого у меня сводит живот. Может быть, он... что, если ему нравимся и я, и Лиззи? Я имею в виду, я влюблена в пятерых парней, так почему это должно иметь значение, нравится ли ему другая девушка?

Мой желудок скручивает от тоски, и я взлетаю по ступенькам, мимо Зака и Крида, и поднимаюсь на самый верх, где ждёт Зейд.

— Добро пожаловать в Шато Кайзер, — мурлычет он своим бархатистым голосом рок-звезды, открывая дверь в *крыло*. Да. Не комната. Крыло. У меня отвисает челюсть, когда я начинаю спускаться по коридору, и Зейд заходит следом за мной, тихо закрывая дверь. — У меня здесь музыкальная комната, спальня, гостиная, игровая комната и ванная.

Я прикасаюсь пальцами к одной из рам на стене. Там маленький мальчик с пухлым личиком, которого обнимают женские руки. У них одинаковый нос и такой же полный рот. Я оглядываюсь назад, и лицо Зейда слегка вытягивается.

— Моя мама, — говорит он, подходя и становясь рядом со мной. — Она была фанаткой папиной группы. — Он постукивает по стеклу чёрным ногтем, и его лицо вытягивается. — Он женился на ней, но это продолжалось всего несколько лет, потому что, ну, ты знаешь, мой отец грёбанный наркоман-шлюха. — Зейд проводит рукой по лицу.

— Значит, они развелись? — спрашиваю я, оглядываясь через плечо и изучая суровое выражение лица Зейда. Эти эмоции неподдельны; он скучает по своей матери, где бы она ни была.

— Нет, она просто ушла. На самом деле они так и не развелись. Она пыталась получить опеку надо мной, но потом она... ну знаешь, она умерла. — Зейд отталкивается от стены и направляется по коридору, открывает последнюю дверь справа и прислоняется к косяку, скрестив на груди свои сильные, покрытые татуировками руки. — Ты идёшь или как, Черити? Обещаю, я не кусаюсь — если, конечно, меня не попросят.

Я слегка улыбаюсь и провожу пальцами по краю фотографии, чтобы повесить её, прежде чем присоединиться к нему. Я хочу побольше расспросить о его маме, но, может быть, Зейд пока не готов поделиться?

— Срань господня, — бормочу я, входя в комнату и позволяя своему взгляду блуждать по массивной стене с гитарами. То есть, буквально, там, наверное, висит сотня, начиная прямо с уровня пола и поднимаясь до самого высокого потолка. — Это безумие, — шепчу я, когда Зейд подходит и снимает акустическую гитару со стены, садясь на красный диван неподалёку. Он перебирает пальцами по струнам и напевает себе под нос, слегка раскачиваясь назад-вперёд в такт музыке.

— *Марни, я не могу поверить, что ты в моей комнате*, — мурлычет он, и я чувствую, как моё лицо расплывается в улыбке. — *Я, должно быть, самый везучий осёл на свете*. — Зейд произносит это последнее слово тихим воркованием, от которого у меня мурашки бегут по коже. — *Как ты вообще можешь простить такого идиота, как я? А ты когда-нибудь*

пробовала шоколадные конфеты, которые я приготовил? — он делает паузу и поднимает обе брови.

Мои щеки вспыхивают, и я прикусываю нижнюю губу.

— Я отдала их своему отцу, потому что... Я прочитала кое-что о марихуане и раке, и... — Зейд ухмыляется и откладывает гитару в сторону.

— Эй, Черити, ты не обязана ничего объяснять, ладно? Я приготовил эти конфеты для тебя. Я рад, что ты смогла подарить их своему отцу. — Зейд встаёт и подходит к этому великолепному комоду, который, я знаю, должно быть, стоил целое состояние; он весь блестящий, покрытый шеллаком и выглядит современно. Он не совсем будоражит мои архитектурные чувства, как старые вещи, но, тем не менее, это красиво. — Но у меня есть несколько готовых самокруток? — говорит он, поднимая пластиковый тубик.

Зейд передаёт его мне, и я поворачиваю его по кругу. Ах, верно. Самокрутка — это в буквальном смысле косяк марихуаны, который был скручен в аптеке и куплен готовым к курению. Чарли постоянно страдает от этого; считается, что курение марихуаны помогает справиться с опухолью в лёгких.

Моё сердце сильно сжимается, и я чувствую внезапный прилив вины за то, что нахожусь здесь, когда должна быть дома с отцом.

— Марни, — говорит Зейд, осторожно забирая тубик из моих пальцев. Он засовывает его в карман, а затем кладёт руки мне на плечи, крепко сжимая их и заглядывая мне в глаза. — Ты не можешь чувствовать вину за то, что живёшь своей жизнью и являешься подростком. Твой отец не хочет, чтобы ты сидела дома и тосковала по нему. Если бы он этого хотел, то не велел бы тебе уезжать. Возможно, я не очень хорошо знаю этого парня, но то, как он отчитал нас всех в тот день в твоей комнате... У меня сложилось впечатление, что он не из тех, кто лжёт и несёт чушь.

Я смеюсь, но немного со слезами на глазах.

— Нет, ты прав. Чарли немногословен, но то, что он говорит, он и имеет в виду.

— Две ночи здесь, и я сразу же отвезу тебя обратно. Потом я собираюсь отдохнуть у своего отца в Круз-Бэй, пока не начнутся занятия в школе. Я не уйду от тебя, хорошо? — Зейд наклоняется и целует меня прежде, чем я успеваю ответить, ощущение распространяется от моих губ вниз до кончиков пальцев ног. Он отстраняется и ухмыляется. — Давай повеселимся сегодня вечером, оторвёмся завтра, а послезавтра будем беспокоиться о жизни. Что ты на это скажешь?

Из-под наших ног доносится музыка, и я смотрю вниз, прежде чем снова перевести взгляд на Зейда.

— Вечеринка? — спрашиваю я, потому что на самом деле не думала так далеко наперёд.

— Конечно, — отвечает Зейд, выпрямляясь и вращая своим телом в такт музыке хип-хопа, которая гремит внизу. Он подходит ближе и хватается за меня, побуждая двигаться в такт с ним. Он чертовски талантливый танцор. — Каким был бы концерт «Afterglow» без надлежащей вечеринки до и после?

Мы танцуем минуту, и я позволяю Зейду закружить меня по кругу, прежде чем он снова прижимает меня к себе. Это... может быть, даже меньше похоже на танцы и больше на секс. Наши бедра вращаются вместе, и моё тело начинает пульсировать. Теперь, когда я больше не девственница, моё тело словно пробудилось к удовольствиям секса и не может быть снова погружено в сон.

— Вот и всё. Я провожу тебя вниз и представлю. — Зейд хватается меня за руку и тащит из своего крыла в неожиданно оживлённый особняк. Он подходит к краю перил и скидывает руки вверх. — Добро пожаловать, завсегдатаи вечеринок! — кричит он, и его голос стоимостью в миллион долларов пререзает гомон постоянно растущей толпы; люди уже стоят почти от стены до стены, и они просто продолжают вливаться в дверь. — Выпивка и курение в гостиной, закуски на кухне, а одежда в бассейне по желанию!

Он оборачивается, когда я поднимаю брови, и Миранда поднимается по лестнице со своим чемоданом.

— Ты взяла с собой какие-нибудь вечерние платья? — спрашивает она меня, голос едва слышен из-за шума.

— Эм, за кого ты меня принимаешь? — отвечаю я, чувствуя, как учащается моё сердцебиение. — Я точно не ожидала вечеринки сегодня вечером, но я точно знала, что она будет завтра. Пошли.

— Не задерживайся слишком долго, детка, — говорит Зейд, поворачиваясь и запрыгивая на перила таким образом, что это серьёзно беспокоит меня. Но потом я понимаю, что это его дом, и он, вероятно, делал это и раньше. Я отказываюсь быть занудой, ни за что на свете. Если я собираюсь стать одним из Идолов академии, сучкой Голубых Кровей, я должна играть соответствующую роль. Если я получу контроль над школой, я смогу положить конец издевательствам. — Сегодня вечером я собираюсь короновать тебя королевой Элиты, моя дорогая. Попомните мои грёбаные слова!

— Зейд! — я кричу, когда он позволяет себе упасть назад, а затем приземляется в толпе, пробираясь вдоль поднятых рук ко входу в гостиную. Моё сердце колотится как сумасшедшее, и не помогает, когда Лиззи поднимается по ступенькам с платьем в сумке для одежды, перекинутой через руку.

— Подумала, что мы могли бы сделать выход в качестве Идолов? Могу поспорить, что даже если Гарпий здесь нет, они увидят видео и фотографии; они будут знать об этом все. Объединённый фронт? — она протягивает руку, и Миранда неохотно накрывает её своей. Лично я не могу поверить, что мой парень только что выбросился с балкона второго этажа, но я всё равно хватаюсь за них и держу крепко.

Девушки-Идолы академии Бёрберри, именно так Тристан нас и настроил.

Давайте посмотрим, насколько хорошо это работает.

Я упаковала красное платье Зейда для этого случая, короткое, обтягивающее, оно ползёт вверх по моим бёдрам, пока я ёрзаю и позволяю Миранде нанести последние штрихи на мои волосы. Я освежила стрижку перед самым отъездом, но в основном для придания формы. Я добавляю совсем немного длины.

— Вот, — объявляет Миранда, накручивая на палец большое колечко и позволяя ему подпрыгивать у меня на голове. — Мы подправим твою помаду и нанесём немного лака для волос.

— Разве ты только что не залила меня лаком для волос до смерти? — спрашиваю я с улыбкой, но Миранда отступает назад и бросает на меня такой взгляд. Это свирепый образ в сочетании с эффектными дымчатыми глазами, волнами сияющих светлых волос и коротким сапфировым платьем, которое на ней надето. Если бы мне нравились девушки, я бы женилась на Миранде сегодня вечером в этом платье.

— Для твоих бёдер, а не для головы, — говорит она, наклоняясь и приподнимая моё платье ровно настолько, чтобы были видны мои черные кружевные трусики. Она обрызгивает мои бёдра, пока я задыхаюсь от удивления, а затем стягивает платье обратно вниз. — Не даст ему подняться. — Миранда встряхивает банку, а затем передаёт её Лиззи, на которой золотое вечернее платье со свободными рукавами, усыпанными крошечными стеклянными бусинками. — Я читала в Интернете, что гимнастки используют ту же технику, чтобы удерживать свои трико на месте. Хотя не уверена, правда это или нет.

— Ты каждый день узнаёшь что-то новое, — говорю я, когда Миранда заставляет меня надуть губы, чтобы она могла освежить мою помаду.

— Теперь закрой глаза. — Я делаю, как она говорит, а потом вздрагиваю, когда она наносит лак для волос мне на лицо.

— Ты как папа из *«Моя большая греческая свадьба»*, который всё опрыскивает «Виндексом». Прекрати это. — Я отмахиваюсь от неё и открываю глаза, моргая, глядя на себя в гигантское зеркало на стене напротив туалетного столика. Мы находимся в одном из гостевых *крыльев* наверху. Да, снова не комнаты, а крылья. Это безумие. Весь мой дом мог бы поместиться в этом единственном номере для гостей.

Я провожу рукой по переднему красному платью и чертовски надеюсь, что это не слишком разозлит Крида. Я планирую надеть его платье на следующую вечеринку. Я надевала Тристана в тот ночной клуб несколько недель назад, но я бы хотела надеть его и на мероприятие с ним тоже. Несмотря на то, что ребята были придурками, я не думаю, что мне следовало выбирать между ними в течение первого года.

— Ты выглядишь как грёбаная модель, — произносит Миранда, когда Лиззи подходит и встаёт рядом со мной, мягко улыбаясь. Мы всё ещё не говорили о её признании. Я даже не уверена, как заговорить об этом. В любом случае, сегодня не та ночь. — Ты так не думаешь, Лиззи? Неудивительно, что пятеро парней пускают по ней слюни. — Миранда обнимает меня за плечи и дарит душистый поцелуй в щеку. — А теперь пойдём убьём нескольких придурков из Бёрберри.

— Как думаете, сколько наших сокурсников будет здесь сегодня вечером? — спрашиваю я, и Миранда бросает на меня решительный взгляд.

— Столько, сколько смогут прийти — или кому будет позволено войти в дверь. — Она

улыбается и хватает меня за руку, а затем предлагает мне взять Лиззи с другой стороны. Думаю, показать себя с лучшей стороны важнее, чем её ненависть к Лиззи. Ненависть, которую я всё ещё не совсем уверена, что понимаю. Либо это просто солидарность ради меня, либо... может быть, что-то ещё.

— Давайте сделаем это, — шепчу я, чувствуя нервный трепет в животе.

Я учусь на четвёртом курсе Подготовительной Академии Бёрберри.

Я встречаюсь с пятью самыми горячими парнями в школе.

И теперь я должна помогать управлять всем ей.

Пожелайте мне удачи.

Мы выходим и идём по коридору только для того, чтобы обнаружить Эндрю, ожидающего нас прямо за дверью в холл. На нём строгий белый костюм, который делает его немного похожим на Джеймса Бонда, особенно с его зачёсанными назад волосами. Он свистит, когда видит нас, и отталкивается от стены, чтобы выпрямиться.

— Чёрт возьми, девочки, — говорит он, а затем целует нас всех троих в щеку. Он прошёл долгий путь с тех пор, как в первый год учёбы тайком поцеловался с Гэри Джейкобсом в лесу. Интересно, он уже рассказал своим родителям? — Вы все выглядите потрясающе. — Он открывает дверь и жестом приглашает нас вместе выйти в фойе.

Зейд ждёт... окружённый толпой девушек.

Я поднимаю брови, когда выхожу, и все они разлетаются в стороны, когда Зейд встаёт, его глаза расширяются, когда он видит меня. На нём всё ещё феминистская майка, но он зачесал волосы наверх и добавил немного подводки для глаз.

— Марни, блядь, Рид, — рычит он, поднимаясь на верхнюю ступеньку и прикрывая рот ладонями. — Уступите дорогу Идолам, ребята. Ваша королева прибыла. — Зейд берёт меня за руку, оставляя Миранду и Лиззи позади, когда мы спускаемся по ступенькам.

Все пялятся на нас, абсолютно все.

Это то, чего я никогда по-настоящему не хотела, но теперь, когда у меня это есть, я собираюсь использовать своё положение во благо. Потому что в следующем году будет ещё один студент, который поступит в Бёрберри со стипендией Кэбота, и я хочу проложить путь для этого человека, кем бы он ни был.

Остальные мальчики ждут внизу лестницы, разодетые: блейзер, футболка и слаксы для Тристана; облегающая рубашка и джинсовые шорты для Зака; клянусь Богом, это форма поло для Виндзора; и свободная белая рубашка на пуговицах, которую он определённо не застегнут на все пуговицы для Крида.

— Парни, — приветствую я, и получаю самую ленивую и сексуальную улыбку от близнеца Миранды.

— Ваше величество, — говорит он, и Виндзор улыбается.

— Действительно, ваше величество. Выходи за меня замуж и сделай это официально. Никакого брачного контракта. Ты можешь получить половину моего состояния, если мы когда-нибудь разведёмся.

— Ты действительно чертовски странный, и я люблю тебя за это, — говорю я, и затем мои щеки вспыхивают, когда брови Виндзора поднимаются вверх. — Я имею в виду, типа... не любовь-влюблённость, а... просто... — я стону и поднимаю руку, чтобы прикрыть лицо. Я пока не готова ко всем этим вещам типа *я люблю тебя*.

Зейд просто смеётся надо мной и тянет меня сквозь толпу, в любом случае не заботясь о том, следуют ли за нами остальные. Завсегдатаи вечеринок расступаются перед нами, и,

клянусь, меня никто не толкает даже локтем. Повсюду есть лица, которые я узнаю, некоторые в форме, некоторые нет. Здесь есть ученики из Подготовительной Школы Ковентри, а также учащиеся Подготовительной Школы Беверли-Хиллз. Есть даже группа одетая в синие блейзеры с надписью: «Академия Адамсона» на нагрудном кармане.

— Хорошо, детка, — говорит Зейд, поворачиваясь и широко раскидывая руки, указывая на огромную гостиную с окнами от пола до потолка, огромной головой таксидермического лося над каменным камином и современной мебелью с лёгким намёком на ковбойство. Да, стиль Билли Кайзера определённо не мой стиль, но я могу его оценить. Ну, ладно, я могу оценить всё, кроме отрубленной головы животного. Просто это не моё. — У нас есть наш собственный канна-бар, он же каннабис-бар для тех, кто просто не употребляет алкоголь. Если позволите дать рекомендацию... — Зейд просматривает впечатляющий ассортимент марихуаны. Там есть съестные припасы, косяки, настойки, вейп-ручки, всякая всячина.

Законный возраст как для выпивки, так и для *марихуаны* в Калифорнии составляет двадцать один год. Я бы беспокоилась о том, что копы устроят облаву на это место, если бы не думала, что им, вероятно, уже заплатили.

— Рекомендация, да? — спрашиваю я, потому что на самом деле никогда раньше не пробовала травку. Вообще никогда. Да, да, знаю, я воплощение тихой учебной заучки, но это нормально. Я всегда принимала эту часть себя. Тем не менее, хотя алкоголь — это ещё не то, что я готова попробовать, из-за прошлых проблем моего отца и всего остального, может быть, я попробую травку?

Зейд берёт очень маленький кусочек шоколада между пальцами и поворачивается ко мне, одаривая своей сексуальной, самоуверенной ухмылкой. Буквально десятки девушек смотрят в нашу сторону и оценивают его, несколько парней тоже. Моя собственническая натура поднимает свою уродливую голову, и я оглядываюсь назад, чтобы найти похожие ситуации с другими парнями.

«Доверяй, Марни, доверяй», — думаю я, встречаясь взглядом с Заком, и он улыбается, поднимая кружку пива в знак солидарности. Он снова надел свою Леттермановскую куртку, которая, конечно, делает всё, что нужно. По обе стороны от него сидят девушки, и ещё пара собралась перед ним.

— Сатива? — спрашивает Крид, выхватывая шоколад из пальцев Зейда и бросая на него взгляд. Зейд слегка прищуривает глаза, а затем пожимает плечами.

— Гибрид, но с преобладанием сативы. Отзывы на Leafly говорят, что в нём есть энергия и креативность.

— Энергия, да? Мне бы сейчас не помешало подкрепиться. — Крид отправляет шоколад в рот и ухмыляется мне, проглатывая. — Ты когда-нибудь смотрела «Ананасовый экспресс», Марни?

— Не уверена, — отвечаю я, но тут же ухмыляюсь в ответ, потому что я не такая невежественная, как могут подумать эти парни. — Но я знаю, что Leafly — это приложение, где люди могут оценить, насколько им нравятся определённые сорта марихуаны, то есть определённые породы, например, как разница между шардоне и каберне. Я также знаю, что существует два вида марихуаны: индика и сатива. В целом, индика заставляет вас чувствовать себя более сонным и расслабленным, в то время как сатива, скорее всего, вызовет приподнятое настроение. — Я выдыхаю, когда Крид и Зейд поднимают брови и обмениваются взглядами. — Что? Я должна была изучить этот материал для Чарли.

— Дело не в этом, — говорит Крид, беря ещё один кусочек шоколада. — Просто... ты

говоришь так бесстрастно. Расслабься, Мишка-Марни. — Он кладёт конфету в рот и наклоняется, целуя меня ею. Его язык запикивает шоколад мне в рот, и у меня есть полсекунды, чтобы решить, хочу ли я его выплюнуть или проглотить.

Воу.

Это прозвучало гораздо порочнее, чем я предполагала...

Но также... хороший вопрос. На самом деле мне никогда, эм, не приходилось задумываться, выплюнуть мне или проглотить.

Я проглатываю шоколад и выдыхаю. Основываясь на опыте папы со съестными припасами миссис Флеминг, я знаю, что для проявления эффекта может потребоваться до двух часов. *Пожалуйста, не дай мне пожалеть об этом.*

— Ого, — говорит Зейд, поднимая ладони, когда Крид откидывается назад, ухмыляясь и засовывая пальцы одной руки в карманы своих обтягивающих чёрных джинсов. — Я думал, мы встречаемся с хорошей девочкой, Крид. Полагаю, наша новая королева-Идол немного капризничает, да?

— О, такая непослушная, — растягивает Крид, демонстративно слизывая шоколад с кончиков пальцев, соблазнительно обводя языком каждый из них. — А теперь, ты хочешь знать, почему я заговорил об «Ананасовом экспрессе»?

— Потому что... тебе нравится фильм? — спрашиваю я, когда Крид бросает на Зейда ещё один взгляд.

— Может, всё-таки не такая уж и непослушная? Она такая чертовски милая. Давай отравим её, Зейд. — Крид делает шаг вперёд, когда Зейд ухмыляется и обхватывает меня за талию. Крид наклоняется так близко, что я чувствую запах его одеколona, даже среди всех остальных потеющих студентов, и едкого запаха алкоголя, который, кажется, пропитывает воздух. От него пахнет чистым бельём и солнечным светом, как от простыней, оставленных сушиться в летнюю жару. — Я упомянул об этом, потому что в какой-то момент Сет Роген пускается в разглагольствования о том, как травка делает еду вкуснее, музыка звучит лучше, дерьмовые телешоу кажутся лучше... Это делает секс изысканным.

— Сет Роген употребляет слово «изысканный»? — шепчу я, и Крид одаривает меня озорной кошачьей улыбкой, как очень плохой домашний кот. Очень, очень плохой домашний кот с когтями. Это неправильно, что я хочу, чтобы меня поцарапали? Что, может быть, я даже хочу, чтобы меня укусили? — Потому что мне трудно в это поверить. — Крид тихо хихикает, ровно настолько, чтобы его плечи задрожали, а затем он качает головой, как будто ему не терпится увидеть, как это повлияет на меня.

— Просто подожди, пока она доберётся до тебя, а потом найди меня.

— Не-а, я так не думаю, — шепчет Зейд, покусывая моё ухо и заставляя меня вздрогнуть. — Отвали, Кэбот. Я забираю Черити поплавать. — Он хватает меня за руку и тянет к бассейну. Миранда уже там, танцует на столе с бутылкой шампанского в одной руке. Крид следует за ним, а затем со вздохом останавливается, скрестив руки на груди, чтобы защитить своего близнеца от неуправляемых парней. *Господи, это как рэп-клип или что-то в этом роде. Или мне следует сказать «рок-клип»?*

Тристан уже в джакузи, его голова запрокинута на тротуар позади него, руки вытянуты по обе стороны от тела. Должно быть, он отошёл в сторону во время разговора о еде, потому что, клянусь, он был прямо за нами.

Виндзор и Зак всё ещё рядом, и это тоже хорошо, потому что я чуть не теряю самообладание, когда вижу, как Лиззи забирается в джакузи в крошечном бикини и

придвигается поближе к Тристану.

— Что она делает? — шепчу я, когда Виндзор подходит и встаёт справа от меня.

— Она борется, любимая, — говорит он мне, бросая на меня взгляд. — Она хочет его — почти отчаянно.

Я поджимаю губы и наклоняюсь, чтобы стянуть платье через голову. Зейд и Зак оба издают потрясённые звуки себе под нос, но Виндзор, похоже, не удивлён. *Это нелепо; я не могу поверить, что делаю это.* На мне даже нет купальника под платьем, только сексуальные черные трусики и бюстгальтер пуш-ап, который мне на самом деле даже не нужен был. Однако Миранда настояла, чтобы я его надела.

— Пойдёмте, — говорю я другим парням, обходя их, чтобы забраться в джакузи с другой стороны от Тристана. Он приоткрывает единственный серый глаз, чтобы посмотреть на меня, а затем поднимает голову.

— Это что *купальник*? — резкий тон его голоса говорит о том, что он так не думает.

— Нет. — Это всё, что я говорю, сидя в горячей-прегорячей воде, когда моё тело начинает покалывать, и я понимаю, что у этой конкретной травки нет двухчасового времени активации. О нет, всё намного, намного быстрее. О-о-о. — Кроме того, я только что съела свой первый продукт с травкой.

Одна из идеально изогнутых тёмных бровей Тристана удивлённо приподнимается. Зейд отбрасывает рубашку в сторону, стаскивает джинсы и... Я оглядываюсь и вижу его член прямо перед своим лицом. Ну, в буквальном смысле, он только что разделся и залезает в джакузи. Я вижу в нём то, о чём раньше только мечтала.

Я имею в виду... разве я сказала, что мечтала? Ха-ха, нет. Э-э, ну, в интересах правды, я могла бы это сделать.

Ладно, ладно, мне определённо снился голый Зейд Кайзер.

«У него действительно красивый член», — приходит мне в голову, когда я замечаю маленький пирсинг на кончике. Мои щёки вспыхивают, когда он садится рядом со мной.

«В действительности похоже на дежавю», — думаю я, вспоминая, как сидела голая на коленях Крида в джакузи, очень похожем на этот.

— Ты съела травку? — спрашивает Тристан, моргая на меня. — Ты это сделала?

— Да, и что? — я пожимаю плечами, стараясь выглядеть невозмутимой. Люди плятятся на меня так, будто, так и есть, невозмутимо лежащая в горячем джакузи между одним голым парнем и другим, который... Я смотрю вниз и вижу этот краткий момент, когда пузырьки расходятся, и я клянусь, это похоже на предопределённый момент, созданный для того, чтобы показать член Тристана.

Ой.

О, боже.

Я откидываюсь на спину в нижнем белье и провожу языком по зубам, чтобы убедиться, что на них нет пятен губной помады. Виндзор, Зак и, в конце концов, Крид и Миранда присоединяются к нам. Крид отчаянно пытается урезонить свою пьяную сестру, но я бы предпочла, чтобы она сидела на краю этого джакузи, а не убегала в разгар вечеринки.

Лиззи смотрит на меня так, словно никогда раньше не видела.

— О, это будет весело, — бормочет Тристан, ухмыляясь и бросая взгляд на Зейда. — Я так понимаю, это твоих рук дело?

— Возможно, Крид немного помог, — пожимая плечами, отвечает Зейд, прикуривая косяк зажигалкой, которую он вытащил из кармана своих сброшенных брюк. Он делает

затяжку и передаёт её Виндзору. Принц делает две затяжки и продолжает передачу. Зак — единственный, кто отказывается.

— Провалю тестирование на наркотики, — говорит он, качая головой. — А если всё пойдёт хорошо в следующих нескольких играх, меня будут отбирать для... поступления в университет. — Он замолкает и отводит взгляд, лицо напряжено, как будто он глубоко о чём-то задумался. Он снял рубашку и забрался внутрь в одних шортах. Клянусь богом, у него самая широкая и сексуальная грудь, которую я когда-либо видела. Совершенно очевидно, что он заядлый спортсмен.

— Мы отравляем Марни, медленно, но верно, — бормочет Крид, хватая Миранду за руку, когда она снова пытается уйти. Она свирепо смотрит на него и делает ещё один глоток шампанского.

— Отравляете её, да? — говорит Лиззи с улыбкой, кладя руку на плечо Тристана. Он напрягается, и его лицо становится застывшим, но она, кажется, этого не замечает. Из-за этого я боюсь прикасаться к нему. Неужели он вообще не хочет, чтобы к нему прикасались? Или, может быть... он просто не хочет, чтобы она к нему прикасалась? Я не могу сказать. Я не могу сказать! И это, чёрт возьми, убивает меня. — Каким образом?

— Это секрет, и тебе не следует его знать, — отвечает Зейд с ухмылкой, и я вижу, как его жестокая жилка выходит на поверхность. Лиззи смотрит на него сверху вниз, слегка прищурившись, и я вспоминаю историю о том, как она встречалась со всеми парнями одним судьбоносным летом. Наверняка это была просто милая влюблённость в младших классах, верно?

Лиззи открывает рот, чтобы заговорить, когда зелёные глаза Зейда поднимаются и расширяются. Его рот сжимается в ровную линию.

— Ребята, у нас неприятности. — Он приподнимается и вылезает из джакузи, его член блестит от тёплой воды и ударяется о мой локоть. Я почти кричу, но вроде бы в хорошем смысле. Почти уверена, что травка уже сделала своё дело. Я чувствую головокружение, как будто мне хочется смеяться над всем.

— Неприятности? — эхом отзываюсь я, слишком медленно. Виндзор тоже встал. Даже Тристан встаёт и обматывает своё тело полотенцем так быстро, что я ничего не успеваю разглядеть.

Я оглядываюсь и вижу Харпер, Бекки и Илеану, стоящих рядом с гидромассажной ванной. За ними также стоит целая команда.

Мой список вспыхивает у меня в голове, как будто он был выжжен у меня в мозгу.

Месть Голубокровным из Бёрберри

Список, Марни Рид

Гарнии: Харпер Дюпон, Бекки Платтер и Илеана Тейттингер

Компания: Эбигейл Фаннинг, Валентина Питт, Мэйлин Чжан, Джален Доннер и Киар Сяо

Они все здесь, все до единого, и ещё кое-кто. Они набрали множество новых студентов, жаждущих увидеть все с высоты птичьего полёта.

— Какого хрена ты делаешь в моём доме? Это определённо *не* вечеринка в Клубе. Убирайся к чёрту.

— Вашей системе безопасности на дверях не помешало бы немного укрепления, — говорит Харпер, её длинные и роскошные волосы, недавно отросшие и окрашенные в сочный кроваво-красный цвет, ниспадают на плечи. Она не единственная: все девушки снова

щеголяют либо в париках, либо с наращёнными волосами. Они похожи на одуванчики, которые топчутся на месте и тут же снова вырастают. — Мы здесь, потому что отстаиваем свою позицию.

— Так ли это? — спрашивает Тристан холодным и ровным голосом. Я вижу, как дрожат его руки, когда он изо всех сил сдерживается, чтобы не сжать их в кулаки.

— Тихо, Работяга, — огрызается Харпер, её голос звучит властно, когда она насмехается над Тристаном. — Мы были недовольны одним благотворительным мероприятием в нашей школе, а теперь у нас их два? Что ты пытаешься сделать, обесценить репутацию академии, чтобы пострадали все остальные?

— О, но, дорогая, ты уже сделала это. — Тристан складывает одну руку на животе, положив локоть другой на ладонь, чтобы он мог помахать ей длинными изящными пальцами. — У тебя плохие манеры, ты некачественно воспитана, и, откровенно говоря, ты тупая сука, которая никому не нравится. Если ты считаешь себя одной из лучших в академии, то великолепная репутация Бёрберри уже страдает.

Харпер насмехается над ним и делает шаг вперёд, но Зейд останавливает её.

— Убирайся к чёрту с моей собственностью, — рычит он, его полотенце сползает с бёдер. Оно вот-вот полностью свалится. Я вскарабкиваюсь на ноги и вылезая из воды, чтобы поправить его для него. Он вздрагивает, когда мои пальцы касаются его бёдер, но его глаза не отрываются от Гарпий и их новой компании рабов популярности. К Джалену, последнему оставшемуся парню, присоединились хорошие полдюжины четверокурсников, которых я смутно припоминаю, встречая в кампусе.

— О, мы так и сделаем. Поверь мне. — Харпер прищуривает на меня глаза, но я просто выпрямляюсь и упираю руки в бока, насквозь мокрая и в нижнем белье. Мне даже всё равно. Запомните этот момент. — Я просто хотела зайти и сообщить вам всем, что мы не принимаем новый статус-кво. Если вы думаете, что этот год в академии будет лёгким, то вас ждёт ещё кое-что новенькое.

— И если вы думаете, — начинаю я, делая шаг вперёд и прерывая нескольких парней, когда они начинают спорить, — что я разрешу издевательства в моей академии, то вас ждёт грубое пробуждение.

— Твоей академии, да? — спрашивает Харпер, и по тому, как она смотрит на меня, я могу сказать, что на этот раз она играет всерьёз. Она хочет, чтобы я убралась из академии, из её жизни, с её пути. И она хочет раздавить меня в процессе. — Ну, это мы ещё посмотрим.

Она перекидывает свои волосы (да, мастерски), а затем неторопливо уходит, увлекая за собой добрую часть студентов Бёрберри. Не так много, как я опасалась, но достаточно, чтобы я пока не могла полностью списать её со счетов как угрозу.

— Я, блядь, убью этих охранников, — рычит Зейд, но я обхватываю руками его бицепс и привлекаю его внимание к себе.

— Не позволяй им беспокоить тебя, — говорю я ему, плотно сжав губы. — Они повесятся на своей собственной верёвке. Нам просто нужно подождать.

Парни обмениваются загадочными взглядами, которые заставляют меня задуматься, что, чёрт возьми, происходило на том собрании Клуба Бесконечности. Что бы это ни было, если судить по выражению их лиц, я должна быть в ужасе.

Только... Это не так.

Я не боюсь Харпер или любого другого хулигана, если уж на то пошло.

Больше нет.

— Пошли. — Я тащу Зейда обратно в джакузи, и остальные следуют за мной.

К тому времени, когда травка по-настоящему доходит до меня, Гарпии уже давно ушли.

В итоге я оказываюсь в постели с Кридом по одну сторону и Зейдом по другую. Музыка внизу всё ещё доносится издалека, но простыни подо мной такие приятные на ощупь, и я, кажется, не могу перестать смеяться.

— Ты под кайфом, — говорит Крид, но потом улыбается, потому что он тоже под кайфом. Зейд наблюдает за нами с другой стороны, подперев голову испачканной чернилами рукой. Сбоку у него на шее видна татуировка «*Никогда больше*», и я чувствую непреодолимое желание протянуть руку и дотронуться до неё, просто чтобы посмотреть, так ли приятны на ощупь чернила, как выглядят.

— Мм, — мурлычет Зейд, когда моя рука скользит вверх по его шее. Он наклоняется для поцелуя, и, клянусь, я никогда не чувствовала ничего подобного его губам на своих. На вкус он достаточно похож на опасность, чтобы быть соблазнительным, но также и на уверенность. Я уверена, что Зейд сейчас здесь ради меня, по-настоящему. Я не думаю, что он когда-либо хотел быть где-то ещё.

— Ты вкусный, — говорю я ему, когда Крид переворачивается на спину и смотрит в потолок. Это первый раз, когда я по-настоящему была близка с одним парнем, в то время как другой был рядом. Это... волнующе.

— Правда? — спрашивает Зейд, и на его лице появляется такое дерзкое выражение, что я поёживаюсь. Я всё ещё одета в своё нижнее белье и больше ничего. Сейчас оно высохло, но мои волосы по-прежнему кажутся влажными. Солист «Afterglow» протягивает руку и запускает пальцы в мои волосы, теребя золотисто-розовые пряди, а затем наклоняется для ещё одного поцелуя, который становится гораздо глубже, наши языки переплетаются.

Рядом с нами Крид засовывает руку в свои плавательные шорты и стонет, посылая по мне горячую волну, с которой я не совсем понимаю, что делать. Я всё ещё довольно новичок во всем этом сексе. Я имею в виду, что несколько раз с Кридом и несколько раз с Заком не делает меня экспертом.

Зейд проводит своей накрашенной рукой вниз по моему боку, по изгибу талии, слегка кладя ладонь мне на бедро. Каждое место, к которому он прикасается, кричит от удовольствия, и я понимаю, что Крид был прав: сейчас я чувствую себя в десять раз чувствительнее, чем, когда была абсолютно трезвой.

Тихий стон вырывается у меня, когда Зейд скользит рукой обратно вверх, поглаживая моё тело и заставляя меня дрожать.

— Это действительно изысканно, не так ли? — спрашиваю я, и Зейд смеётся. Звук такой же музыкальный, как и его песни. Я хочу слушать их все на повторе, снова, и снова, и снова. Я хихикаю, и он ухмыляется, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в ключицу, проводя губами вниз по кружевной линии моего лифчика. Бледные подъёмы и опадания моей груди противоречат моему внешнему спокойствию и показывают, насколько на самом деле я нервничаю внутри.

Я немного отклоняюсь назад, и моё тело наталкивается на Крида. Он стонет, и я оглядываюсь назад, чтобы увидеть, как его рука яростно работает, доставляя себе удовольствие. Пока я наблюдаю, он кончает, содрогаясь, и его тело обмякает на подушках. Почти уверена, что он заснёт примерно через минуту.

— Золотое правило таково: сначала кури, потом пей. Крид всегда пьёт, потом курит, потом снова пьёт. В этом его проблема. — Я оглядываюсь на Зейда и вижу, что он

ухмыляется мне в темноте. — Видишь ли, я сказал ему, что ты не придёшь к нему позже.

— Он выглядел так, словно хорошо проводил время, — шепчу я в ответ, в глубине души понимая, что, вероятно, мне будет стыдно вспоминать этот момент утром. Прямо сейчас всё это кажется сюрреалистичным и невероятно захватывающим. Я подползаю так, что оказываюсь верхом на Зейде, кладу ладони на его обнажённую, покрытую татуировками грудь, а затем скольжу ими вниз. Он стонет, поднимая руки, чтобы обхватить мою задницу. Мы снова целуемся, эти глубокие, долгие, исследующие поцелуи, которые, кажется, длятся часами.

Но в хорошем смысле. *В каком-то смысле я не хочу, чтобы это так заканчивалось.*

— Эта травка восхитительна, — выдыхаю я, и Зейд смеётся, с любопытством наблюдая за мной в лунном свете, когда я отодвигаюсь, прижимаясь губами к твёрдым, как камень, линиям его пресса. Мы в его постели, в его комнате, окно открыто, и тёплый, такой спокойный ветерок колышет занавески. Я слышу людей в бассейне, но они довольно тихие, далеко отсюда. С таким же успехом они могли бы находиться в другом мире.

Мой язык скользит по краю джинсов Зейда, а затем мои пальцы расстёгивают его ширинку. Я смотрю на него снизу-вверх, беря его член в руку.

— Чёрт возьми, — шепчет он, но затем позволяет мне лизнуть только один раз, прежде чем схватить меня за запястье и притянуть к своему лицу. — Не тогда, когда ты под кайфом, не в наш первый раз. — Зейд снова целует меня, а затем переворачивает, его язык кружится вокруг моего, его покрашенные пальцы скользят между моих бёдер. Он дотрагивается одной рукой до моего жара, и я задыхаюсь, обхватывая пальцами его плечи. Он даже не вставляет их, просто использует мою собственную влагу, чтобы дразнить и поглаживать меня, доводя до тёплого, содрогающегося оргазма, который очень напоминает мне Крида.

Мои веки сразу же наливаются тяжестью, и я вздыхаю, когда Зейд улыбается и снова целует меня, от его колец на губах у меня покалывает во рту.

— Приятных снов, Черити. Мы подумаем, как покончить с этим утром.

Зейд расслабляется рядом со мной, и последнее, что я помню, это как его покрашенные пальцы обхватывают основание его члена.

После этого не будет ничего, кроме снов, пока не взойдёт солнце.

Примерно в полумиле от дома установлена сцена, и, несмотря на жару, люди начинают выстраиваться в очередь ещё до того, как вечеринка по-настоящему заканчивается. Есть студенты, раскинувшиеся на диванах и кучками лежащие на полу, большинство из них с похмелья или всё ещё немного под кайфом. Но если они хотят занять хорошее место в толпе, им лучше встать сейчас, потому что очередь на вход тянется насколько хватает глаз.

— Ты реально знаменит, да? — спрашиваю я Зейда, оглядываясь через плечо, когда он надевает белую майку с логотипом своей группы спереди. Там написано «Afterglow» нацарапанное курсивом, с изображением полумесяца, полусолнца позади него, мерцающего по краям, ну, в общем, свечением (*прим. Afterglow — после свечения/вечерняя заря*).

Он одаривает меня своей дерзкой улыбкой.

— Ага, ну, может быть, совсем немного. — Он подходит, чтобы встать рядом со мной, и я чувствую, что краснею, когда вспоминаю, как мой язык встретился с его, э-э, ну... если я недостаточно взрослая, чтобы сказать это, значит, я недостаточно взрослая, чтобы сделать это: его членом. Прошлой ночью я чуть не сделала свой первый минет. — Я скоро отправлюсь с группой поприветствовать кое-кого из хедлайнеров, но вас будут ждать гольф-кары и несколько пропусков за кулисы. — Зейд встаёт и прикладывает ладонь к груди, его волосы цвета морской волны блестят в лучах раннего утреннего солнца. Дневная жара ещё не совсем началась, так что здесь всё ещё достаточно прохладно, чтобы погода была приятной. — И я такой хороший парень, что даже включил дополнительные услуги для других твоих бойфрендов.

— Славные парни не говорят, что они славные парни, — говорю я ему, и он улыбается, наклоняясь, чтобы прижать меня к двери, обхватив руками с обеих сторон, гроздь ожерелий с изображением гитары, которые он надел себе на шею, раскачивается вперёд в пространстве между нами.

— Нет, ты права: я полный придурок. Но вот в чём дело... — Зейд делает паузу и запечатлевает поцелуй в уголке моего рта. — Ты мне достаточно нравишься, чтобы попытаться. Итак, — он снова встаёт и складывает свои мускулистые руки на груди. — Вот я и пытаюсь. Возможно, мне и не удастся, но, по крайней мере, усилия есть.

— Ты отлично справляешься, — отвечаю я ему, чувствуя, как краснеют мои щёки. — Я имею в виду, пока ты остаёшься самим собой. Если ты мудака, то ты и есть мудака. Просто не будь хулиганом.

— Если бы я отлично справлялся, — говорит Зейд, делая паузу, когда замечает Крида, пробирающегося к нам в спортивных штанах с низкой посадкой и полотенцем, накинутым на его мокрые светлые волосы, — то твой язык не коснулся бы даже кончика.

— Коснулся кончика чего? — Крид огрызается, но Зейд просто смеётся и перелезает через перила балкона, прежде чем я успеваю его остановить. Он буквально ныряет в бассейн и доводит меня до сердечного приступа, когда я подбегаю и обхватываю пальцами перила, задерживая дыхание, пока он не выныривает и не подплывает к краю.

Зейд подтягивается, а затем поднимается на ноги, прежде чем столкнуть другого чувака в воду, а затем оборачивается, чтобы помахать мне.

— Всё такой же засранец! Только не с тобой. — Он покрывает поцелуями свои ладони, а затем бросает их в мою сторону, зелёные волосы падают ему на лицо, когда он пересекает

двор и выходит через боковую калитку.

— Кончика чего? — повторяет Крид, когда я смотрю на него, высокого и внушительного, с глазами, похожими на кусочки льда.

Моё лицо пылает, и я смотрю на голубое-голубое калифорнийское небо.

— Эм, ты согласишься мне, если я скажу... леденца на палочке?

— Нет. — Крид прищуривает глаза и фыркает. — Если только под леденцом ты не подразумеваешь член Зейда. Ты ж заметила этот дурацкий пирсинг? Он такой напыщенный хуесос. — Крид делает паузу, как будто, возможно, он пересматривает использование этого последнего термина. Он смотрит на меня сверху вниз. — Неужели ты...

— Нет! — выдыхаю я, краснея. — Мы оба были под кайфом. Он остановил меня.

— Он остановил тебя? — спрашивает Крид, а затем качает головой, вытирая полотенцем свои великолепные волосы, прежде чем отбросить его в сторону, вероятно, чтобы какая-нибудь низкооплачиваемая горничная убрала. Это беспокоит меня, поэтому я беру полотенце и складываю его в корзину, в которой уже есть грязная одежда. — Интересно.

— И что в этом интересного? — спрашиваю я, и Крид лениво пожимает плечами, пробираясь к кровати, чтобы лечь на неё лицом вниз. Кажется, его даже не волнует, что мы находимся в комнате Зейда. Или что он кончил в штанах, лёжа прямо рядом со мной прошлой ночью. Очевидно, травка не стирает воспоминания так, как, я слышала, это делает алкоголь.

— Просто... Я имею в виду, что Зейд, отказывающийся девушкам — это новое явление.

— Как и то, что ты девственник? — спрашиваю я, садясь рядом с ним. Крид приоткрывает один глаз с тяжёлыми веками и смотрит на меня снизу-вверх.

— Я больше не девственник, — говорит он, и эта лёгкая бесцеремонная улыбка появляется на его губах. — И ты тоже. Что бы ни случилось, ты, вероятно, будешь помнить меня всю оставшуюся жизнь. Мне это нравится.

— Ты самоуверенный, высокомерный, ленивый придурок, — молвлю я, но Крид снова просто пожимает плечами.

— С этим не поспоришь. Может, нам вздремнуть перед концертом? Я всё равно даже не знаю, почему мы встаём ни свет ни заря. Сегодня вечером не наше шоу.

— Ну мы могли бы немного вздремнуть... — я начинаю, и, должно быть, в моём голосе что-то есть, потому что Крид внезапно перестаёт выглядеть таким сонным. Его бесцеремонная улыбка превращается в довольную мужскую ухмылку, когда он приподнимается и подползает ко мне.

Мы едва успеваем одеться к началу шоу.

— Мерзость, мерзость, мерзость, — бормочет Миранда, пока я краснею, сидя на заднем сиденье гольф-кара с ней и Лиззи, пока Зак ведёт машину. — Я не могу поверить, что вошла и увидела эту отвратительную сморщенную задницу.

— У меня не сморщенная задница, — рычит Крид, оборачиваясь, чтобы взглянуть на неё. Зак такой большой и мускулистый, что только он и Крид помещаются на переднем сиденье, в то время как мы, девочки, втроём легко помещаемся на заднем.

— Выглядело именно так, вот так раскачиваясь вверх-вниз...

— Миранда! — кричу я, зажимая уши руками. — Пожалуйста, прекрати.

То, что Миранда во второй раз застала меня и своего близнеца, было неприятно. Думаю, так нам и надо, что мы не проверили, заперта ли дверь.

— Ладно, хорошо, но мне всё равно показалось, что она сморщенная...

Зак издаёт разочарованный рык, в то время как Лиззи хихикает и прикрывает рот рукой. Я уже закончила этот разговор, поэтому игнорирую их всех, разинув рот от изумления на огромную, бурлящую толпу, собравшуюся вокруг сцены.

Мы следуем за другим гольф-каром к заднему ряду, где несколько дюжих охранников проверяют и перепроверяют наши бейджи, прежде чем пропустить нас за кулисы.

— Что за цирк, — растягивает слова Тристан, как будто ему до смерти скучно.

— Лучше, чем сморщенная задница, — говорит Лиззи, и я клянусь, она делает это нарочно. Я останавливаюсь как вкопанная и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё, но она уже проносится мимо и хихикает. Тристан смотрит на неё, а потом снова на меня. Если слухи верны, то у него не было секса уже... много лет, верно?

— Миранда застучала меня и Крида, — говорю я ему, встречаясь взглядом с его мерцающим серебристыми глазами. Его челюсть сжимается, но он не произносит ни слова, ожидая, пока остальные пройдут, прежде чем Виндзор останавливается рядом со мной.

— Раньше я не ревновал, — размышляет Винд, убирая свои рыжие волосы со лба. Как обычно, они торчат вертикально вверх. — Теперь начинаю. Что вы думаете на этот счёт, мистер Вандербильт?

— Крид не представляет для меня угрозы, — отвечает он, выпрямляясь и проносясь мимо нас, в то время как Крид отшвыривает его сзади.

— Грёбанный мудака, — растягивает он, оглядываясь, чтобы оценить мою реакцию. Я стою там, ощущая напряжение и задаваясь вопросом: сколько ещё я смогу это делать? Сколько ещё я смогу удерживать их всех, прежде чем они начнут драться друг с другом?

— Эй. — Появляется Зейд, хватая меня за руку и прерывает ход моих мыслей. Теперь у него на запястьях спортивные повязки, и это свирепое выражение его лица полностью преображает его. Он превращается из великолепного, слегка недосыпаемого, слегка опасного... в трансцендентного. Зейд Кайзер выглядит как рок-бог. Он в своей стихии и чувствует флюиды толпы.

Его энергия заразительна.

Зейд тащит меня к краю сцены, где ждут участники его группы, и первая группа этого вечера начинает настраивать свои инструменты. Толпа сходит с ума в предвкушении шоу, когда Зейд обнимает меня за плечи, его тёплое дыхание касается моего уха.

— После шоу мне нужно, чтобы ты помогла мне отбиться от поклонниц, хорошо? — говорит он, и прежде чем я успеваю открыть рот, чтобы спросить его об этом, начинается музыка, и я ни черта не слышу.

В течение многих лет я хотела пойти на один из концертов Зайда и посмотреть, как он выступает.

Сегодня вечером у меня наконец-то появляется такой шанс.

Три группы до Зейда хороши, но у их солистов нет той дикой энергии, которую я чувствую, когда он прикасается ко мне, его пальцы касаются каждой части моего тела. На мне платье-майка «Afterglow» и туфли на каблуках, и Зейд как будто не может мной насытиться. Он практически все время обнимал меня на протяжении всех трёх сетов, прежде чем, наконец, одарил обжигающим поцелуем на удачу и широкими шагами направился через сцену.

Он срывает микрофон с подставки, проводит пальцами по своим зелёным волосам, а затем бросает на толпу такой пылкий взгляд, что они начинают кричать.

— Ого. Если бы я не была лесбиянкой, я бы, возможно, сменила команду на #КомандаЗейда. — Миранда насвистывает себе под нос, когда Зейд подходит к передней части сцены и ставит один из своих ботинок на динамик.

— Добрый вечер, Калифорния! — кричит он, и по толпе, кажется, пробегает волна силы. Моё сердце замирает, и я издаю тихий задыхающийся звук, который, кажется, замечает только Зак. Он переводит взгляд с меня на Зейда, наблюдая за ним тёмными прищуренными глазами, вбирая его в себя. — Вы готовы сегодня вечером оторвать свои грёбаные жопы?!

Ответные крики оглушительны.

Зейд кладёт микрофон обратно на подставку, хватая лимонно-зелёную гитару в форме топора и бренчит на ней. Берн заводит барабаны, в то время как Эйден играет на басу, а Бенджи берет другую гитару. Я не очень много знаю о рок-музыке как таковой, но в музыке есть эта незабываемая суть, нечто такое, чему ты учишься один раз и никогда не забываешь. Хотя я и играю на арфе, но моё тело резонирует с нотами, которые Зейд наигрывает пальцами.

Он начинает с песни, которая чертовски тяжелее всех тех, что я привыкла слушать, но она мне нравится. Конечно, после этого я, вероятно, оглохну на несколько дней, но... оно того стоит.

— *«Изменённый огнём, уничтоженный пламенем, сломленный насилем, восстановленный дождём».* — Зейд выкрикивает текст в микрофон, понизив голос и наигрывая на гитаре в безумном танце окрашенных пальцев. Я дрожу, по моему телу пробегают мурашки, когда я вслушиваюсь в слова и пытаюсь решить, слышала ли я эту песню от него раньше. Но нет... это что-то новенькое. Улыбка изгибает мои губы. Ни один автор-призрак не написал бы эту мелодию. — *«Капли твоих слёз были катализатором, которого я жаждал, тепло твоих губ было бальзамом, который мог спасти. Ты открыла глаза и увидела мою боль насквозь».* — Зейд приостанавливает бренчание на гитаре, а затем рычит в микрофон так, что я чувствую, как каждая частичка меня оживает от неистового прилива желания.

Чёрт возьми.

Отбиваться от поклонниц, сказал он?

Теперь я понимаю почему.

— А теперь *танцуй*. — Зейд срывает эту фразу с языка и крутит пальцем по кругу, приводя толпу в такое бешенство, что в передней части сцены образуется мош-пит (*прим. — круг из толпы фанатов на рок-концертах*). Мы с Мирандой теперь обе кричим и прыгаем вверх-вниз.

Энергия передаётся через эту песню и в следующую, когда Зейд кладёт гитару и поднимает своё выступление на совершенно новый уровень, используя всю сцену в качестве холста для своего творчества. Следующая мелодия намного мягче первой, но всё равно дикая. Он даже прыгает в толпу и поёт, когда они держат его на руках, как бога.

— Эти видео станут вирусными, — кричит Миранда, мокрая от пота, но ухмыляющаяся как маньяк. Она указывает на толпу, и я вижу десятки... может быть, больше похоже на сотни телефонов, включённых и записывающих. Наверное, она права. — К завтрашнему дню спрос на твоего парня будет ещё выше. — Миранда сжимает мою руку, и мне интересно, хочет ли она этим утешить... или напугать.

Пятеро сексуальных, богатых, талантливых парней... У меня, конечно, дел по горло.

— Ладно, ебанные тусовщики, — говорит Зейд, тяжело дыша, его рубашка прилипла к телу от пота, зелёные волосы прилипли ко лбу. Он протягивает руку, чтобы провести по лицу и размазать подводку для глаз. — Следующую песню я написал для своей девушки. — Он указывает накрашенным пальцем в мою сторону и подзывает меня к себе, за безопасную зону, в центр внимания.

— Иди! — подбадривает Миранда, выталкивая меня наружу и заставляя слегка споткнуться, прежде чем Зейд оказывается рядом, хватая меня за руку и тащит в центр сцены. Некоторые девушки слегка свистывают нас, некоторые парни раздражающе свистят, но в целом толпа кажется довольно позитивной.

— Марни Рид, ну-ка все. — Зейд тяжело дышит, когда высоко поднимает мою руку, и я слегка машу зрителям. — Она мирилась с моим дерьмом и издевательствами, и эта песня... она просто для того, чтобы я смог трахнуть её, ясно? — он смеётся, и этот звук проходит сквозь меня, как выстрел, согревая до глубины души. — Вы тоже можете слушать, но она не для вас. — Зейд бросает в толпу несколько своих резиновых браслетов, на которых написано «Afterglow Fangirl» (*прим. — Фанатки «Afterglow»*), прежде чем повернуться ко мне. — Это новая песня, окей? Так что заранее приношу извинения, если я всё испорчу. — Эта последняя часть произнесена с выключенным микрофоном.

Изумрудные глаза Зейда смотрят на меня сверху вниз, когда он вставляет микрофон обратно в подставку и отходит назад, разворачиваясь и направляясь к пианино в конце сцены. Он жестом приглашает меня сесть рядом с ним и кладёт пальцы на клавиши.

— Готова? — спрашивает он меня, глядя вниз из-под своих длинных ресниц, его пирсинг поблёскивает в лучах послеполуденного солнца, когда оно опускается за горизонт расплавленным оранжевым шаром. Я киваю, и Зейд выдыхает, протягивая руку, чтобы включить свой микрофон. Татуированные пальцы покоятся над жемчужно-белыми клавишами пианино, и он начинает с медленной, лёгкой мелодии, которая заставляет толпу раскачиваться с зажигалками в руках. Его группа поддерживает его более грубым, шероховатым звучанием, которое прекрасно сочетается с мелодичными фортепианными нотами. — *«Я никогда не буду хорошим парнем, и я никогда не стану святым, но, если ты готова позволить мне попробовать, я доблестно изменюсь. Если бы ты могла любить меня только за то, какой я мудака, тогда, клянусь Богом, я был бы тем мужчиной, на которого ты хочешь претендовать».* — Зейд делает паузу и убирает руки с клавиш, оглядываясь на свою группу. — Ладно, ребята, врубайте.

Трое других парней сильно ударяют по своим инструментам, сотрясая сцену, в то время как Зейд встаёт со скамейки запасных, забирая с собой микрофон.

— *«Прости, Марни, но я действительно плохо себя чувствую»*, — напевает он, садясь на крышку пианино, пот стекает по красивым, разукрашенным линиям его кожи, когда он проводит пальцами по волосам, заставляя их выпрямиться. — *«Если есть хоть какой-то шанс на доверие, можешь ли ты дать мне ещё один шанс? Внутри так много страха, что негде спрятаться. Но можешь ли ты увидеть меня настоящего?»*

«Я такая падкая на хорошие извинения», — думаю я, когда Зейд протягивает руку, берёт меня за руку и сажает к себе на колени. Ему так чертовски жарко, и он дрожит, подпитываемый адреналином толпы. Клянусь, это передаётся мне, когда я сижу там, слушая, как он поёт песню, которую написал сам, чувствуя, как бас и барабаны отдаются в моём теле.

Его член твёрд подо мной; я чувствую это, когда устраиваюсь поудобнее, напряжение

между нами становится туго натянутым, почти болезненная потребность переполняет меня, когда я касаюсь пальцами потных изгибов его бицепсов, фактически ощупывая его, пока он поёт. Я тоже чувствую себя смелой, поэтому наклоняюсь вперёд и слизываю пот с его горла, заставляя Зейда запинаться на словах, которые он поёт. Впрочем, это не имеет значения, потому что я могу сказать, что ему это нравится, его тело вибрирует, когда он затягивает песню и проводит рукой по моей спине. Его пальцы прокрадываются и хватают меня за грудь прямо у всех на глазах.

Моё сердце колотится так сильно, что я едва слышу что-либо ещё. Я словно отрезана от остального мира, окутана аурой бога рока. Глаза Зейда закрываются, когда он поёт концовку песни *«Ты видишь меня настоящего?»*, а затем бросает микрофон и подхватывает меня на руки, спрыгивая с пианино, в то время как толпа кричит и устремляется вперёд, толкая металлическое ограждение, отгораживающее переднюю часть сцены.

— Давай сделаем небольшой перерыв, хорошо? — спрашивает он, и я киваю.

Мы с Зейдом едва успеваем пройти за кулисы, как срываем друг с друга одежду, неистово целуемся, переплетая языки. Его руки потеют, когда он стягивает моё платье-майку через голову и отбрасывает его в сторону, обхватывая обе мои груди своими разноцветными ладонями. Я прижата спиной к колонке, поэтому отодвигаюсь назад, пока не сажусь на неё, мои собственные руки борются с узкими джинсами Зейда.

Здесь, за сценой и за углом искусственной стены, возведённой между рядом переносных туалетов и одной из парковочных зон для персонала, никого нет. Но это не значит, что в ближайшее время здесь никто не появится.

У нас не так уж много времени.

Но это нормально.

Я здесь не для долгого, затянувшегося сеанса экспериментальных рук и блуждающих ртов.

Мы с Зейдом наконец-то собираемся дать волю этой химии, которая мучила нас с первого дня, когда он вошёл в класс мисс Фелтон и оглядел меня с ухмылкой. *«Я бы трахнул тебя, если бы ты была в игре»*. Одна из первых вещей, которые он мне сказал. Тогда я хотела убить его.

Сейчас... Я точно в игре.

Его красивые, накрашенные пальцы скользят в карман за презервативом, и он надевает его в мгновение ока, притягивая меня ближе и глядя мне прямо в лицо.

— Передай Заку и Криду, что мне жаль, — рычит он, его голос всё ещё застрял на полпути между речью и песней.

— За что? — шепчу я, дрожа всем телом, мои руки вцепились в его потную майку.

— За то, что опозорил их. Позволь мне показать тебе, как трахается рок-звезда. — Зейд отодвигает в сторону мои трусики, и я задыхаюсь. На его идеальных губах появляется резкая ухмылка, прежде чем он входит в меня жёстко и быстро. Моя голова откидывается назад, и я обнаруживаю, что едва могу дышать. — Посмотри на меня, Марни, — мурлычет он, когда одна из других групп заполняет внезапное свободное место на сцене, и музыка пронизывает меня подобно буре.

Мне кажется, что я не могу держать глаза открытыми, но Зейд запускает пальцы в мои волосы и притягивает меня к себе, целуя и ощущая вкус свежего пота и апельсинового коктейля, который он пил на сцене. Его правая рука скользит вверх и обхватывает мою грудь через лифчик, разминая мягкую плоть, пока он трахает меня напротив колонки.

Во мне столько адреналина, что я вся дрожу. Но, чёрт возьми, это так приятно. Зейд облизывает мне щеку и прикусывает мочку уха, отчего моя спина выгибается дугой, а по телу пробегают волны удовольствия. Он двигается так сильно и быстро, двигая тазом именно таким образом, что стимулирует каждую частичку меня.

Шум толпы превращается в фоновый шум для нашего траха, этот легко игнорируемый гул, который сливается с этим почти сюрреалистическим моментом.

«Он большой. Возможно, позже мне будет больно», — думаю я, крепче обхватывая его ногами. Его пирсинг, который я видела раньше, я чувствую его даже через презерватив. На долю секунды я начинаю беспокоиться, что он может порваться, но, конечно же, Зейд Кайзер знает, что делает? Боже, такое чувство, что он точно знает, что делает. Маленький металлический предмет вызывает во мне дрожь удовольствия, которая столь же чужда, сколь и желанна.

Мои руки обвиваются вокруг шеи Зейда, и в конце концов я сильно кусаю его за плечо.

Он стонет, когда я кончаю, моё тело сжимается вокруг него, извлекая собственное удовольствие в гортанном мужском звуке, который не так отработан и отшлифован, как тексты, которые он пел для меня на сцене.

— Чёрт, — стонет Зейд, тяжело дыша и подхватывая меня на руки. — Блядь.

— Ну привет.

Мы оба замираем, когда голос вырывает нас из этого момента, и я понимаю, что на мне больше нет моего платья, и что Зейд всё ещё глубоко внутри меня.

Это Тристан.

— Тебя там люди ищут, — говорит он так, словно ему до смерти скучно. То, как он смотрит на нас двоих... Я не могу сказать, в ярости ли он... или ему всё равно. Он полностью отключился. — Поторопитесь.

Он поворачивается и уходит, в то время как Зейд ругается себе под нос и выскальзывает из меня, снимая презерватив и отыскивая ближайшее мусорное ведро, пока я ищу своё платье. Как раз в тот момент, когда я собираюсь натянуть его через голову, он хватается за ткань вокруг моих запястий, эффективно удерживая меня в ловушке, когда платье закрывает мне глаза.

— Ты обещала помочь мне отбиться от поклонниц сегодня вечером. Не забывай. — Я издаю звук подтверждения, и Зейд прерывает меня, целуя меня таким твёрдым, собственническим прикосновением к губам. — Теперь ты моя единственная поклонница, Черити. — Он отпускает меня, и я одёргиваю платье, когда он выходит на сцену.

Я следую за ним, останавливаясь рядом с Тристаном у ступенек и бросая на него взгляд.

— Ты...

— Мне всё равно, с кем ты трахаешься, Марни, — говорит он, а затем уходит и исчезает на остаток ночи. Если бы я не видела, как Лиззи танцует с группой своих старых подруг по Ковентри, я бы забеспокоилась, что они куда-то пошли вместе.

Как бы то ни было, к концу выступления Зейд Кайзер действительно буквально окружён девушками. Его друзья приглашают добрую половину из них на вечеринку, и в итоге я оказываюсь рядом с ним из-за самого присутствия толпы. Там едва хватает места, чтобы ходить.

— Везучая сучка, — бормочет одна из девушек, и Зейд бросает на неё такой мрачный взгляд, который доказывает мне, что он прав: сейчас он такой же засранец, каким был всегда.

— Ещё раз заговоришь с ней в таком тоне, и я сам укажу тебе на дверь, поняла? — огрызается он, и я поднимаю брови, когда он смотрит на меня сверху вниз. — Что? Единственный человек, который может запугивать тебя — это я.

— О, вау, такое романтичное заявление, — говорю я, закатывая глаза, но я знаю, что это шутка, поэтому пропускаю её мимо ушей.

Позже той ночью я оказываюсь в постели Зейда с Зейдом и только с Зейдом, и он показывает мне, что способен двигаться не только быстро, но и очень-очень медленно.

Глава 8

Первое, что я делаю, когда возвращаюсь домой с концерта, — это посещаю «Планируемое родительство» с Мирандой. Она без умолку говорит о том, как ей повезло, что ей не нужны противозачаточные, но её постоянная болтовня помогает успокоить мои нервы. И она в чём-то права. *Счастливая сучка.*

— Ты сейчас такая взрослая, — говорит она мне, когда мы выходим оттуда с противозачаточными таблетками и садимся в «Мазерати».

— Я такая и есть, да? — отвечаю я, пытаюсь найти место, куда бы положить гигантскую коробку презервативов, которую они сунули мне в руки на выходе. Я понимаю, Чарли смутно осознаёт, что я сексуально активна, но я уверена, что это не то, чему он хочет видеть доказательства. — Может, нам пойти куда-нибудь отпраздновать? Специальный обед в честь контроля рождаемости?

— Давай наденем нашу униформу и пойдём запугивать опрятных буржуазных отродий в Гренадин-Хайтс.

— По-моему, это звучит не очень по-взрослому, — говорю я Миранде, заводя машину, и она бросает на меня взгляд, опуская очки и уставившись на меня ледяными голубыми глазами.

— Только потому, что нам исполняется восемнадцать, это не значит, что мы должны отказываться от всего интересного. Давай, поехали отсюда. Еда за мой счёт.

Я ухмыляюсь, но должна признать: это действительно звучит забавно. Эта полностью чёрная школьная форма Бёрберри привлекает внимание.

Я надеваю свои собственные солнцезащитные очки, и мы возвращаемся в дом, чтобы взять нашу форму. Миранда снова остаётся на ночь, так что все её вещи свалены на полу моей спальни. У Кэботов огромный дом на пляже, но у её родителей гости, так что она старается держаться подальше. Крид, с другой стороны, каким-то образом оказался втянутым в бесконечную череду ужинов и коктейльных вечеринок. Мне почти жаль его.

Когда мы въезжаем на подъездную дорожку, я вижу во дворе вывеску «Продаётся» и сдёргиваю солнцезащитные очки, чтобы поглазеть на неё. Какого чёрта?

Чарли сидит в своём кресле в гостиной, когда я вхожу, и он улыбается, когда поднимает глаза и видит нас.

— Что это за вывеска? — спрашиваю я, чувствуя укол беспокойства внизу живота. Папа небрежно пожимает плечами, но я могу сказать, что он напряжён из-за этого. Между его бровями залегла маленькая «V» от беспокойства.

— Домовладелец хочет продать, а я сейчас не могу позволить себе первоначальный взнос за дом. Не беспокойся слишком сильно об этом. Агент по недвижимости сообщил мне, что это, скорее всего, будет приобретено как инвестиционная недвижимость, и то, что мы являемся долгосрочными арендаторами, является ценным активом.

— А как насчёт денег на моём... — начинаю я, но папа уже качает головой.

— Уже есть шесть предложений по этому объекту. Дома в Гренадин-Хайтс появляются нечасто. Не волнуйся, милая. Ты отложи эти деньги на колледж и перестань так сильно беспокоиться о своём старике. — Мой рот сжимается в тонкую линию. Жаль, что он не рассказал мне об этом раньше. Или, может быть, знак уже был во дворе, когда туристический автобус высадил нас прошлой ночью, и я просто не заметила? Я так

нервничала из-за своего сегодняшнего визита к специалисту по планированию семьи, что легко могла его не заметить.

— Я никогда не перестану беспокоиться о тебе, — говорю я ему, целуя в лоб.

Мы с Мирандой переодеваемся и уходим на целый день, возвращаясь, обнаруживаем плакат «Продано», прикреплённый поверх вывески «Продаётся». Мы обмениваемся взглядами, выбираемся наружу в темноте, а затем подпрыгиваем, когда из тени крыльца выходит человек. Я как раз собиралась поменять эту лампочку...

— Марни. — Это Виндзор, убирающий рыжие волосы со лба. Он ждёт, пока я остановлюсь рядом с ним, и я замечаю, что в одной руке у него лампочка, а в другой отвёртка. — Я заметил, что тебе нужен свет, красавица.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, доставая свой телефон, чтобы использовать его в качестве фонарика, чтобы он мог лучше видеть. Миранда заходит внутрь, давая нам минутку уединения. — И почему ты сидишь в темноте один?

— Просто устал, — отвечает Виндзор, устанавливая лампочку и заливая крыльцо светом. Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и я вижу, что это написано у него на лице, тёмные морщины усталости. Он откладывает отвёртку в сторону, затем лезет в карман своей кожаной куртки и достаёт сложенную пачку бумаг.

Я беру их у него и, прищурившись, смотрю на мелкий шрифт, внезапно поднимая взгляд.

— Ты купил наш дом? — спрашиваю я, потрясённо моргая.

— Совсем чуть-чуть. Было довольно много других предложений — и не все из них от приятных или даже нейтральных сторон. — Виндзор улыбается мне, но ему не хватает его обычного блеска. Он измучен. Что бы ни происходило за кулисами, это изматывает его. И я этого не хочу. Я не хочу, чтобы он изнурял себя ради меня. — Я только что заплатил в десять раз больше, чем стоит твой дом. — Виндзор смеётся и проводит ладонью по лицу. — Харпер действительно, действительно хотела его.

— Ты же не планируешь повышать арендную плату, правда? — спрашиваю я, но это просто шутка. Моё сердце бешено колотится в груди, и я просто... Я хочу обнять его. Так я и делаю. Я обвиваю руками его талию и прижимаю к себе. Он отвечает тем же жестом, а затем вкладывает мне в руку связку ключей.

— Покупка за наличные, быстрое закрытие сделки. За деньги можно всё купить... почти всё, что угодно. — Виндзор улыбается и отстраняется от меня, направляясь вниз по подъездной дорожке, засунув руки в карманы. Я подумываю последовать за ним, но мне приходит в голову, что он хочет побыть один. Он останавливается на краю двора, машет мне рукой, а затем продолжает путь к автобусной остановке.

Я всё ещё не понимаю, почему он не водит машину.

На самом деле я ничего не знаю о британском принце, хулигане из хулиганов.

Но я хочу этого.

Я так чертовски сильно этого хочу.

Остаток лета, кажется, пролетает незаметно в жарких ленивых днях, жужжании цикад и столько времени, сколько я могу провести с Чарли. Вопросы, которые у меня есть об Изабелле и новорождённом ребёнке, которого носит Дженнифер, отодвигаются в сторону в пользу сохранения мира.

Это... или, может быть, я просто не хочу знать ответы на эти вопросы?

— Что ты хочешь сделать на свой день рождения? — спрашивает папа, и я испытываю

безумное дежавю, сидя на заднем крыльце с ним и Виндзором. В прошлом году они устроили вечеринку-сюрприз в боулинге. Этот год... кажется таким суровым, таким важным каким-то образом. — Твоя мама хотела пригласить тебя и твою сестру на ужин.

— Это, пожалуй, последнее, что я хотела бы сделать в свой день рождения, — говорю я ему, пока Винд молчит, потягивая лимонад из металлической соломинки, засунутой в уголок его рта. Я выдыхаю и смотрю на лужайку. Она немного длинновата, трава колышется на тёплом ветру, но она усеяна полевыми цветами, и я нахожу это зрелище каким-то успокаивающим. — Может быть, мы могли бы все вместе пойти на озеро и приготовить барбекю?

— Это твой день рождения, Мишка-Марни, а не мой. — Папа протягивает руку и сжимает мою, но в ней не осталось сил. Щебечут птицы, порхают бабочки, но в этот момент я чувствую себя так, словно меня засасывает в чёрную-пречёрную дыру.

Я хочу закричать на весь мир, может быть, швырнуть чем-нибудь, но это не поможет. Вместо этого я делаю долгий, глубокий вдох и заставляю себя улыбнуться. Эта улыбка причиняет боль, словно нож режет нижнюю часть моего лица, но я всё равно это делаю. Потому что на самом деле это противоположно тому, что только что сказал папа: это для *него*, а не для меня.

— Это твоё восемнадцатилетие, — настаивает Чарли, глядя на меня с озорной улыбкой. — Предполагается, что ты должна попасть в беду. Это как обряд посвящения. — Я думаю, что *на концерте «Afterglow» у меня уже были серьёзные неприятности*, чувствуя, как по телу пробегает лёгкая дрожь. Я не могу выбросить из головы татуированные руки Зейда или то, как пирсинг в его члене заставил меня кончить с таким неистовым, всепоглощающим всплеском удовольствия.

Не... совсем тот разговор, который я хотела бы вести, пока папа касается моей руки. Я почти гримасничаю, но умудряюсь сохранить это выражение на своём лице.

— Барбекю и рыбалка на озере, — твёрдо говорю я, выдыхая. — Знаю, я была довольно строга в отношении веганства, так что мы возьмём несколько больших жирных стейков, рёбрышки, курицу...

— Я возьму несколько больших жирных стейков и всё, что ты захочешь, — говорит Виндзор, отставляя свой лимонад в сторону. — Просто составь мне список, и твоё желание исполнится.

Я бросаю на него взгляд.

— На этот раз больше никаких экстравагантных подарков. Это не соревнование. — Но мои губы всё равно растягиваются в улыбке, потому что он знает, как сильно я люблю свою машину.

— Договорились, ваше величество, — говорит он без тени иронии. — Только база. Ты хочешь торт? Свечи? Корону? — я улыбаюсь, и папа хихикает, протягивая руку, чтобы взъерошить мне волосы.

— Она носила корону с самого рождения, моя маленькая принцесса... — его голос затихает, и то, как он смотрит на меня... Я знаю, он думает, что умирает. Действительно верит в это. Я сжимаю в руке браслет-оберег бабушки Джун и поддерживаю с ним зрительный контакт.

— Любые нормальные вещи для вечеринки — и будет прекрасно... — я начинаю, а потом, как будто Виндзор чувствует, что нам это нужно, он встаёт и оставляет нас с папой одних на солнышке.

Мой восемнадцатый день рождения наступает за несколько дней до начала занятий в школе. Погода прекрасная, приятная двадцатиградусная жара, тени как раз достаточно, чтобы нам было прохладно, но на поверхности озера много солнечного света, сверкающего на солнце. Потратив часть своих игорных денег, я купила нам с папой новые удочки, чертовски модные. А также новую коробку для наживки и много других припасов, которые можно положить в неё. Я даже купила ему новую шляпу и маленькую металлическую лодку, которая рассекает воду, как мечта.

— Это же не мой день рождения, — настаивает он, но всё равно принимает вещи, и мы проводим добрую часть утра в тишине на воде, принося несколько рыбин, но оставляя только парочку, чтобы приготовить на обед. К тому времени, как приезжают парни, прикатывая на «Ягуаре» Зейда, «Макларене» Зака и седане «Мерседес», который Миранде подарили на восемнадцатилетие, мы уже пригоняем лодку и готовим угли для небольшого барбекю.

Виндзор устанавливает растяжки и привязывает к дереву смехотворно огромную связку воздушных шаров, в то время как Зак занимается грилем. Эндрю со своей семьёй на Гавайях до завтрашнего дня, так что его здесь не будет, и Лиззи не уверена, что сможет прийти. Разве это неправильно с моей стороны — надеяться, что будем только я, парни и Миранда?

— Корона, как и было обещано, — говорит Виндзор, надевая мне на голову тиару, от которой у меня глаза вылезают из орбит.

— Сколько ты на это потратил? — шепчу я, но он игнорирует меня, исчезая, чтобы помочь разгрузить подарки, закуски и гигантский трёхъярусный торт, который немного похож на подготовительный кампус Бёрберри. — Поговорим о торте. Чья это была идея?

— Мы все скинулись и купили тебе корону и торт, — отвечает Миранда, вкладывая мне в руку пластиковую палочку со светящейся звездой на конце. Я поднимаю брови, и она улыбается. — Мы решили, что в этом году все прощаемся с Бёрберри, так почему бы не съесть его в виде торта?

— Угу. — Она неторопливо проходит мимо и начинает открывать пакеты, чтобы высыпать чипсы в металлические сервировочные миски. Через несколько минут подъезжает Лиззи, и у меня замирает сердце. Она коротко обнимает меня на день рождения, прежде чем помочь Миранде с закусками.

Зейд включает музыку, в то время как Крид и Тристан устраиваются за столом для пикника, как короли.

— Честно предупреждаю, — говорит Тристан, глядя в сторону дороги. — Мы видели «Кадиллак» цвета шампанского, который направлялся сюда. — Я киваю, но всё в порядке. Вообще-то, на этот раз это я пригласила Дженнифер... и Изабеллу, и ребёнка, которого Дженнифер родила в прошлом месяце.

У меня есть внутреннее предчувствие, которое никуда не денется.

Машина подъезжает, и Дженнифер вылезает из неё, выглядя слишком хорошенькой для женщины, у которой только что прошли роды. Я ненавижу себя за эти мысли, но, если бы я могла, я бы передала её здоровье и жизненную силу Чарли. Я действительно хотела бы. Он тот родитель, который был рядом, который заботился обо мне, который вырастил меня в одиночку. Дженнифер — просто эгоистичная светская львица.

— С днём рождения, милая, — говорит она, целуя меня в щеку. Изабелла держится далеко позади неё, раздувая ноздри, когда она с отвращением смотрит на вечеринку, как будто это намного ниже её обычных стандартов. Дженнифер вручает мне свёрток, который

держит в руке, прежде чем вернуться к машине, чтобы забрать ребёнка.

«*Это может быть папин ребёнок*», — думаю я, наблюдая за ней, а затем опускаю взгляд на подарок в своей руке. Это маленькая коробочка с бантиком на ней. Я снова поднимаю взгляд, мои мысли проносятся со скоростью миллион миль в минуту. Нет, ребёнок не может быть от папы, верно? Я имею в виду, когда он начал проходить химиотерапию? Это определённо влияет на мужскую фертильность...

Затем я смотрю на Изабеллу, а потом сажусь рядом с Кридом, изо всех сил стараюсь контролировать своё дыхание. Он замечает, что у меня мини-истерика, и сажает меня к себе на колени, прижимаясь губами к моему уху.

— В чём дело, именинница? — спрашивает он, и я понимаю, что знаю о его дне рождения только благодаря Миранде. Двадцать шестое августа. Я не знаю дней рождения ни у кого из парней. Они все старше меня по крайней мере на несколько недель, я точно это знаю. Ни у кого из них не было никаких экстравагантных вечеринок или чего-то подобного, насколько я знаю.

— Как ты думаешь, Изабелла похожа на моего отца? — спрашиваю я, и Крид поворачивается, чтобы взглянуть на неё. Девушка с каштановыми волосами и карими глазами переводит взгляд с пятерых парней на вечеринку с новым интересом, но не предпринимает никаких попыток присоединиться к нам за столом.

— Ты думаешь, она дочь твоего отца? — спрашивает Тристан, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня. Я киваю, но затем морщусь.

— Что это за мыльная опера такая? Такого дерьма просто не бывает в реальной жизни.

— Но разве это не так? — спрашивает он, вздыхая и протягивая руку, чтобы откинуть назад несколько прядей волос цвета воронова крыла. — Твоя мать хочет комфортной жизни, денег и здорового мужа. Но она любит твоего папу. — Тристан внезапно встаёт и направляется к озеру. Я наблюдаю за ним, когда он направляется к концу причала, снимает обувь и закатывает штаны, опуская ноги в воду.

Это так... ну, не похоже на Тристана, что в конце концов я прихожу в восторг от этого зрелища.

Лиззи следует сразу за ним, садясь рядом, и до меня доносится шёпот их общего разговора. Мой рот сжимается в тонкую линию, но прямо сейчас у меня есть другие поводы для беспокойства.

Дженнифер представляет ребёнка Чарли, и, клянусь, всё его лицо светится.

Изабелла, наконец, смягчается и садится за стол, но, кроме как строить глазки мальчишкам, она ничего не делает и не говорит. Она даже не потрудилась поздравить меня с днём рождения.

Когда приходит время открывать подарки, я начинаю с подарка Дженнифер, просто ради любопытства, и нахожу ключ на конце цепочки.

— Мой дом — твой дом, — говорит она мне с огромной, сияющей улыбкой. — Это ключ от дома. Адрес вложен в коробку, и я приготовила для тебя комнату.

Это, по-видимому, слишком для Изабеллы Кармайкл. Она уходит, запирается в машине и не выходит до конца вечеринки.

— Спасибо, — отвечаю я, но не планирую подыгрывать ей в этом. Прощение — это одно, но... Предложение Дженнифер просто слишком незначительно, слишком запоздало.

Форма четвёртого курса академии Бёрберри всегда была моей любимой: чёрная с головы до ног. Даже носки и обувь чёрные.

— У меня такое чувство, будто я иду на похороны, — хнычет Миранда, глядя на себя в зеркало в ванной. Мы находимся в уборной для посетителей на парковке, ждём, пока все члены нашей маленькой группы переоденутся. *Ты имеешь в виду, каждый из Голубой Крови. Вы, ребята, Голубокровные в этом году. Это в значительной степени стало официальным.*

В прошлом году я не была готова согласиться на эту должность.

В этом году я собираюсь принять это.

В моей школе не допускаются издевательства.

— Это не похороны, — бормочу я, защищая униформу, проводя рукой по галстуку, и она бросает на меня взгляд, запрыгивая на стойку, чтобы сменить носки. Нам разрешено носить чулки любого года, поэтому я не удивляюсь, когда Миранда надевает прошлогодние белые в красно-чёрную полоску. — Они не подходят к наряду, — поддразниваю я, когда Лиззи выходит из одной из кабинок, полностью одетая с головы до ног в чёрное.

Она улыбается мне, и я улыбаюсь в ответ, но между нами возникает какое-то странное напряжение, которого не было до её признания. Мы провели всё лето, танцуя вокруг этой проблемы, и вот мы здесь, нам нечего сказать друг другу.

— Миранда! — зовёт Крид из-за двери уборной, и она драматично закатывает глаза, прежде чем соскользнуть со стойки и перекинуть свои белокурые волосы через плечо. Она бросает на меня взгляд, и я киваю, говоря ей, что да, всё в порядке, оставь меня наедине с Лиззи Уолтон.

— Итак, — начинает Лиззи, перегибаясь через стойку, её тёмные кудри уложены в блестящую чёрную причёску. Она поднимает на меня взгляд ярких янтарных глаз, и я резко втягиваю воздух. *Она действительно хорошенькая, не так ли?* За этой мыслью немедленно следует мгновенный приступ неуверенности.

Нет, Марни, ты уже прошла через это. Я прогоняю эту мысль, опуская руки под струю холодной воды и мою их пенящимся мылом, пахнущим жимолостью.

— Что? — спрашиваю я, приподнимая бровь, быстро вытирая руки и прислоняясь спиной к стене. Лиззи всё ещё смотрит на меня, выражение её лица непроницаемо.

— Это наш последний год в Бёрберри, и... после этого всё изменится. — Она полностью выпрямляется и поворачивается ко мне лицом, расправляя плечи именно таким образом, что я чувствую нервный трепет в животе. *Это добром не кончится, да?* — Мы будем учиться в разных колледжах и жить разными жизнями. — Она выдыхает и на мгновение закрывает глаза. Когда она открывает их, то смотрит в потолок. — Дело в том, что я хочу убедиться, что мы с Тристаном пойдём в один и тот же колледж. — Она опускает взгляд, и я прикусываю нижнюю губу.

— Куда ты планируешь поступать? — мой голос осторожен, но силен. Я горжусь собой за это. Миранда хочет увидеть эту большую войну между мной и Лиззи, но это не то, чего хочу я. Тристан должен решить, чего он хочет; я не буду пытаться принуждать его.

— Скорее всего, в Стэнфорд. — Лиззи улыбается и пожимает мне руки. — Послушай, я ненавижу, что это происходит. Твоя дружба важна для меня, но...

— Но ты всё ещё любишь Тристана, — медленно произношу я, ненавидя эти слова, даже

когда они слетают с моих губ.

— Да, — стонет Лиззи, закрывая лицо руками. Она опускает их рядом с собой и смотрит на меня сверху вниз, выдыхая. — Я... не пойми меня неправильно, но... встречаться с пятью парнями довольно необычно, верно?

Мне нечего на это сказать.

Это необычно, не правда ли?

— Возможно. — Только это одно слово. Кажется, это единственное, что я могу сказать в тот момент. Я думаю, что я... начинаю злиться.

— Почему бы тогда просто не отпустить Тристана? — спрашивает Лиззи, почти умоляя. — Ты не можешь оставить их всех. В конце концов, тебе придётся выбирать.

Мой рот сжимается в тонкую линию.

— Ты говоришь, что у меня достаточно парней, так почему бы не подарить тебе одного? — Лиззи почти беспомощно пожимает плечами. Я не могу решить, искренние ли это эмоции, или всё это просто игра.

— Я имею в виду, не совсем это, но... да.

— Если Тристан хочет быть с тобой, это его выбор, — отвечаю я ей, и тревожный узел внутри меня скручивается ещё сильнее. Именно в этот момент я ненавижу этот мир и все его глупые правила. Почему я не могу любить больше, чем одного человека? Родители любят больше, чем одного ребёнка. Внуки любят не одну бабушку. Владельцы домашних животных любят более одного питомца. — Я не могу и не буду принуждать или поощрять его к чему-либо.

— Тристан... — начинает Лиззи, но раздаётся скрип ботинок по свежешполированному кафельному полу как раз перед тем, как в комнату входит сам Тристан, одетый во всё чёрное.

С его волосами цвета воронова крыла, серыми глазами и хмурым взглядом он, неотразимо красив, но в то же время несколько трагичен. Моё сердце трепещет в груди, и я ловлю себя на том, что крепко сжимаю галстук в кулаке.

— Тристан, что? — спрашивает он ровным и низким голосом, выражение его лица сдержанное. — Ты же знаешь, я ненавижу, когда обо мне сплетничают.

— О чём ты говоришь? — спрашивает Лиззи с девичьим смехом, заправляя прядь волос за ухо. — Ты же любишь, когда о тебе сплетничают.

— Мм-м. — Тристан не отвечает. Вместо этого он просто стоит там и смотрит на нас двоих. Когда я смотрю на него, я не могу не задаться вопросом: хочет ли он и меня, и Лиззи так же, как я хочу его и других парней? Что, если он любит двух девушек так же, как я... — Марни, не делай этого, — говорит он, выводя меня из задумчивости. — Ты помнёшь шёлк. — Тристан подходит и освобождает мою руку от галстука, проводя ладонью по всей его длине. В процессе его руки скользят по полным холмикам моей груди, и я дрожу от едва сдерживаемого желания. — Мы должны выглядеть презентабельно, входя в эту школу.

Тристан протягивает руку и накручивает на палец прядь моих золотисто-розовых волос, отчего упругое колечко подпрыгивает у меня на лбу.

— Потому что мы Голубокровные, — заявляю я, пытаюсь подтвердить этот факт, как для себя, так и для Лиззи и Тристана.

— Потому что будет кровавая бойня в обществе, — поправляет Тристан, поворачиваясь к зеркалу и поправляя свой галстук. Он совершенно однообразен с головы до ног, если не считать красно-белого герба академии на нагрудном кармане его блейзера. — Будьте

настороже. Обе.

Король Подготовительной Академии Бёрберри поворачивается на каблуках и выходит. Мне не очень-то хочется продолжать этот разговор с Лиззи, поэтому я бегу за ним, выходя на яркое солнце, чтобы найти сцену, достойную аниме или манги.

Все мои друзья — и бойфренды — стоят рядом с белым лимузином академии, одетые в свою чёрную униформу, пребывающие в различных состояниях расслабления. Вот Крид, прислонившийся спиной к борту машины с закрытыми глазами, в то время как Миранда застёгивает пуговицы на его рубашке. Зейд сидит на багажнике машины, а Зак стоит рядом, засунув руки в карманы своих слаксов. Виндзор... каким-то образом оказался на крыше лимузина, и водитель его не отчитал. У него есть привычка так поступать, ему сходят с рук вещи, которые другим людям не сошли бы.

Эндрю машет мне, когда я бегу трусцой, чтобы догнать длинноногого Тристана. Там также есть пара других людей, таких как Бриана Чоу, Джесси Мейкер и Гэри Джейкобс. Это все, кого Тристан завербовал, чтобы пополнить Внутренний Круг.

Как и в первый год, когда я начала учиться в Бёрберри, здесь три парня-идола: Тристан, Крид и Зейд. Три девушки-идола: я, Миранда и Лиззи. И ещё есть двенадцать членов Внутреннего Круга, включая Виндзора, Зака, Эндрю, Гэри, Джесси и Бриану, плюс несколько новых лиц, которых я пока не очень хорошо знаю.

Новая коллекция Голубокровных из академии.

Крид отходит в сторону, когда я подхожу, и открывает передо мной дверь, голубые глаза наблюдают, как я усаживаюсь на роскошные кожаные сиденья. Он заходит следом за мной, но Зейд идёт вплотную сзади, подползая, чтобы занять позицию слева от меня.

У нас был секс; я действительно занималась с ним сексом. Мои щёки вспыхивают, и я прикусываю нижнюю губу зубами.

— Ну привет, — мурлычет он, наклоняясь ближе, на его лице расплывается широкая улыбка. Я чувствую его аромат шалфея и герани, смешанный со слабым привкусом табака, когда он прижимается ко мне. — Ты мечтаешь обо всех тех неприличных вещах, которые мы делали?

— Отвали, Кайзер, — выдыхаю я, но мои губы слегка подёргиваются, в то время как Крид хмурится. *Мы не просто занимались сексом, мы были просто чертовски непристойны.* Моё тело покалывает, когда я вспоминаю татуированные руки Зейда на моих бёдрах, его таз, прижимающий меня к колонке...

Если бы та Марни Рид, которой я была три года назад, могла увидеть меня сейчас, что ж, она была бы по-настоящему потрясена моим преобразованием. Дело в том, что то, что мы делали, было весело. Это было по обоюдному согласию. Это было приятно. В этом нет ничего плохого.

— Я удивлён, что она не бросила тебя сразу же после того, как увидела твой крошечный член, — растягивает слова Крид после очередного зевка. — Он такой маленький, сначала я подумал, что девушка со странным клитором пробралась в раздевалку мальчиков.

— Оу, — мурлычет Зейд, прижимая руку к груди, — эта шутка могла сработать до того, как мы переспали, но теперь, когда Марни знает, насколько я искусен, у какого-нибудь мальчика-девственника будут серьёзные проблемы с навёрстыванием упущенного.

— Лучше быть девственником, чем каким-нибудь болезненным мужчиной-шлюхой, — огрызается Крид в ответ, но Зейд просто запрокидывает голову и воеет от смеха. — Серьёзно, чувак, пошёл ты.

Зейд перестаёт смеяться ровно настолько, чтобы перевести дыхание, и прислоняется спиной к окну, отделяющему нас от водителя. Он прижимает накрашенные пальцы к щеке и ухмыляется таким самодовольным, удовлетворённым мужским видом, который привёл бы в бешенство, если бы не был к тому же чертовски сексуальным.

— Не злись, что мы все знаем твой секрет. Ты хорошо его сохранил. Я был убеждён, что ты ещё большая шлюха, чем Тристан.

— Пожалуйста, по-доброму, заткнись на хрен, — говорит Тристан, постукивая пальцами по бедру. Лиззи сидит справа от него, но я не могу решить, было ли это по её замыслу, по его или просто случайность. Я вспоминаю, как сидела рядом с ним в лимузине в прошлом году, и моё сердце болезненно сжимается.

— Его величество *пытается* собраться с мыслями, — произносит Виндзор, выступая вперёд и постукивая себя пальцем по виску. — Ему это нелегко, поэтому, пожалуйста, помолчи, пока он сосредоточится.

Новое любимое занятие Виндзора — называть Тристана *его величеством* самым сухим и саркастичным голосом, известным человеку. Это действительно усилило напряжение между ними, и я снова задаюсь вопросом, как долго я смогу это делать, удерживать нашу разношёрстную маленькую группу вместе.

— Будь пайнкой, Винди, — говорю я ему, чувствуя, как волна беспокойства захлёстывает меня, когда машина подъезжает к ступенькам внутреннего двора. Башни возвышаются над нами своими белокаменными стенами, а флаги на боковой стороне первой башни развеваются на ветру. Есть американский флаг, флаг штата Калифорния и флаг, на котором изображён герб академии. В центре внутреннего двора гордо возвышается бронзовая статуя оленя, вода льётся в безмятежный круг фонтана.

— У нас всё получится, — шепчет Зак, заметив выражение моего лица. Он снимает с плеч свою куртку и передаёт её мне, заставляя меня улыбнуться. Я беру её и надеваю, его аромат грейпфрута и мускатного ореха окутывает меня, как знакомое объятие. Все парни наблюдают за происходящим, и никто из них не выглядит особенно счастливым. Даже у Миранды слегка прищурены глаза. Лиззи выглядит... немного взволнованной, на самом деле.

— Не проявляй слабости в коридорах. Прибереги ссоры для разговоров за закрытыми дверями, — напутствует Тристан, когда лимузин останавливается, и Лиззи вылезает перед ним. Он идёт прямо за ней, а Миранда, Виндзор и Зак следуют за ним.

— Не напрягайся, — говорит мне Крид, его глаза тяжелеют и полуприкрыты. Он переплетает свои пальцы с моими и проводит языком по нижней губе. — Просто сосредоточься на том, чтобы снова надрать задницу Тристану в рейтинге класса.

Я киваю, выдыхаю и позволяю Криду вытащить меня из машины, в то время как Зейд следует за нами.

Должна сказать, что наш выход довольно впечатляющий, все мы выстроились одетые во всё чёрное, держа сумки с книгами по бокам или за плечами, когда маршируем через двор, а другие студенты расступаются, как волна.

То есть до тех пор, пока мы не окажемся в коридоре и не столкнёмся с моей сестрой.

Сводная сестра или кто-то ещё, я не могу сказать, потому что папа не хочет говорить об этом, но вот она, стоит с группой других первокурсников... и Харпер Дюпон.

— Не прошли и десяти шагов до чёртовой двери, а нам уже приходится разбираться с этим дерьмом, — рычит Зейд, убегая впереди нас. Он невежлив, когда врывается к ним и

встраивается в их маленький полукруг.

— Доброе утро, *Зейд*, — выплёвывает Бекки, одаривая его таким ядовитым взглядом, который выводит меня из себя. Она не имеет права так на него смотреть, особенно после того, как она и её друзья пытались утопить меня, а затем попытались заклеить как движимое имущество. — Чего ты хочешь?

— Когда идут Идолы, ты убираешься к чёртовой матери с дороги. — Он смотрит на Изабеллу, и она отвечает ему таким же каменным взглядом, как и у него.

— Заставь нас, — отвечает она, перекидывая свои блестящие каштановые волосы через плечо. Харпер ухмыляется, но Зейд уже стискивает зубы и кивает подбородком в сторону нашего нового отряда.

— Девушки общаются с девушками, это правило, — говорит мне Тристан, протягивая руку, чтобы я не двигалась вперёд. Бриана Чоу и одна из новеньких девочек, кажется, Дейзи Сэндберг, подходят и обхватывают мою сестру с двух сторон. Часть меня хочет защитить её, но остальная часть меня знает правду.

В ней тычет кровь хулиганки.

И я больше не допущу издевательств в своей школе.

— Уберите от меня свои грёбаные руки! — Изабелла рычит, когда Илеана и Бекки вступаются за неё. Другие девушки на нашей стороне продвигаются вперёд, пока не возникает небольшое противостояние.

Вместо всех Голубокровных, которых мы уничтожили в прошлом году — таких, как Анна, Эбони, Сай, Грег и Джон — Харпер набрала новых учеников, чтобы занять их места. Похоже, это перерастёт в драку, особенно когда появится то, что осталось от Компании. Честно говоря, Джален выглядит так, будто готов кого-нибудь убить. Может быть, потому, что из-за нас его девушку выгнали из школы?

— В чём здесь проблема? — спрашивает Майрон Тэлбот, казалось бы, появляясь из ниоткуда. У него тёмные глаза, а лицо такое же замкнутое, как всегда у Тристана. — Когда идут Идолы, ты двигаешься.

— Мы не согласны с тем, что они Идолы, — говорит Харпер, но даже она выглядит нервной, когда Майрон так на неё смотрит. Он делает шаг вперёд, и все девочки, кроме Изабеллы и Харпер, отступают назад.

— Это не дискуссия, Дюпон. Убери свою задницу и задницу своего нового питомца с дороги.

Его угроза не отговаривает Харпер от её позиции. Во всяком случае, это движение побуждает её сделать шаг вперёд.

— Я не собираюсь уходить с дороги, чтобы какая-нибудь шлюха из трейлерного парка с волшебной киской могла беспрепятственно тащить свой гарем засранцев по коридору. — Она вскидывает руку, указывая на Тристана, и шипит сквозь зубы. — Дюпон никогда не склоняется перед благотворительностью, а у них на буксире целых два таких дела.

Я поднимаю глаза и вижу, как Тристан в отчаянии сжимает челюсти.

— Убирайся на хрен с дороги, я тебя предупреждаю. — Майрон скрещивает руки на груди, и я чувствую, что насилие надвигается подобно буре. Я делаю шаг вперёд, и все поворачиваются, чтобы посмотреть на меня.

— Всё в порядке. Мне не нужно, чтобы люди убирались с моего пути. Это больше не привилегия Идолов. — Харпер прищуривает на меня глаза, как будто думает, что я разыгрываю какую-то шутку. Я, не дрогнув, смотрю в её голубые глаза, прежде чем

повернуться к Изабелле. — Она пыталась убить меня, ну знаешь, это сделала Харпер. Она и её друзья. Так что, за что бы ты меня так сильно ни ненавидела, спроси себя, как далеко ты готова зайти.

Я начинаю идти, и все остальные следуют за мной. Ну, все, кроме Майрона. Он не двигается с места, пока Тристан не останавливается рядом с ним, и они вдвоём не обмениваются несколькими тихими словами.

Мы направляемся напрямиком в Галерею, и на этот раз оказываемся там первыми. Здесь нет ни запертой двери, ни Гэри, сидящего у окна, курящего сигарету и насмехающегося надо мной. Впервые за четыре года я иду прямо по этим каменным залам, поднимаюсь по старым ступеням и выхожу на балкон.

Ощущение того, что ты стоишь там, так близко к стене с витражными окнами, и смотришь на море студентов в их чёрной, белой и красной униформах, в высшей степени шокирует.

На моём лице появляется улыбка, когда Зак встаёт рядом со мной.

— Ты в порядке? — спрашивает он, и я киваю. — Даже несмотря на то, что твоя сестра пыталась объединиться с Гарпиями?

— Ей больно, — говорю я ему, глядя в его сторону и встречаясь взглядом с прищуренными тёмными щёлочками его глаз. Он всё время выглядит таким крутым, со своими большими, широкими плечами и этим свирепым взглядом, но в глубине души он похож на плюшевого мишку. Плюшевый мишка-защитник. Ага. — Как только она преодолевает это, она увидит Гарпий такими, какие они есть. — Я оборачиваюсь и смотрю вниз, наблюдая за волной лиц, которые поворачиваются, когда Харпер входит в часовню со своими друзьями позади неё и занимает первый ряд.

— Этот год войдёт в историю академии Бёрберри, — молвит Зейд, останавливаясь рядом со мной и присаживаясь на перила так, что я невероятно нервничаю. Он показывает Харпер средний палец, когда она смотрит в нашу сторону, но она игнорирует его, раздувая ноздри.

— Этот год войдёт в историю Клуба Бесконечности, — бормочет Зак, и два парня обмениваются взглядами, которые заставляют меня нервничать.

За кулисами этой академии происходит гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, и я полна решимости выяснить, что именно.

Новая форма чирлидерши для академии Бёрберри — это кофточка, которая демонстрирует весь мой живот. В своей комнате я на минутку расхаживаю туда-сюда и волнуюсь, но, когда я выхожу в коридор, у меня чуть волосы не встают дыбом, я излучаю столько уверенности.

На моём пороге давно нет презервативов, на моей двери нет надписей, нарисованных краской.

Конечно, у меня всё ещё есть сопровождающий. Это слишком опасно — не делать этого.

— Посмотри на себя, — рычит Зак, когда я выхожу и вижу его в чёрной майке с номером 60, напечатанным спереди. Ему даже не нужны подплечники, чтобы выглядеть большим и широкоплечим. Он обхватывает меня мускулистой рукой за талию и притягивает к себе. — Я никогда не видел, чтобы ты выглядела так чертовски сексуально.

— Ага-а-а. — Я кладу ладони ему на грудь и отодвигаю его ровно настолько, чтобы оглядеть. Он на самом деле красив, его волосы цвета тёмного шоколада, его глаза такие же декадентские, его тело крепкое и подтянутое до совершенства. Он определённо прошёл долгий путь от хулигана из средней школы Лоуэр-Бэнкс. — Значит, у тебя пунктик на чирлидерш, да? Приятно это знать. Мне придётся приглядывать за тобой.

Зак оглядывает меня, его глаза прикованы к переплетённому черным и красным «V» образному вырезу на верхней части моей униформы, белому фону, эмблеме Бёрберри в центре моей груди. Рукава длинные, с черно-красным рисунком, а юбка — супер мини белого цвета, на этот раз без складок, только небольшой V-образный вырез с одной стороны и ещё больше чёрных и красных полосок по подолу. Под ней на мне шаровары — они же *специальные шортики*, но, чёрт возьми, я не собираюсь их так называть — носки до щиколоток и совершенно новые кроссовки.

Вся форма стоит около шестисот баксов, но внеклассные занятия оплачиваются стипендией Кэбота, так что я застрахована. Конечно... Наверное, я могла бы попросить любого из своих бойфрендов помочь мне с расходами, но от этой мысли меня просто тошнит.

Я встречаюсь с ними не ради их денег и отказываюсь этим пользоваться. Даже покупка Виндзором папиного дома заставила меня чувствовать себя неудобно. Чарли даже не знает об этом, и я не знаю, как ему сказать. Всё, что он знает, это то, что дом продан и что наш нынешний домовладелец ненадолго приостановил выплаты арендной платы...

Зак обхватывает моё лицо своей большой ладонью и смотрит на меня из-под тяжёлых век.

— Есть только одна чирлидерша, на которую я положил глаз, — произносит он, и его губы изгибаются в резкой улыбке. — Ну, я бы сказал, что волнуюсь только за одну болельщицу. Есть ещё несколько, за которыми я наблюдаю, но по-другому. — Он делает паузу, и я знаю, что мы оба думаем о Гарпиях. Большинство из них со мной в команде: Мэйлин, Эбигейл, Киара и Илеана. Они пытаются ввести моду в кампусе, называя себя правящими членами Королевской семьи. Я слышала, как об этом шептались несколько раз то тут, то там, но также часто я слышу термин «*Гарпии*».

— Не беспокойся о них, — говорю я, беря его за руку и позволяя ему проводить меня до

класса. Игра состоится только сегодня вечером, но академия пытается поддержать школьный дух, заставляя нас носить форму в течение дня. Я не возражаю против этого, особенно учитывая, как все смотрят на меня, когда я хожу по коридорам. Я больше не Работяжка, по крайней мере, для большинства студентов. Они смотрят на меня с уважением... и, может быть, немного со страхом.

Зак провожает меня на урок математики, где ждёт Тристан, и всё, кажется, идёт просто отлично, пока мы не выходим в коридор и не обнаруживаем ожидающих нас Харпер и её друзей. Мне грустно видеть, что Изабелла тоже с ними и одета в форму чирлидерши. Однако она в команде юниоров, так что у неё другая форма. Она похожа на ту, которую я носила на втором курсе.

— Смотрите, это же благотворительные дела, — говорит Харпер, склонив голову набок, голубые глаза блестят. Все, кроме неё и Бекки, одеты в форму группы поддержки, и все они очень, очень внимательно наблюдают за мной. — Вам нужны деньги на обед? — новые рыжие волосы Харпер скользят по её плечу, как змея, и мои глаза сужаются.

— В моей школе запрещены издевательства, — произношу я ей, прежде чем Тристан успеет даже открыть рот. Мне не нужно говорить вам, насколько это на самом деле необычно, учитывая, что он так привык быть королём. — Ни по отношению ко мне, ни к Тристану, ни к кому-либо ещё. — Я делаю шаг вперёд, заполняя пространство между нами, а затем поворачиваюсь, наклоняюсь, чтобы схватить Тристана за руку. — Пойдём. Я больше не разжигаю в ней огонь.

— Тебе не кажется странным, что твоя собственная сестра выступает против тебя? — говорит Харпер, когда я пытаюсь оттащить Тристана в сторону. Однако он прикован к месту, полный решимости стоять на своём. Он человек, привыкший переходить в наступление в большинстве ситуаций. Однако главное здесь — вести себя нейтрально. — Я имею в виду, что это говорит о тебе, если даже твоя собственная семья испытывает отвращение? — Харпер обходит вокруг и подходит, чтобы встать передо мной, уперев руки в бока. Она немного похожа на ведьму с этими кроваво-красными волосами и в полностью чёрной униформе. С другой стороны, может быть, это немного оскорбительно для ведьм? — Или ты думаешь, это потому, что твоей сестре так стыдно за тот факт, что её отец на самом деле не Адам Кармайкл, генеральный директор и наследник многомиллионного состояния... А вместо этого он такой же пьяница, как и твой.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — отвечаю я, мой голос холоден и спокоен. Потому что, если даже я не знаю правды, Харпер ни за что не может знать. Мои глаза скользят по карим глазам Изабеллы, сузившимся в две щёлочки на её красивом лице. Она внезапно отворачивается от нас, как будто Харпер задела за живое.

Блядь.

Это то, что Харпер имеет против моей сестры? Или... Изабелла рассказала ей добровольно?

— Ты понимаешь, о чём я говорю: Изабелла Кармайкл на самом деле Изабелла Рид, верно? Я имею в виду, так и должно быть, учитывая, что твоя мать-шлюха бросилась на шею богатому мужчине и в то же время согревала постель бедняка?

Мои руки сжимаются в кулаки на юбке, и мне требуется всё, что у меня есть, чтобы снова не дать пощёчину этой соплячке. Её серьёзно нужно поставить на место, то есть вернуть на землю ко всем остальным из нас.

— Не смей больше называть мою мать шлюхой, — говорю я, и в моём голосе звучит лёд,

его осколки, кажется, режут.

— Называю вещи своими именами, — произносит Харпер, пожимая своими худыми плечами и ухмыляясь. — Тебе повезло, что твой сказочный принц прискакал на своём белом коне, чтобы спасти тебя и твоего скоро скончавшегося папочку, иначе я бы купила этот дом и снесла его у тебя на глазах. — Она ухмыляется и продолжает говорить, как будто совершенно не замечает вспыхивающего гнева внутри меня. Тристан внимательно наблюдает за нами, как будто сдерживается, ему любопытно посмотреть, что я могу сделать. — Я упоминала, что я уже получила трейлерный парк, где стоит этот твой дурацкий вагон? Это так. — Она делает шаг ко мне, когда мои глаза расширяются, и протягивает руку, чтобы убрать какую-то воображаемую пылинку с моей униформы. — Разве твои новые бойфренды тебе не сказали? Мой отец знал человека, которому он принадлежал, поэтому он купил его, даже не поступив на рынок. Твои игрушки-мальчики пытались выиграть его для тебя на собрании клуба, но проиграли. Точно так же, как они потеряли и ещё много других вещей на той неделе. Они говорили об этом? Что-нибудь из этого?

— Мне всё равно, что произошло на собрании Клуба — отвечаю я, протягивая трясущуюся руку, чтобы стянуть гигантскую повязку со своего бедра. Виден символ бесконечности с кривой чертой, проходящей через него, и несколько девушек ахают. Вот тогда-то меня и осенило.

Может быть, Изабелла... пытается попасть в Клуб Бесконечности? Я снова смотрю мимо Харпер, но моя младшая сестра не смотрит на меня. Младшая сестра, которую я всегда хотела, о которой мечтала, о которой просила годами... А она даже не смотрит на меня.

— Нахуй ваш Клуб, — говорю я Харпер, повышая голос, чтобы каждый студент в этом зале мог меня услышать. Не то чтобы это уже имело значение: в академии нет ни одного человека, который не знал бы о Клубе, включая персонал. Теперь я это знаю. — Мои друзья рассказывают мне всё, что мне нужно знать.

— Конечно же, — говорит Харпер, оглядываясь на Тристана. — Я уверена, что у мистера Вандербильта, который находится здесь, было много чем поделиться.

— Тебе лучше держать свою силиконовую ловушку закрытой, пока я не закрою её окончательно, — рычит Тристан, и в его голосе звучит такая мрачность, что я вздрагиваю. Его голос звучит ужасно, настоящий кладёзь враждебности и тщательно подавляемой ярости. Это похоже на то, что весь этот дикий гнев и ненависть внутри него были отточены до острия тонкого алмаза. Острый, небьющийся.

— Он тебе сказал? — начинает Харпер, отступая в море девушек, когда Тристан делает шаг вперёд. Он очень похож на человека, которому доставило бы удовольствие ударить её. Вместо этого он поправляет серебряные запонки с эмблемой Бёрберри на запястьях. — Он рассказал тебе, — повторяет Харпер, явно наслаждаясь собой, когда смотрит в мою сторону, — что Лиззи заключила пари со своими родителями? Теперь она свободна от своих обязательств по помолвке. Тристан... и Лиззи, брак заключённый на небесах. Она может позволить ему вести тот образ жизни, к которому он так привык. Ты сможешь это сделать, Работяжка? — спрашивает она, глядя мне прямо в лицо, и её губы изгибаются в дьявольской улыбке. Неудивительно, что Миранда раньше называла идиолов дьяволами, а Внутренний Круг — демонами; им это подходит. — Если вы с Тристаном уедете в закат вместе, сможете ли вы обеспечить ему тот уровень жизни, к которому он привык?

— Харпер, — говорит Тристан, протягивая руку. Бекки и Илеана ведут себя так, будто думают, что он собирается ударить её, а другие девочки толпятся вокруг, как будто готовы

выбить дерьмо из нас обоих, здесь и сейчас. Я не сомневаюсь в их способностях; однажды я уже была жертвой этого. — Перестань быть такой ревнивой. — Он наматывает пряди её рыжих волос на пальцы, а она наблюдает за ним, прищурившись. Очевидно, она ожидает увидеть ножницы. И это справедливо. — Вот в чём дело: сейчас ты меня основательно разозлила. Я имею в виду, я думал, ты делала это раньше, но слава богу. — Он дергает её за волосы и тянет вперёд, а она с хмурым видом отвечает ему пощёчину. — Теперь ты действительно раззадорила меня, — он прищуривает на ней свои серые, — как лезвие, пристальные глаза. — Я бы предпочёл стать благотворительностью... Я лучше буду бездомным грёбаным *пьяницей*, чем женатым на зависимой шлюхе со слишком большим количеством пластических операций.

— Нужно самому быть таким, чтобы узнать другого — огрызается Харпер в ответ, делая вид, что её совершенно не беспокоят слова Тристана. Наблюдать за тем, как они обмениваются ударами, больно, как будто через весь зал швыряют два комплекта ножей. Я не могу этого вынести. — Со сколькими девушками ты переспал в течение первого года? Две дюжины? Три дюжины? Ещё больше?

Тристан стискивает зубы и открывает рот, но я уже встаю между ними двумя.

— Никаких издевательств, — говорю я ему, глядя в глаза, — даже по отношению к ней.

— Не будь смешной, — огрызается он, но я говорю серьёзно. Я намерена быть здесь королевой, стать даже выше короля. Я приняла решение. Парни, возможно, и являются движущей силой моего восхождения к социальной власти в академии, но они слишком жестоки, чтобы править самостоятельно.

— Даже по отношению к ней. Пошли. — Я иду по коридору, останавливаясь только раз, чтобы оглянуться и посмотреть на Изабеллу. — И, если тебе так хочется стать участницей в этом Клубе, знаешь ли, есть и другие спонсоры. — Я разворачиваюсь и ухожу, и, как ни удивительно... Тристан следует за мной.

— Вы пожалеете, что встретили меня — каждый из вас, — кричит Харпер у нас за спиной, но я с ней закончила. — Ты, блядь, прольёшь за это кровь!

Мы с Тристаном идём по коридору, но, когда я тянусь к его руке, он отстраняется. Его лицо напряжённое и тёмное, как будто на него набежали грозовые тучи. Он не смотрит на меня.

— Ты злишься, потому что я помешала тебе отомстить? — спрашиваю я, но он лишь мельком бросает взгляд в мою сторону. Одетый в форму своего четвёртого курса, он чертовски пугающий, я признаю это. Вдвойне, когда мы выходим на улицу и он прижимает меня к стене.

— Что ты думаешь о том, что она сказала про Лиззи? — я моргаю в ответ, вдыхая его запах корицы и мяты, моё сердце подпрыгивает в груди, как у ребёнка во взрывающемся замке.

Я смотрю в сторону, на ожидающие машины, которые отвезут нас на футбольное поле.

— Я думаю... то, что сделала Лиззи, чтобы освободиться от нежелательной помолвки и взять под контроль свою собственную судьбу, достойно восхищения.

— Верно. — Тристан стискивает зубы и отталкивается от стены, скрепя руки на груди и повелевая мной так, что мне хочется поёжиться. *Что ж, я думаю, это правда*, но я знаю, что в значительной степени сама себя обманываю. Сейчас мне хочется извиниться и уйти к себе в общежитие, чтобы я могла взбить что-нибудь мягкое и пушистое — предпочтительно ту новую розовую пуховую подушку с мехом и надписью «*Принцесса*»,

которую Виндзор подарил мне на день рождения (кстати, я её ненавижу, и я почти уверена, что он знал, что так и будет). — Ты думаешь, это достойно восхищения, как упорно Лиззи Уолтон борется за то, чтобы быть со мной?

— Требуется мужество, чтобы бороться за свою любовь, особенно перед лицом противника, — продолжаю я, и Тристан издаёт этот сдавленный звук, который каким-то образом всё ещё умудряется звучать аристократично и элегантно. Что я знаю? Может быть, то, что он родился в *таком длинном и выдающемся роду*, действительно делает его кровь голубой? Если бы я издала такой звук, то была бы похожа на кашляющего осла.

— Бороться за свою любовь... хм-м? — его голос затихает, и он хмурится, отворачиваясь и ругаясь себе под нос. Я делаю шаг вперёд, протягиваю руку, а затем опускаю её рядом с собой. Я хочу сказать ему... что я ревную, как безумная, что мне не нравится знать, что Лиззи так упорно боролась, чтобы преодолеть возражения своих родителей, потому что это означает, что теперь у неё есть шанс победить.

«Образ жизни, к которому он привык...»

Я вздрагиваю, наблюдая, как Тристан останавливается рядом с одним из ожидающих лимузинов и оборачивается, чтобы посмотреть на меня. Он скрещивает руки на груди и вопросительно приподнимает обе тёмные брови. Я начинаю двигаться вперёд, но медленно, по мере того как меня осеняет эта мысль.

Даже если мы с Тристаном оба поступим в Борнстед (мы поступим, учитывая, что один из нас будет произносить прощальную речь, а другой — приветственную — лучше бы мне стать первой) и будем вкалывать не покладая рук, получим хорошие дипломы и ещё лучшую работу, вполне вероятно, что он никогда больше не будет вести образ жизни Вандербильтов. Лучшее, на что он действительно мог надеяться — это принадлежность к верхушке среднего класса.

Что, если это то, что разрушит нас? Что, если я его сдерживаю?

А-а-а, вот и оно. Ты позволяешь Харпер победить, позволяешь ей добраться до тебя. Это именно тот ядовитый дротик, который она собиралась метнуть.

Выдыхая и расправляя плечи, я направляюсь к лимузину и забираюсь внутрь.

Когда Тристан садится позади меня, я забираюсь прямо к нему на колени, беру его лицо в ладони и целую.

Ощущение соприкосновения наших губ острое, почти болезненное, как будто он режет меня ножом и заставляет истекать кровью, но сразу после этого исцеляет. Боль, удовольствие. Резкость, успокоение. Дихотомия. Рот Тристана Вандербильта, как и татуировки Зейда Кайзера, является предупреждением.

Я горяч и не обуздан, и отчаянно нуждаюсь в твоих прикосновениях... но держись от меня подальше, или ты попробуешь мой яд.

Со стоном я отстраняюсь от него, и Тристан смотрит на меня так, словно я, возможно, самое непонятное существо, с которым он когда-либо сталкивался за всю свою жизнь.

— Я ненавижу футбольные матчи, — говорит он мне, но всё равно позволяет мне вытащить его из машины, оставляя меня только тогда, когда я благополучно оказываюсь рядом с тренером Ханной.

В столовой довольно тихо, и у нас нет никаких разборок за высоким столом, как в прошлом году. Оказывается, Харпер обрела для себя новую нишу на заднем дворе. Меня это устраивает. Я бы предпочла не спорить из-за *курицы кордон блю с чесночным пюре и запечёнными цуккини*, большое вам спасибо.

Я ковыряюсь в своей тарелке и думаю об Изабелле, действительно ли она моя родная сестра, как утверждает Харпер, и не замешана ли она уже в этом дерьме Клуба Бесконечности. Я спрашивала парней, но все они клянутся, что понятия не имеют, что если её спонсирует одна из Гарпий, то они об этом не знают.

— Я ничего не слышала, — говорит Лиззи, передавая свою тарелку официанту, когда он подходит. Я отправляю его и со своей тоже, хотя съела совсем немного. Я слишком рассеянна, а все мальчики (плюс Миранда) сейчас заняты, так что... здесь только я и она.

Сказать, что это чертовски неловко, было бы преуменьшением. Мы вернулись в академию уже несколько недель назад, и на самом деле мы с Лиззи общаемся только в группе.

Я думаю, трудно быть друзьями, когда вы оба охотитесь за одним и тем же парнем. Это почему-то печалит меня, как будто сила девушки должна простираться дальше этого. *Девичий кодекс предписывал бы Лиззи вообще не приставать к Тристану, верно? Не после того, как вы с ним начали встречаться.* Но я не могу сердиться на неё за её чувства, поэтому поднимаю глаза и пытаюсь заставить себя улыбнуться.

— Если бы я только могла как-нибудь застать Изабеллу наедине... — я замолкаю и прикусываю нижнюю губу. — Дело в том, что она всегда окружена Гарпиями или другими придурками из Компании. — Скрытый во мне ген старшей сестры пробуждается к жизни, и я так отчаянно хочу предостеречь Изабеллу от этих парней. Ни один из них ей не подходит. *С другой стороны, ты встречаешься с пятью самыми большими засранцами в академии, так как же ты можешь по-настоящему об этом говорить?*

Встречаюсь с пятью парнями.

Я... интересный образец для подражания, конечно.

Я имею в виду, не то чтобы в этом было что-то плохое, мы все уже рассматриваемая как взрослые люди, но я не могу отделаться от мысли, что парни тоже встречаются с несколькими девушками. Я бы возненавидела это. Меня бы это не устроило. Я... я большая, ужасная лицемерка.

Закрыв лицо руками, я опираюсь локтями на стол и вздыхаю.

— Ты сердишься на меня? — спрашивает Лиззи через несколько мгновений, и я поднимаю взгляд, встречаясь с её янтарными глазами. Она была рядом со мной в лодже, когда я нуждалась в ней; всё это время она помогала мне защищаться от Клуба. Как я могу на самом деле злиться? — Я имею в виду, Тристан и всё остальное.

Конечно, она должна была бы добавить это. Когда она произносит его имя, я...

— Ты не можешь выбрать, кого полюбить, — отвечаю я, складывая руки на коленях. Лиззи кивает, но не выглядит убеждённой.

— Нет, не можешь, правда ведь? — её голос становится мягким, и она закрывает глаза, как будто борется с какой-то внутренней болью. Я наблюдаю за ней мгновение, пока она снова не открывает глаза и не смотрит на меня. — Ты знаешь, почему отец Тристана так

сильно ненавидит меня?

При этих словах я немного приободряюсь.

— На самом деле, нет. — Я делаю паузу, беру свой чай со льдом и держу его между ладонями, ожидая, пока она уточнит.

— Один из крупнейших заёмщиков Вандербильтов... это моя семья. Они должны нам почти миллиард долларов. — У меня отвисает челюсть, а Лиззи пожимает плечами. — Мои родители не хотят, чтобы я была с ним, потому что они не хотят, чтобы его семья получала выгоду от наших денег. Ну и я думаю, они чувствовали бы себя странно, преследуя члена семьи из-за непогашенного долга. В этом-то всё и дело; всё сводится к деньгам. Но в конце концов, *в конце концов*, я уговорила их сделать ставку, которую могла бы выиграть. — Она улыбается, но я предполагаю, что она не собирается рассказывать мне, что это было за пари. Дело в том, что, судя по тому, что я узнала о Клубе Бесконечности, всё дело в создании макро- и микроуровня, в сжатии большого, необъятного мира денег и политики, религии и экономики и в том, чтобы заставить его работать в меньших масштабах.

В Клубе выигрываются и проигрываются состояния.

Жизни разрушаются.

Союзники выковываются.

Это палка о двух концах.

И, честно говоря, это пугает меня до чёртиков.

Я пешка в гораздо более крупной игре. Гораздо, гораздо более масштабной игре.

— Мои родители проиграли, поэтому им пришлось выслушать, как я защищаю Тристана. Они должны были принять его во внимание. У него хорошая родословная, так что... — она пожимает плечами, но я уже догадалась обо всём этом, основываясь на том, что рассказала мне Харпер. Мне больше не нужно знать. — В принципе, у нас были бы хорошенькие малыши. — Она краснеет и заправляет прядь волос за ухо, прежде чем посмотреть на меня из-под длинных ресниц. — Я ненавижу совать нос не в своё дело, но у вас с Тристаном...?

Мои щёки вспыхивают, и мой рот открывается, но не выходит ни звука. Я поджимаю губы и качаю головой.

— Пока нет. — Почему-то это звучит так, будто я сделала ударение на слове «пока», даже если я этого не хотела.

— Понятно, — говорит Лиззи, а затем встаёт, подтягивая свою плиссированную чёрную юбку к бёдрам. — Тогда, может, нам пойти поискать Тристана? Я почти уверена, что он в физической лаборатории, работает над каким-то проектом. — Я киваю и выхожу вслед за ней, хотя это звучит не лучшим образом для проведения дня.

Тристан действительно находится в лаборатории физики, когда мы приходим туда, но он почти не разговаривает ни с кем из нас. На самом деле, он выглядит немного разозлённым, когда мы входим вместе.

— Вам двоим не надоело держаться за руки, прыгать вприпрыжку и плести гирлянды из маргариток? — саркастически спрашивает он, и я замечаю, что он допускает критическую ошибку в формуле на бумаге рядом с ним. Я прикусываю губу и приподнимаюсь на носочки, отрывая каблук своих блестящих чёрных туфель от пола.

— Вот тут в скобках, на самом деле это *один плюс два, умноженные на h , умноженное на v в третьей степени*. — Тристан замолкает и смотрит на меня снизу-вверх, его глаза практически светятся серебром.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной? — рычит он, когда я стискиваю зубы.

— Эм, ну, как бы нет... — я наугад показываю на его лист, пока Лиззи переводит взгляд с меня на него, заправляя тёмные волосы за ухо и заставляя себя рассмеяться. — Ты написал *в четвертой степени*, и...

— Убирайся *нахуй* из моего класса, — рычит он на меня, но мне жаль. Я не собираюсь уходить и просто позволять ему вот так испортить уравнение.

— Видишь ли, v — это наблюдаемая частота и...

— Я знаю, что v — это частота, — бросает мне Тристан в ответ, его пальцы так крепко сжимают карандаш, что они дрожат. — И я знаю, что это в третьей степени. Это опечатка.

— Как это может быть опечаткой, когда ты пишешь карандашом? — спрашиваю я, и он серьёзно смотрит на меня так, словно хочет убить.

— Я буквально понятия не имею, о чём вы, ребята, говорите, — добавляет Лиззи с очередным смешком, протягивая руку, чтобы провести пальцами по голому предплечью Тристана. Он снял пиджак и непривычно расстегнул рубашку примерно до половины. Он даже немного закатал рукава.

Он бросает на неё взгляд, но не говорит ей остановиться, поворачиваясь обратно, чтобы посмотреть на меня с явным вызовом.

— Ты мелкая всезнайка. Ты думаешь, что настолько хорошо во всём разбираешься со своим образованием государственной школы.

— Очевидно, что так и есть, — парирую я, вызываясь вздёргивая подбородок. — Потому что я вижу страницу с лихорадочно нацарапанными заметками под твоим отчётом. Всё это время ты путал формулу. Как ты собираешься опередить меня в успеваемости и выступить с прощальной речью, если ты даже не можешь получить уравнение для яркостной температуры солнца...

Тристан проводит рукой по своим бумагам и сбрасывает их все на пол, яростно дыша и оскалив на меня зубы.

— Тристан, не надо, она просто пытается быть полезной, — произносит Лиззи, пытаюсь встать между нами. Взгляд, которым он одаривает её, адски холоден.

— Убирайся, — говорит он, и она изумлённо смотрит на него. Она оглядывается на меня один раз, сочувственно, прежде чем выскочить и закрыть за собой дверь. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Тристана, но я его больше не боюсь. Он просто испорченный мальчик с наклонностями жестокого человека. Я... не должна была бы хотеть прижимать его к себе и прогонять его тьму, но я хочу.

Черт меня побери, но так и есть.

Я влюбилась в стереотип: *хорошая девочка, исправляет плохого парня*.

Мне нужно посещать больше занятий по женским наукам в Борнстедде. *Потому что я поступлю. Я буду там. Я обязательно это сделаю.*

— Кем, *чёрт возьми*, ты себя возомнила? — шепчет Тристан, и его голос подобен ледяному туману над заливом. У него глаза такого же цвета, как грозовое небо над океаном. Он придвигается ко мне, останавливаясь так близко, что носки наших ботинок соприкасаются. — Врываешься сюда и начинаешь указывать мне.

— Кто-угодно слышал о том, что король школы — умник, хм-м? Все твои стереотипы перепутались. Ты неправильно составил уравнение, так что...

Тристан хватается за талию и прижимает к стойке так быстро, что у меня кружится голова, располагаясь позади меня так, чтобы он мог прижаться своей твёрдостью к изгибу

моей задницы. Учитывая, что на мне самая короткая юбка из известных мужчинам, всё, что я могу сделать, это застонать, когда он протягивает руку и обхватывает мою левую грудь. Другой рукой он проводит карандашом горизонтально между моими губами, так что я прикусываю его.

— Чтобы заглушить твои крики, — шепчет он, а затем его правая рука ныряет вниз, под мою юбку, дразня меня и заставляя стонать. Карандаш действительно помогает, когда я сжимаю его зубами. — Ты слишком умна, для своего же блага. Это сводит меня с ума.

Я выплёвываю карандаш, и он отскакивает от столешницы из мыльного камня, ударяясь о серебристый кран для подачи пропана.

— Очевидно, это делает нечто большее, чем просто это, — ухитрюсь прошептать я, когда Тристан выдыхает мне в ухо, потираясь об меня. Он так близок к тому, чтобы сломаться, так чертовски близок. Я так сильно хочу, чтобы он был внутри меня. Я ненавижу, что он был с другими девушками, а не со мной. Я ненавижу то, что он был с Лиззи. От этой мысли меня тошнит. — Тебе нравится, когда я становлюсь всезнайкой.

— Ты меня так бесишь, — шепчет он, прижимаясь ко мне. — Я совершенно не понимаю тебя и твоё поведение. Ты не любишь деньги, и тебя не волнует статус. Ты запоминаешь нелепые формулы и защищаешь таких монстров, как Харпер Дюпон. Кто ты такая и откуда взялась?

— Марни Элизабет Рид, с другой стороны рельсов, — отвечаю я, и Тристан ещё сильнее прижимает меня к себе. Я полагаю, с ним будет трудно справиться. Возможно, в спальне он такой же тёмный. Мне всё равно. Мне, серьёзно, всё равно. — К вашим услугам.

— Ага, точно, — усмехается Тристан, отталкиваясь от меня как раз перед тем, как открывается дверь и входит одна из учительниц химии — я не могу вспомнить её имя, но она всё равно машет мне рукой и улыбается. Очевидно, она не может видеть, насколько я сейчас возбуждена, насколько тверды мои соски под чёрной блузкой, насколько мокры мои трусики. *Слава Богу, что женские стояки невидимы, верно?* — К моим услугам. Ты держись только на одном волоске, Марни, и это твой собственный. Убирайся отсюда на хрен и дай мне закончить мою работу.

Тристан протягивает руку через меня, чтобы выхватить карандаш, крутит его и аккуратно стирает ошибочную *четвёрку* на своём листе бумаги. Я ухмыляюсь, расправляя юбку, разворачиваюсь и на мгновение иду задом наперёд, как полная задира.

— Получай удовольствие, сочиняя этот отчёт по физике с огромным стояком, — говорю я, а затем врезаюсь прямо в учительницу химии — верно, её зовут мисс Терренова, — заставляя её хмыкнуть.

— Огромный стояк? — спрашивает она, и моё лицо вспыхивает жаром. — Мисс Рид, это действительно уместный разговор в учебном заведении?

— На самом деле, мисс Терренова, я чувствую себя здесь неуютно из-за неё, как будто она пытается трахнуть меня взглядом.

— Мистер Вандербилт, — ругается мисс Терренова, но всё равно выставляет меня за дверь, моё лицо пылает. Лиззи всё ещё там, ждёт, чтобы проводить меня обратно в мою комнату, но она выглядит смущённой, как будто ожидала, что между мной и Тристаном произойдёт что-то одно... а получила совсем другое.

— Пошли, — выдыхаю я, прежде чем опозорюсь ещё больше.

Я не смогу вынести больше унижений за один день.

Почему-то я решила, что, когда мне исполнится восемнадцать, я волшебным образом

стану взрослой и буду казаться какой-то крутой.

Отнюдь: я чувствую себя более неуклюжей, чем когда-либо в своей жизни, как королева с пластиковой короной.

А теперь, если бы кто-нибудь просто протянул руку и помог мне это исправить...

Когда папа приезжает на Родительскую неделю, я, извинившись, иду в ванную и учащённо дышу.

Он выглядит так плохо... по-настоящему, очень плохо.

— Он умрёт, — шепчу я, когда входит Зак и обвивает меня руками, удерживая сзади в женском туалете, в то время как крупные слёзы стекают по моему лицу, а моё тело сотрясается от внезапного прилива адреналина. «Найди лекарство, спаси его», — кричит оно, но как я могу? Что я могу сделать? — Зак, он скоро умрёт.

— Ни в чём нельзя быть уверенным, Марни, — говорит он мне, его сильный голос оттягивает меня от края ровно настолько, чтобы мне удалось повернуться в его объятиях. Он снова надел свою майку, а я вернулась в своей форме для одной из самых важных игр года.

Сегодня вечером в зале будут скауты.

И один из них из Борнстеда.

Насколько я знаю, вполне возможно, что каждый из этих пяти придурков подумывает о том, чтобы поступить в тот же колледж, что и я. Каким-то образом это ещё больше усложняет ситуацию. Если они все подадут заявления в мой университет, а я их не выберу... это какое-то предательство?

Я провожу рукой по лицу, но чувствую усталость. Примерно также сейчас выглядит Виндзор. Я всё ещё беспокоюсь о нём.

— Ты видел его, Зак, ты его знаешь. — Он прищуривает глаза и сжимает свои полные, сочные губы в тонкую линию. Даже его спортивный запах грейпфрута не может пробудить меня из тёмных глубин, в которых я плаваю. — Он похож на скелет. Его вообще не должно здесь быть, он должен отдыхать, он...

— Он хочет увидеть выступление своей дочери, Марни, — говорит Зак, приподнимая мой подбородок и заглядывая мне в глаза. — Твой папа здесь, независимо от состояния его здоровья, потому что ты — самое важное в его жизни.

— Зак, он...

— Марни. — Его голос твёрдый. Он заставляет мою панику отступить, и впервые почти за полчаса я могу взять себя в руки. — Твой папа здесь, чтобы увидеть, как ты танцуешь, а не плачешь. — Зак улыбается, чтобы смягчить свои слова, а затем обхватывает моё лицо огромной ладонью. У него на щеках те чёрные полосы, которые всегда размазывают футболисты, и я улыбаюсь. Я бы посмотрела на него, если бы всё ещё не сдерживала слёзы. — Давай выйдем туда вместе и сделаем мужественные лица, хорошо?

— Спасибо, — молвлю я ему, и я говорю это искренне. Он видит мою уязвимость, и это его не отпугивает. Мы берёмся за руки и направляемся в холл, встречаясь с Чарли у ряда машин снаружи.

Как ни удивительно, Изабелла стоит там с Дженнифер и ребёнком.

— Мы ждали тебя, — говорит Дженн, улыбаясь, и я не могу решить, то ли она полна дерьма, то ли ей просто жаль меня, потому что Чарли явно умирает. Она оставила меня только с одним родителем, и он стал всем моим миром, всем моим сердцем... И он не будет рядом со мной так долго, как мне нужно.

Я не буду вам врать: мне требуется усилие, чтобы сидеть с ней в этой машине.

— Я не могу дождаться, когда увижу, как ты танцуешь сегодня вечером, — говорит мне

папа, улыбаясь, и кожа на его лице покрывается незнакомыми морщинками. Как будто у него их слишком много; он просто выглядит измождённым. *Я должна бросить учёбу и заботиться о нём.* Дело в том, что я знаю, что Виндзор не экономит на уходе за ним. Недавно он прислал мне несколько анкет помощников по уходу на дому, чтобы я могла выбрать одного и отправить его домой, чтобы помогать Чарли с повседневными делами.

Но... время, проведённое с ним дома, стоило бы больше, чем время, проведённое в академии, верно? По большому счёту, качественное времяпрепровождение с любимыми людьми намного превосходит академические занятия.

— Ты же знаешь, я всегда была чертовски неуклюжей, — говорю я, заставляя себя улыбнуться, когда Зак сжимает мою руку. — Мне потребовалось много времени, чтобы дойти до этого момента. Просто не смейся надо мной, из-за того, что я худшая в команде. — Чарли смеётся и притягивает меня к себе, улыбаясь мне... а затем позволяет своему взгляду задержаться на Дженнифер и ребёнке у неё на руках, на Изабелле...

— Держу пари, ты лучшая танцовщица, Марни. Ты всегда была хороша во всём, что делала.

Лимузин с грохотом катится вниз по склону, но Изабелла даже не смотрит на меня. Дженнифер ведёт светскую беседу, но только Зак отвечает на её постоянную болтовню.

Мы испытываем огромное облегчение, когда добираемся до поля и выходим, разделяясь, чтобы заняться своими делами: Чарли, Дженнифер, малышка — кстати ее зовут *Марли*, слишком похоже на смесь моего имени и Чарли для удобства — и Изабелла направляются на трибуны, чтобы посмотреть, как Зак бежит трусцой выходя на поле, и я присоединяюсь к команде поддержки.

Скаутов нетрудно заметить в аудитории. К тому времени, когда наступает перерыв, я точно знаю, кто это такие. Они редко улыбаются, но приходят в восторг, когда Зак делает что-то правильно. Джален тоже, если уж на то пошло, что отстойно. Джален не заслуживает быть квотербеком, не заслуживает того, чтобы его просматривали. Я узнала от Миранды во время одной из наших бесед на пижамных вечеринках, что он обычно лгал Эбони и говорил ей, что надевал презерватив, когда на нём его не было.

По-моему, это сексуальное насилие.

Теперь я чувствую себя уже не так плохо из-за того, что раскрыла, что она планировала ему изменить.

Незадолго до начала нашего шоу в перерыве я замечаю, как Зак кладёт деньги в руку игроку из другой команды. Это такая странная вещь — замечать это едва заметное пожатие ладоней. Но я не упускаю зелёное пятно, которое проходит между ним и Корбом Ламбертом, звёздным игроком «Гренадин Хайтс».

Хм-м.

Зак платит ему за то, чтобы тот проиграл игру, или что-то в этом роде? Хотя он бы этого не сделал. Имею в виду, я не думаю, что Зак сделал бы это, и я не верю, что Корб стал бы рисковать своим шансом попасть в отбор из-за какой-то дурацкой взятки.

У меня нет времени беспокоиться об этом перед выступлением, встаю в строй вместе с группой и исполняю наш танец. Мы использовали эти игры в качестве тренировок для наших собственных соревнований, а не для чего-то большего. Чирлидинг — это уже не то, чем он был раньше, просто какой-то ненужный вид спорта, чтобы поддержать мальчиков. Сейчас это полноценное спортивное мероприятие.

Мы переходим от танцевальной части к трюковой — той части, где мы подбрасываем

девушек в воздух — и я оказываюсь напротив Киары, поднимая крошечную фигурку Илеаны в воздух. Всё идёт по плану, пока не приходит время заставить её спешиться. Обычно мы с Киарой сгибали колени, а затем поднимались обеими ногами и руками одновременно, подбрасывали Илеану вверх, а затем ловили её сцепленными руками. Наша страховка — какая-то случайная третьекурсница, которую я едва узнаю, и она должна поддерживать Илеану за лодыжки и подхватывать её подмышки, когда она будет спускаться.

Во время этого сеанса всё происходит не так. Вместо этого и Киара, и третьекурсница отпускают Илеану, и она разворачивается в воздухе и буквально бьёт меня ногой в лицо.

Боль пронзает меня, когда я спотыкаюсь и оказываюсь на заднице в траве, кровь течёт по моему лицу и попадает в рот. Киаре и другой девушке всё равно удаётся поймать Илеану, и я единственная, кто остаётся раненой.

Тренер Ханна подбегает, чтобы помочь мне подняться, но у меня слишком кружится голова, чтобы стоять.

Меня только что крепко приложили — и не в хорошем смысле.

Музыка продолжает греметь по стадиону, и другие девушки заканчивают свой танец под одобрительные возгласы и хлопки с обеих сторон. Почти уверена, что все думают, что это произошло случайно. Кроме меня. И Зака.

Он стремительно подбегает, тяжело дыша и взмокший от пота, его тёмные волосы прилипли ко лбу. Наконец мне удаётся подняться на ноги и протиснуться мимо тренера Ханны, чтобы перехватить его на пути к нам.

— Не надо, — бормочу я сквозь кровь. Я начинаю задумываться, не сломан ли у меня нос. Это было слишком больно, а теперь совсем не больно... Нехороший знак. Моё тело пытается защитить меня от агонии. — Зак, не надо.

— Мне всё равно, девочки они или нет, я разобью им лица.

— Нет, это не так. — Я кладу ладони ему на грудь, а он стоит там, огромный, мускулистый и тяжело дышащий, пытаюсь прийти мне на помощь единственным известным ему способом. Точно так же, как и в случае с Тристаном, я пытаюсь ухватиться за эту тёмную жилку внутри него, отвлекая его внимание от них и переключая его на себя. — Скауты здесь. Я знаю, что ты любишь футбол; я знаю, что ты хочешь играть за НФЛ, даже если ты этого не признаёшь.

— Я могу попросить своего дедушку купить команду и включить меня в неё, — шепчет Зак, но его голос звучит почти болезненно, когда он произносит это. Конечно, он мог бы это сделать. Но он такой же, как я: он хочет добиться всего самостоятельно. Он не просто *хочет* играть; он хочет заслужить право играть.

— Они получают своё. Я обещаю тебе это. Я обещаю тебе. — Из-за того, что это первый месяц в академии я ничего не делала. У меня есть мой блокнот. У меня есть свои правила. И в прошлом году я позволила ребятам во многом отомстить за меня.

В этом году всё будет по-другому.

Я закончу Подготовительную Академию Бёрберри и сделаю это на ура.

— Вы грёбаные тролли, — рычит Зак, но девушки позади меня просто смеются, и на этот раз моя очередь протянуть руку и обхватить его лицо своими гораздо меньшими руками. Он опускает на меня свои горько-сладкие шоколадные глаза. Они сужены и темны, и я знаю, что он уничтожил бы их, если бы я попросила его об этом — даже если бы это означало потерю его места как в этой команде, так и в его будущей карьере в колледже. — Вам лучше следить за своими спинами.

— Мы просто в ужасе, — мурлычет Илеана, смеясь, когда Зак снова смотрит на меня сверху вниз, положительно трясясь от ярости. Я оглядываюсь в поисках Чарли и вижу, как он исчезает за углом, вероятно, направляясь к лестнице, чтобы подойти сюда. Он ещё не знает, что я встречаюсь с Заком, так что... У меня есть только секунда.

— Не обращай на них внимания, поцелуй свою девушку и уходи. Вот и всё. — Зак берёт меня за подбородок и крепко целует на глазах у обеих школ, заставляя нескольких своих товарищей по команде одобрительно свистеть. Меня даже не волнует, что мне больно, когда он прижимается своим ртом к моему. Хотя я уверена, что на вкус я, должно быть, как кровь, я провожу языком по его нижней губе.

У него действительно самый красивый чёртов рот.

Своим поцелуем Зак заявляет на меня права, издавая низкий, удовлетворённый мужской звук, когда его язык скользит по моему, а его большие руки обхватывают мои плечи, сильно сжимая. Когда он наконец отпускает меня, я чувствую себя так, словно меня каким-то образом пометили, заклеямили на весь стадион как его пару.

— У меня есть несколько минут. Давай приведём тебя в порядок, — рычит он, а затем подхватывает меня на руки и несёт к скамейке. Полевой медик осматривает меня и решает, что будет лучше, если я потом пройду обследование в больнице, просто на всякий случай. Папа там, пытается нависнуть надо мной, Дженнифер тоже. Я отмахиваюсь от них обоих и ухитряюсь уговорить всех вовлечённых взрослых позволить мне посидеть там со льдом на лице, чтобы я могла досмотреть игру до конца.

Другие парни спускаются, чтобы встать рядом со мной, и Виндзор, что неудивительно, становится тем, кто берёт верх, сажая меня к себе на колени. Он ничего не говорит, никто из них этого не делает, но я могу сказать, что все они тихо злятся.

Как раз, когда мы приближаемся к концу игры, я вижу, как Зак бросает взгляд на Корба.

Джален готовится отдать пас вперёд, солнце отражается от чёрной поверхности его шлема.

Он отводит руку назад, и Корб идёт прямо на него. Поскольку он защитник «Гренадин Хайтс», это имеет смысл. Это его работа. Он *сильно* бьёт Джалена, и всё, что я слышу, когда он падает рядом со мной — это ужасный хрустящий звук.

Судья объявляет тайм-аут, когда Джален кричит, и я вижу всю эту кровь. Как будто слишком, слишком много крови. Я наклоняюсь рядом с ним, так как я ближе всех к нему, и нахожу осколок стекла у него в ноге.

— Что за...

Меня оттесняют в сторону, пропуская полевого медика, но не раньше, чем я хватаю стекло в руку и забираю его с собой, спотыкаясь, возвращаюсь и опускаю его в чашку с водой. Я притворяюсь, что делаю глоток, чтобы успокоить нервы, а потом выбрасываю его в мусорное ведро.

Зак смотрит на меня с другого конца поля, и наши взгляды встречаются.

Джалена увозят с перерезанной артерией и сломанной бедренной костью. Его шансы сыграть за команду колледжа в следующем году... практически нулевые. А его отец какой-то суперизвестный игрок НФЛ. Это всё, о чём он когда-либо говорил.

Когда я вернусь в свою комнату, я вычеркну его имя из своего списка.

Вскоре после этого игра заканчивается, и победа достаётся академии Бёрберри. Это приятная смена темпа по сравнению со вторым курсом, когда я испортила шансы Зака на славу.

Однако у меня не было возможности поговорить с ним, потому что после этого мы сразу поехали в больницу (к счастью, мой нос не сломан), только чтобы узнать, что у меня, возможно, сотрясение мозга. Чарли не спит со мной всю ночь, играя в настольные игры в одной из кабинок для посетителей, и я провожу с ним каждую минуту, наслаждаясь проведённым временем.

Как только он уедет, я смогу встретиться лицом к лицу с Заком.

Он нарушил одно из моих правил, и я этому не рада.

Я подбегаю к Заку в столовой и хватаю его за его большую мускулистую руку, оттаскивая его от других парней в коридор.

Сейчас понедельник, и Чарли только что уехал. У нас осталось около двух недель до Хэллоуина, и мы понятия не имеем, что делать с костюмами. Понятия не имею, что мы сделаем, чтобы отпраздновать это событие. Как представители «Голубой крови» Бёрберри, мы должны устроить вечеринку, чтобы сохранить наш титул. Точка. Вот как всё здесь работает, но где? Мама Виндзора — которая, если вдуматься, чёртова принцесса, верно? — остановилась в доме, которым мы пользовались в прошлом году. От Тристана отреклись, Кэботы и Кайзеры не живут достаточно близко, а мать Зака ремонтирует их загородный дом.

Нам придётся придумать что-нибудь креативное.

— Ты игнорировал мои сообщения все выходные, — шепчу я, но Зак качает головой, поднимая ладони.

— Никогда, Марни. Никогда. Ты не понимаешь: мой дедушка и мой папа были здесь в эти выходные. — Я приподнимаю брови; я никогда не встречалась с отцом Зака, но слышала, что он придурок. Он сильно хмурится и на мгновение отводит от меня взгляд. — Всё прошло не очень хорошо.

— Они злы из-за игры? — спрашиваю я, и Зак качает головой, глядя на меня в ответ, сжав губы в тонкую линию. Он выдыхает, закрывает глаза и протягивает руку, чтобы взъерошить пальцами свои короткие тёмные волосы.

— Не совсем.

Я жду, пока он уточнит. Он этого не делает. Тогда я решаю сначала решить свою проблему.

— Я сказала, никакого насилия, Зак, — шепчу я, потому что не хочу выиграть эту войну, прибегая к их тактике.

Он оглядывается на меня, и, по крайней мере, я могу сказать, что на его лице застыло выражение стыда.

— Я не знал про стекло, — произносит он, качая головой. — Но никто из персонала не знает, что Корб на самом деле порезал его; все они думают, что в траве были какие-то обломки.

— Я видела, как ты заплатил Корбу, чтобы тот навредил Джалену, — говорю я ему, скрещая руки под грудью. Зак изучает моё лицо и вздыхает, как будто у него нет оправдания тому, что он сделал. Он опускает взгляд на пол между нами и на мгновение закрывает глаза.

— Я бы сделал всё, чтобы защитить тебя, — отвечает он, поднимая голову и открывая глаза. — Джален был опасен, Марни. Ты не слышишь разговоров в раздевалке, которые слышу я. — Он смотрит прямо на меня, подняв голову. — Да, я заплатил Корбу, чтобы он приложил Джалена посильнее, чем это было необходимо, но я не знал о стекле. Если тебе от этого станет легче, Джален разбил стеклянную бутылку о лицо брата Корба на вечеринке в

Хэмптоне этим летом. Осколок стекла перерезал ему сонную артерию, он чуть не умер.

Мы стоим там, лицом друг к другу, но я не знаю, что сказать.

Я в противоречии.

— Иногда ты не можешь бороться с тьмой словами, Марни. — Зак засовывает свои большие руки в карманы своей куртки. — Тут... происходит много такого, о чём ты не знаешь.

— Тогда скажи мне, — умоляю я, — потому что я буквально *только что* прочитала мангу с подобным сюжетом. Ребята скрывали информацию от героини, пока не стало слишком поздно, а потом...

— Правила Клуба Бесконечности, — рычит Зак, как будто ему очень больно. Он вынимает руки из карманов куртки и обхватывает ими мои плечи. — Если мы скажем тебе, мы потеряем серьёзное преимущество. И мы не можем сделать этого, Марни.

— Зак... — я вздрагиваю, когда он скользит ладонями вниз по рукавам моего чёрного блейзера.

— Мой дедушка не хочет, чтобы я встречался с тобой, — шепчет он, и моё сердце серьёзно сжимается. Оно вырывается у меня из груди, и я смотрю на него снизу-вверх, приоткрыв рот от удивления.

— Почему нет?

— Моя мама любит тебя, Марни. Она любит тебя. Моей сестре ты тоже нравишься. Не просто... мой папа и мой дедушка... — он замолкает, это болезненное отчаяние отражается на его лице. — Единственное, в чём они когда-либо соглашались, так это в этом.

— Почему... — я вздрагиваю, и Зак отступает назад, внезапно отпуская меня.

— Я не должен был нарушать твои правила, не поговорив сначала с тобой, — мягко говорит он, его голос на удивление груб от эмоций. — Это был мой просчёт. Но, Марни, я бы сделал это снова, если бы пришлось. Я сделаю всё, чтобы защитить тебя, даже нарушу твои правила. — Он снова поднимает на меня взгляд, и я резко втягиваю воздух. Он, слишком чертовски красив, чтобы его можно было описать словами. Слишком чертовски красив. — Но я пойму, если ты разозлишься на меня.

— Я не злюсь, но вы, парни, не можете продолжать делать что-то за моей спиной. Что может быть хуже, чем Гарпии, пытающиеся заставить меня покончить с собой? Чем пытаться утопить меня в бассейне? Зак... — я делаю шаг вперёд и кладу руку ему на грудь, и он накрывает её обеими своими. Он невероятно тёплый, и когда я прижимаюсь к нему, его запах немного успокаивает мои нервы. — Что может быть намного хуже всего этого?

— Марни... — Зак обнимает меня, кутает в свою куртку и прижимает к себе. Это странно похоже на прощальное объятие, и мне это совсем не нравится. Ни на йоту. — Давай просто закончим школу и сбежим в Борнстед, а? Ты можешь быть самой умной девочкой в команде поддержки, а я буду играть в футбол и пробираться ночью в твою комнату в общежитии...

— А как насчёт твоей семьи? — спрашиваю я, но Зак ничего не говорит, когда я откидываюсь назад и смотрю на него.

— Меня не волнует, что они думают и чего хотят. Это моя жизнь, а не их. — Он замолкает, когда Крид выскакивает из столовой, прислоняясь спиной к двери, чтобы придержать её открытой.

— Миранда придумала, — говорит он, и я поднимаю обе брови. Прямо сейчас меня немного подташнивает от эмоций, но я справляюсь с ними, встряхивая руками и делая

глубокий вдох, прежде чем заставить себя улыбнуться.

— Придумала что? — спрашиваю я, и Крид улыбается, медленно, соблазнительно, так, что это согревает меня изнутри, прогоняя некоторые мрачные тени.

— Наши костюмы на Хэллоуин, — отвечает он, когда Миранда, тяжело дыша, подходит ко мне и протягивает руку, чтобы взять обе мои руки в свои. Её голубые глаза сверкают.

— Королевские особы, — говорит она, широко улыбаясь. — Мы идём как члены королевской семьи: принцы, принцессы... короли и королевы. А ты как думаешь? Ты можешь надеть корону, которую мы подарили тебе на день рождения. Это идеальный вариант для Харпер, учитывая, что она и её дружки пытаются ввести термин «Правящие члены королевской семьи». Так глупо. Идолы и их ближайшее окружение правят этой школой с тех пор, как... — она делает паузу, а затем слегка морщится, глядя на меня в поисках ответа.

— С тех пор, как он был придуман Уильямом Вандербильтом Первым в 1919 году? — предлагаю я, и Миранда взвизгивает, обвивает руками мою шею и дарит мне душистый поцелуй в щеку.

Однако я не упускаю из виду мрачный взгляд Зака, когда он изучает меня.

Он говорит, что ему всё равно, что думает его семья, но, может быть, это не так?

И я уверена, что он такой не единственный.

— Ты не возражаешь, если я задам тебе личный вопрос? — спрашиваю я Виндзора, когда мы стоим внутри свадебного магазина в Лухо, и я наблюдаю, как десятый в очереди на английский трон принц надевает розовое платье подружки невесты, облегающее его гибкое, мускулистое тело. Он оглядывается на меня через плечо, рыжие волосы встают дыбом, карие глаза мерцают.

— Продолжай, моя дорогая, — говорит он, когда служащая встаёт и извиняется, чтобы взять ещё несколько булавок. Она посмотрела на нас как на сумасшедших, когда мы забрели сюда в поисках платья для парня-подростка в качестве костюма на Хэллоуин, и ещё больше удивилась, когда узнала Виндзора, а затем начала лихорадочно переписываться со своей подругой за прилавком.

К обеду весть об этом разлетится по всему Интернету. Винд говорит, что ему всё равно, но, возможно, так оно и есть, просто не так, как могут подумать другие. Возможно, ему и не стыдно, но ему определённно не всё равно: он хочет, чтобы все знали, насколько он непочтителен.

— Почему твоя мама не пришла на родительскую неделю? — спрашиваю я, пока Виндзор рассматривает своё платье в зеркале, разглаживая руками блестящий лиф. Он сказал, что королевская семья — это действительно скучная тема, если только он не сможет нарядиться как принцесса. *«Я был принцем всю свою жизнь, что в этом весёлого?»* Так что теперь и он, и Эндрю пойдут в дрэг. Последний в данный момент находится в раздевалке, примеряя своё бледно-голубое платье.

— Моя мать? — спрашивает Виндзор, хмурясь, а затем пожимая плечами, как будто в любом случае это не имеет большого значения. — Полагаю, она слишком занята тем, что изображает из себя любимую принцессу. Пресса боготворит её, ты же знаешь. Они говорят о том, что она надевает на каждое мероприятие, с кем встречается, как она, чёрт возьми, улыбается. — Винд сверкает злой ухмылкой, наполовину весёлой, наполовину просто стискивающей зубы. — Она едва ли может просто посрать без того, чтобы СМИ не сфотографировали её и не спросили, какой туалетной бумагой она пользуется. Какое ужасное существование. Ты можешь себе это только представить?

Виндзор снова поворачивается к зеркалу и упирает руки в бока, надув губки и слегка нахально покачиваясь.

— Это беспокоит тебя? — спрашиваю я, поднимаясь на возвышение рядом с ним и взбивая его юбку. — Приходится делить свою маму со всем миром? — взгляд Винда скользит по мне, и он поднимает брови, глядя на меня.

— Ты думаешь, это то, что меня беспокоит? — спрашивает он, резко улыбаясь. — О, чёрт возьми, красавица, нет. Меня пугает такая жизнь, когда каждое движение усиливается до тех пор, пока оно не станет значить в сто раз больше, чем должно быть по праву. Я не хочу, чтобы люди смотрели на меня как на своего рода опору общества. — Он снова поворачивается к зеркалу, замирая, когда Эндрю выходит и упирает руки в бока.

Платье... на самом деле выглядит на нём очень хорошо, слишком хорошо. Из него получается очень подозрительный дрэг-квин (подозрительный — это как... женственный; я понятия не имею, откуда взялся этот термин, но имеем, что имеем).

— Тебе следует подать заявку на участие в *дрэг-рейсе РуПола*, — визжу я, прикрывая

рот руками. Только в парике, набивке и платье Эндрю Пейсон действительно немного похож на принцессу.

— У меня всё равно такое чувство, что я всегда в дрэге, — бормочет он, изучая себя в пятистороннем зеркале. — Хорошо, мы возьмём это. — Он кивает швее, когда она выходит из подсобки со свежей подушечкой для булавок. Она делает паузу, чтобы помочь Эндрю расстегнуть на спине его платье, и я изучаю напряжённое, стоическое выражение лица Винда.

Я едва коснулась поверхности Виндзора Йорка, но чувствую, что должна знать больше. Мне *нужно* знать больше.

Я отодвигаюсь в сторону, чтобы он мог закончить примерку своего платья, а затем перехожу к себе.

К тому времени, как мы закончили, мы определённо испортили мою первоначальную идею с бюджетом, но ни Эндрю, ни Виндзор, похоже, не побеспокоились о том, чтобы предоставить свои карточки и заплатить. Когда я занимаю свою очередь к кассе, ожидая услышать цену платья, чтобы понять, смогу ли я себе это позволить, учитывая стоимость переделок, Виндзор хватается меня за руку и притягивает к себе.

— Придворная дама никогда не платит за свои платья сама, — мурлычет он, глядя на меня сверху вниз с лёгким намёком на лукавую улыбку. — Я беру его, ваше величество.

— Перестань называть меня так, — говорю я со смехом, отстраняясь от него. Мы троём выходим на солнечный свет, останавливаемся у книжного магазина дальше по улице, прежде чем присоединиться к остальным в кафе.

Я стараюсь быть незаметной, когда проскальзываю в раздел манги в поисках ещё *яоя*. Есть одна, завёрнутая в пластик, на которой недвусмысленно написано: «*Только восемнадцать плюс!*» на обороте. Один уголок уже оторван, и похоже, что кто-то уже заглянул внутрь. Я имею в виду, поскольку дело уже сделано... Я подглядываю и чувствую, как мои щёки вспыхивают, когда я вижу эксплицитность этого искусства.

Тпру.

Определённо беру её.

— Что это? Ещё одна твоя неуклюжая манга? — спрашивает Крид, удивляя меня тем, что выхватывает мангу у меня из рук и поднимает над головой. Я оборачиваюсь и вижу, что он стоит позади меня, одетый в свободную, слегка помятую синюю рубашку на пуговицах и джинсы. Он даже не пытается скрыть свои действия от сотрудников книжного магазина, когда снимает пластик и переходит прямо к грязной сцене. Его светло-русые брови поднимаются вверх. — Боже мой, Марни. Что у нас тут?

— Верни, — шепчу я, пытаюсь выхватить её у него, но он проворен, убирает её подальше, чтобы он мог посмотреть на двух парней, эм, ну, если выразиться вежливо... трахающихся? Да, это в значительной степени подводит итог.

— Ого-го-го, — говорит Зейд, закидывая своё покрытое чернилами тело на плечи Крида и заглядывая в страницы, в то время как Крид хмурится на него и хмурится ещё больше. — Что это, чёрт возьми, такое? *Чувствительный порнограф*? И это название, Черити? Королева элиты на самом деле извращенка. — Зейд хватается мангу и засовывает её под мышку, протягивая руку, чтобы скрутить пряди своих волос цвета морской волны в маленькие колечки. — Я куплю её для тебя; может быть, она натолкнёт тебя на идеи для нашего следующего траха.

Крид усмехается и прислоняется плечом к одному из книжных шкафов, как будто ему

просто слишком трудно стоять прямо. Как и любого сверхбогатого человека, его, похоже, не волнует, что он находится в общественном месте. Нет, весь мир просто принадлежит ему; так и должно быть. На самом деле, временами они все такие.

— Ну и дела, спасибо, — говорю я, но мои щёки всё равно краснеют. Между учёбой в школе, чирлидингом, игрой на арфе и тусовками со всеми подряд... остаётся не так уж много времени для секса. Или, может быть, у меня просто нет на это времени, потому что я не знаю, как сбалансировать всех этих парней? На самом деле я довольно быстро разогналась с нуля до сотни. От девственности... до секса с тремя разными парнями.

Я выдыхаю, когда Крид прищуривает свои голубые глаза, глядя на Зейда.

— Судя по тому, что я слышал, ты был скорострелом. Может быть, это должно стать названием твоего следующего альбома? *Как быстро кончить и оставить разочарование после себя.* Оно такое же длинное и глупое, как твоё прозвище.

— Ха, — отвечает Зейд, закатывая свои зелёные глаза, а затем протягивает руку через мою голову, чтобы взять с полки ещё одну мангу. Это история об отеле в Хот-Спрингс с привидениями, в котором обитает сексуальный призрак. Я вижу много болтовни, когда Зейд листает роман. Его он тоже засовывает под мышку. Он щёлкает пальцами в направлении Крида. — Ты забавный, братан. Правда, браво. — Он притворно хлопает в ладони, а затем одаривает меня озорной ухмылкой, два серебряных пирсинга в его губе острые, как стрелы. Я уже пробовала провести по ним языком, и всё, что они делают — это вызывают покалывание. Сначала я думала, что будет больно, но это не так. На самом деле они мне очень нравятся.

— И вообще, что вы двое здесь делаете? Я думала, вы ждёте меня в кафе.

— Э-э, Лиззи и Тристан затеяли этот очень глубокий разговор, — отвечает Зейд, пожимая плечами, в то время как Крид наблюдает за ним режущим острым взглядом, который противоречит беззаботной осанке его прекрасного тела. Он осторожно засовывает свои бледные пальцы в карманы. — Разговор о чертовски скучном говне. Мы быстро отказались от выслушивания всего этого.

— Ты такой невозможный идиот, — растягивает слова Крид, переключая своё внимание на меня. — Мне жаль, Марни. Он не хочет быть грубым, невоспитанным и забывчивым. Он ничего не может с этим поделать. У него нет мамы, его отец — зависимый от крэка рок-звезда, одержимый поклонницами, а его бабушка настолько увлечена семейным бизнесом, что однажды забыла его в летнем лагере, и полиции пришлось отвезти его домой. Помнишь это, Зейд?

— Почему бы тебе не отъебаться? — Зейд мурлычет, но уходит с хмурым видом, и я могу сказать, что Крид задел его за живое.

— Ты ведёшь себя как хулиган, — говорю я ему, скрещивая руки на груди и одаривая его своим самым суровым взглядом. Крид снова поворачивается ко мне, а затем пожимает плечами так свободно и лениво, что это выглядит почти как несчастный случай.

— И что? Либо *ты* издеваешься, либо над тобой издеваются. Ты, конечно, уже поняла это? — он отталкивается от полки и встаёт, глядя на меня сверху вниз с праздно-весёлой улыбкой сверхбогатого. Ему весело, но ожидается, что весь мир будет веселить его.

— Я не допускаю издевательств в академии, ты это знаешь. — Я смотрю на него. — Я не рассматриваю возможность мести как хулиганство.

— Ла-а-а-а-адно, — растягивает Крид, поворачиваясь и проводя пальцами по краю книжной полки, до самого конца, прежде чем оглянуться на меня через плечо. — Хищник

или жертва, Марни. Это факт по жизни.

— Так не должно быть, — говорю я, следуя за ним и заворачивая за угол. Отсюда я могу видеть Миранду, Зака и Эндрю, сидящих за одним из столиков на возвышении, которое окружает небольшое кафе книжного магазина. Это ничто по сравнению с тем, что через дорогу, с камином и большими удобными креслами, но всё равно мило.

— В средней школе надо мной издевались за то, что я богат. Бедные дети тоже могут быть жестокими, знаешь ли. — Крид останавливается у полки, полной детективных романов с мультяшными кошками на обложках, названия которых — сплошные каламбуры о еде и животных. Такие вещи, как то, что «Убийца Кошки подставляет лапы полиции». Поняли? Крид поворачивает полку, лениво просматривая книги.

— Во-первых, те дети, с которыми ты ходил в школу в Гренадин-Хайтс, как правило, относятся к высшему среднему классу. Студентам из Лоуэр-Бэнкс они сами показались бы чертовски богатыми. Но ты прав. Ты прав: каждый человек способен быть жестоким. Дело в том, что все мы люди. У нас есть интеллект и сопереживание, необходимые для того, чтобы умерить эту жестокость. — Я хватаю Крида за бледную руку, и он замирает, глядя на меня. — Я видела вас, ребята, в худшем виде; я хочу увидеть вас в лучшем.

Он выдыхает и позволяет мне переплести свои пальцы с его, притягивая меня ближе. Когда мгновение спустя Лиззи и Тристан входят вместе, я изо всех сил стараюсь не вести себя как ревнивая чудачка.

Но всё в порядке: Крид делает это за меня.

— Ты такой грёбаный дурак, тусуешься с другой, когда у тебя прямо здесь есть прекрасная девушка.

— Тише, ленивец, — огрызается Тристан в ответ, встречая мрачный взгляд Крида своим собственным. Он может быть здесь по благотворительности, но грязное богатенькое отродье внутри него всё ещё там, ожидает, когда поднимется его богатая голова. — Почему бы тебе не пойти вздремнуть где-нибудь и не заняться своими делами?

Крид отпускает меня, но я боюсь, что между ним и Тристаном назревает конфликт, поэтому я встаю между ними, мои глаза встречаются с янтарными глазами Лиззи. Выражение её лица ничего не выдаёт.

— Вы купили то, что вам было нужно для дурацкого костюма принца? — спрашивает Тристан с совершенно невозмутимым видом. Он был таким со времён поместья Вандербильтов, как красивая сломанная кукла. Это меня расстраивает. Я просто... Я хочу встряхнуть его. Я хочу снова поиграть в твистер, я...

— Мы справились, — отвечаю я ему, когда Виндзор появляется над перилами над нами, наклоняясь, чтобы пощекотать меня по волосам.

— Я заказал тебе чашку чая, — говорит он, оглядываясь на стойку. — И я предупредил баристу о последствиях неудачи. Присоединишься ко мне? — он встаёт, и я киваю, хватая Крида за руку... а затем и Тристана. Я оттаскиваю его от Лиззи, но не раньше, чем замечаю, как её губы приоткрываются от удивления.

То, как она хмурится, когда присоединяется к нам за столом несколько мгновений спустя, говорит мне о том, что это маленькое действие было смелым в её глазах.

Я могу только представить, как с этого момента всё может измениться.

Хэллоуин — это всегда большое событие для нас, особенно в этом году. Это не только наша последняя вечеринка в честь Хэллоуина в старшей школе, но и наш лучший шанс решительно выступить за школу и полностью подавить восстание младших Харперов.

Только представители «Голубой Крови» из академии могут провести вечеринку в честь Хэллоуина.

После некоторых серьёзных размышлений мы решаем воспользоваться услугами казино.

Технически, это собственность Клуба Бесконечности, так что наша вечеринка становится вечеринкой Клуба, а это значит, что нам не разрешается выгонять Гарпий и Компанию. Но это нормально. Нам не нужно выгонять их, чтобы победить. Если они на нашей вечеринке, мы уже победили.

Я полностью одета в белое платье, которое на мой взгляд слишком похоже на свадебное и на то, что я надевала в Сан-Франциско, но с ещё *большим* количеством оборок и блестящих деталей. Когда ребята увидели меня, клянусь, Крид, Зейд и Тристан выглядели испуганными... в то время как Винд и Зак выглядели слишком взволнованными. Честно говоря, я даже не уверена, какое из выражений их лиц было хуже.

Дело в том, что я должна быть королевой школы, заменой Харпер. Я должна выглядеть соответствующим образом. В то время как Миранда и Лиззи одеты как принцессы — вместе с Эндрю и Виндзором, конечно — а девушки из Внутреннего Круга разодеты как придворные аристократки, мне пришлось усовершенствовать костюм. Итак, я надела корону, очень дорогую, очень декадентскую корону.

Виндзор смотрит в окно, в темноту, пока мы пробираемся сквозь деревья к заброшенному зданию. Мы были здесь на прошлой неделе, украшали и таскали тыквы. Это не совсем тот идеальный жуткий рай на Самайн, каким он был в прошлом году, но это не то место, куда можно привести поставщиков провизии и декораторов. Это скорее... заведение только для студентов.

— Почему ты больше не водишь машину? — спрашиваю я, и Виндзор оглядывается на меня, на его лице столько же косметики, сколько и на мне. Это заставляет меня улыбнуться, потому что он на самом деле немного... симпатичный? Я заставила его накинуть розовую шаль поверх платья, потому что у него слишком толстые и мускулистые руки для всей этой затеи с «милой принцессой», но втайне я нахожу его чертовски сексуальным. — Первое, что появляется в Интернете, когда я гуглю тебя — это список дорогих автомобилей, которыми ты владел.

— Ах, вы, американцы, со своим гуглением, — говорит он, что просто заставляет меня рассмеяться. Некоторые из его американских шуток довольно точны. Это было просто глупо. Тем не менее, мне всё равно это понравилось. — Ты ведь знаешь, что я разбил ту яхту в гавани, верно? — я киваю. Я тоже читала об этом в Интернете. Люди пострадали, их даже госпитализировали. Есть одна девушка, которая только недавно вышла из больницы. Из того, что я прочитала, она всё ещё находится в процессе реабилитации и обучению ходьбе.

Я должна признать, что это довольно мрачная хрень.

— Ты... не обязан говорить об этом, знаешь ли, — молвлю я ему тихим голосом. Из динамиков доносится какая-то жуткая музыка на Хэллоуин, но она приглушена настолько, что я её едва слышу. В машине только мы вдвоём. Я предложила это, потому что хотела ещё

раз поговорить с принцем наедине.

— С таким же успехом ты можешь знать правду, — отвечает он, прислоняясь спиной к окну и теребя ткань своего розового платья. — Я же говорил тебе, что был накачан кокаином, пьян и зол, верно? — я киваю, и он вздыхает, на мгновение закрывая глаза. — Я говорил тебе, почему я разозлился?

— Нет. — Мой голос звучит тихо, когда я сворачиваю на парковку казино и обнаруживаю, что она заполнена роскошными автомобилями. Только на этой стоянке, судя по стоимости транспортных средств, денег хватает, чтобы тысячи студентов закончили колледж. Чёрт возьми, даже получили докторскую степень.

Отсюда казино выглядит таким чертовски жутким, всё освещено оранжевыми огнями, рядом с дорожкой, ведущей к задней двери, стоит колышущийся призрак. На одном из деревьев даже висят младенцы-зомби, подсвеченные зелёным прожектором, который мы украли из театрального отдела.

Я выключаю двигатель, а затем разворачиваюсь лицом к Виндзору, моё белое платье шуршит, все эти пышные кружева и атлас рассыпаются по сиденью.

Он пристально смотрит на меня через тёмное пространство.

— Моя девушка была на причале, веселилась. Она только что изменила мне с парнем из Итонского колледжа. — Виндзор вздыхает и протягивает руку, чтобы убрать волосы со лба. Дело в том, что сегодня на нём парик, так что всё, что он делает, — это взбивает красно-оранжевую чёлку. — У нас была грандиозная ссора, и я её потерял. Я был слишком под кайфом, слишком пьян и нарочно врезался в тот причал. — Мои брови удивлённо поднимаются, когда голос Виндзора окрашивается язвительностью и застарелым гневом. — Я сделал это с дьявольской целью, а потом увидел её, раздавленную и истекающую кровью под какими-то обломками. Я... — он отводит взгляд в сторону группы хихикающих девушек, одетых как, ну, вы знаете, как я отношусь к этому слову, но... *распутные* вампирши. Имею в виду, я говорю это только потому, что на них надеты стринги и колготки в сеточку с накидками и зубами.

— Виндзор, — начинаю я, протягивая руку, чтобы взять его за руку. Я почти ожидаю, что он отстранится, но он этого не делает. Удивительно, но он позволяет мне взять его и слегка прижать к себе.

— С тех пор я не могу водить машину. Меня просто тошнит, когда мои руки касаются руля. Не имеет значения, машина это, лодка или грёбаный бамперный автомобиль. Итак, когда я сказал тебе, что я немного придурок, я не лгал. Я был ужасен, Марни. Я совершал ужасные, чудовищные поступки. Если бы ты посмотрела на меня через увеличительное стекло, ты, вероятно, подумала бы, что мистер Вандербильта безупречно чист по сравнению со мной. — Виндзор выдёргивает свою руку из моей и выходит из машины, прежде чем я успеваю ответить.

Однако затравленный взгляд в его глазах не покидает меня до конца ночи.

Мы, должно быть, выглядим чертовски круто, когда приходим на эту вечеринку вместе, одетые как королевская процессия, с коронами и бальными платьями, галстуками и яркими пальто с длинными развевающимися мантиями для парней. Толпа легко расступается, освобождая нам путь мимо игровых автоматов, туман из сухого льда обвивается вокруг наших лодыжек.

Харпер и её новые друзья уже там, Изабелла всё ещё преданно держится за них. Все они одеты в различные костюмы животных. Опять же, я не хочу использовать слово

«распутные», но...

Они смотрят, как мы проходим мимо, направляясь к стойке с напитками в помещении, которое выглядит так, будто когда-то было закусочной или чем-то в этом роде. Теперь виноградные лозы вьются сквозь трещины в стенах, а разбросанные свечи на колоннах придают ему ещё более жуткий вид.

Миранда уходит искать Джесси, Эндрю делает то же самое с Гэри, а я остаюсь с парнями... и Лиззи.

Грёбаная Лиззи.

Разве это ужасно, что я просто хочу, чтобы она ушла?

Парни заказывают себе напитки — банки, бутылки или отдельные стаканчики с необычными коктейлями, которые любит Виндзор. Я позволяю им повеселиться, и, хотя мне действительно понравилась травка, которую я попробовала на вечеринке у Зейда, я отказываюсь от косяка, когда он протягивает его мне.

Сегодня вечером у меня здесь есть другие дела.

Здесь есть студенты с каждого курса, почти исключительно из академии Бёрберри. Первокурсники и второкурсники не помнят, на что это было похоже, когда Харпер и парни правили школой железными кулаками жестокости, но они всё равно смотрят на меня как на члена элиты. Бьюсь об заклад, большинство из них учились в кампусах начальной и средней школы Бёрберри, которые находятся недалеко от нашего; они, вероятно, знают обо всём, что происходит в старшей школе, от старших братьев и сестёр и сплетен в Интернете.

Ребята не спрашивают, куда я иду, но они как бы плетутся за мной в процессии. Я не признаюсь им, как сильно мне это нравится.

Вместо этого я жду, пока Гарпии и их компания головорезов (Джален был последним мужчиной, оставшимся в живых из оригинальной Голубой Крови, и теперь он тоже ушёл, так что здесь все новички) устроятся в углу гостиной со своими напитками, карточками и этими ужасными, омерзительными костяшками пальцев.

— Сдай карты, Дюпон, — говорю я ей, подбирая платье под бёдра и усаживаясь за стол. Харпер прищуривается, глядя на меня и сидя на коленях у какого-то четверокурсника в своих розовых колготках и пушистых кошачьих лапках. — Потому что я планирую растереть тебя по полу.

Она смеётся надо мной и садится, всё ещё сидя на коленях у засранца из компании.

— Серьёзно, Работяжка? Ты хочешь заключить со мной пари?

— Если я выиграю, ты прекратишь общаться с Изабеллой Кармайкл и никому не расскажешь о её отце.

— Каким из них: настоящим или поддельном? — Харпер язвит, а Бекки хихикает тем ужасным смехом гиены, который я возненавидела с самого начала. Я игнорирую её. Я начала с большого списка. Сейчас он намного, намного меньше. Это всего лишь вопрос времени, когда из него вычеркнутся все имена.

— Ты думаешь, что помогаешь мне? — Изабелла усмехается, одетая как... извините, опять начинается: распутная мышка. Даже Миранда использует слово «распутная» на Хэллоуин, а она самый большой сторонник позора шлюх, которого я знаю. Я даже не имею в виду это как оскорбление, просто описание. — Оставь меня в покое, Марни. Я не хочу иметь с тобой ничего общего.

Её слова ранят, но я отмахиваюсь от них.

— Что я получу, если выиграю? — спрашивает меня Харпер, мило улыбаясь. У неё

красивые губы. Если бы она использовала их для чего-то другого, а не для того, чтобы ухмыляться, насмеяться или хмуриться, тогда, может быть, больше людей заметили бы это? — У тебя нет ничего такого, Работяжка, чего я не могла бы заполучить.

— Ты имеешь в виду, кроме настоящих друзей, отца, который любит меня безоговорочно, и твоего бывшего жениха? — язвительно замечаю я, и Харпер встаёт, хлопая ладонями по столу. Бекки перестаёт смеяться, а Илеана делает паузу, чтобы поправить свои сиськи в слишком тугом корсете.

— Если я выиграю, ты прекратишь всю эту чепуху с Голубой Кровью. — Она швыряет мне смятую оранжевую листовку, и я разворачиваю её, чтобы найти информацию о нашей вечеринке в честь Хэллоуина, напечатанную на лицевой стороне. «*Обличай фальшивых членов королевской семьи, танцуй с Голубокровными*» — там так сказано. Мы с Мирандой оформили их в фотошопе, а Зак сделал для нас копии в копировальной комнате для персонала, взломав замок. — Ты публично отзываешь свою роль Идола, выкладываешь это в социальные сети и заползаешь обратно в свою нору, где тебе самое место.

— Договорились.

— Марни, — предупреждает Зак, но уже слишком поздно. Я протягиваю руку и хватаю Харпер за руку.

Изабелла усмехается, но никуда не уходит, пока мы затеваем игру.

Мы набираем шестерых случайных студентов из толпы и устраиваем обычный раунд техасского холдема. Выигрывает первый, у кого будет сто тысяч долларов. Я не уверена, настоящие это деньги или фальшивые, которыми мы играем, но, зная Клуб... они должны быть настоящими, верно?

— Мы покроем твой бай-ин, — шепчет Крид, наклоняясь, чтобы что-то сказать мне на ухо. Я вздрагиваю и поднимаю взгляд на него, одетого в королевский синий пиджак с золотыми пуговицами, белый галстук с оборками, узкие белые брюки и чёрные ботинки. На его белокурых волосах красуется корона, и у него ленивый вид аристократа девятнадцатого века. — Сделай её в сухую, Марни. — Он кивает, и раздаются фишки. Это бай-ин в двадцать тысяч долларов. Неудивительно, поскольку Клуб Бесконечности не любит ничего делать по мелкому.

Харпер гораздо труднее считать, чем я думала, в основном потому, что она проводит всю игру, ухмыляясь и хмурясь. Мы разыгрываем несколько раздач, и очень быстро другие студенты понимают, что они в меньшинстве, сбрасывают карты, а затем собирают то, что осталось от их денег, прежде чем они уйдут.

Всегда находится кто-то другой, кто готов занять их место.

— Даже если ты выиграешь, — говорит Изабелла, вставая после нескольких раундов. Все парни стоят веером позади меня, как защитное подразделение, Лиззи маячит неподалёку. Они напрягаются, когда Изабелла подходит и встаёт рядом со мной. Я поднимаю взгляд и вижу, что её глаза подобны кремню, а улыбка остра, как нож. Она действительно похожа на мини-Гарпию, воплощённую привилегированность и избалованную развалину. — Это не имеет значения. Разлучив меня с моими друзьями, ты не станешь моей сестрой. Ты ничто. Ты настолько не важна, что мама бросила тебя и оставила в общественном туалете. — Ну, технически, остановка для отдыха, но... Я выдыхаю и смотрю на неё, притворяясь, что её слова не причиняют боли, даже когда они причиняют. — Она сказала мне это много лет назад. Она даже спросила меня, не хочу ли я встретиться с тобой, и знаешь, что я ответила? — улыбка Изабеллы становится ещё мрачнее. — Я сказала

ей «нет». С чего бы мне хотеть встречаться с какой-то девушкой, которую мама бросила так давно? Если бы она заботилась о тебе или считала, что ты чего-то стоишь, почему бы ей не оставить тебя у себя? — Изабелла пожимает плечами, откидывает волосы, а затем поворачивается, чтобы взять маску из одного из ящиков возле двери в огромный танцевальный зал.

Призраки и вурдалаки кружатся в сверкающих маскарадных масках под плейлист классической музыки, который я составила на прошлой неделе. Всё это тёмные, жуткие песни. Моя любимая песня — *сюита «Маскарад»: вальс*. Я бы хотела потанцевать под неё сегодня вечером, если бы могла.

— Чёрт, — шепчу я, но Крид кладёт руку мне на одно плечо, в то время как Зак сжимает другое. Я оглядываюсь назад и вижу, что Тристан, Виндзор и Зейд тоже поддерживают меня. Они все смотрят на меня так, словно, возможно, я чего-то стою. В конце концов, если бы это было не так... тогда почему они всё ещё здесь? Все пятеро. Было бы гораздо проще бросить меня и встречаться с другой девушкой, верно? И, исходя из того, кто они такие, на самом деле у них могло быть что угодно.

Я поворачиваюсь обратно к Харпер и замечаю, что она наблюдает за мной, как львица за газелью.

Она облизывает губы.

Давай сыграем.

Мы проходим ещё несколько раундов, но когда показываются последние карты, и я собираю фишки, победителем выхожу я.

— Что за хрень? — она рычит, ударяя рукой по своей собственной кучке выигрышей и отправляя их в полёт. — Ты подстроила это!

— Мы все видели, что она этого не сделала, — огрызается на неё Тристан, когда я встаю и смотрю вниз на хмурое лицо Харпер.

— Я из Лоуэр-Бэнкса. Разве ты не знаешь, что бедные дети всегда играют в покер лучше богатых? А теперь оставь мою сестру в покое.

Я поворачиваюсь и направляюсь к танцевальному залу. Сегодня вечером я принесла с собой особое угощение.

— Знаешь, я действительно не могу оставить её одну, — кричит Харпер, и я останавливаюсь ровно настолько, чтобы взять мерцающую белую маскарадную маску. По всему бальному залу расставлены вырезанные из дерева белые тыквы, которые мерцают и дополняют атмосферу. — Я её спонсор! И ты знаешь, на что она поспорила, чтобы попасть в Клуб: она отказалась признавать своего настоящего отца, до самой его смерти. Каким счастливым подарком на прощание это будет для него, не так ли, Марни? Знать, что у него есть вторая дочь, которая, как только наконец осознала правду, избегала его, несмотря на это.

Моё сердце замирает на несколько ударов, и я чувствую, как мои глаза жжёт и они увлажняются.

— Марни... — Крид протягивает руку, чтобы взять меня за плечо, но я проношусь мимо него, пересекая танцпол к педальной арфе с другой стороны. Я попросила кое-кого из других участников оркестра помочь мне её загрузить, и они помогли, без взятки или чего-либо ещё, если уж на то пошло. Иногда приятно быть королевой.

В других ситуациях это полный отстой.

«Это не может быть правдой», — говорю я себе, садясь за арфу, и киваю парням,

чтобы они сделали паузу в музыке. Танцпол, покачиваясь, останавливается. Что ж, примерно половина студентов делают паузу, чтобы дождаться возобновления музыки. Другая половина слишком пьяна или под кайфом, чтобы обращать на это внимание, поэтому они продолжают танцевать и хихикать. *Изабелла... она действительно моя родная сестра?*

Это то, о чём мне придётся поговорить с папой, нравится мне это или нет.

Сдерживая слёзы, я кладу пальцы на струны и начинаю перебирать жуткие, но причудливые ноты «Карнавала животных»: VII. «Аквариум». Сначала другие ученики, кажется, не знают, что делать, но потом они понимают, что на самом деле они не должны танцевать.

Тут положено наблюдать.

В первый год они испортили моё соло на арфе.

Теперь они будут сидеть здесь и слушать, как я играю. Закрыв глаза, я прорабатываю свои эмоции вместе с музыкой, перебирая струны кончиками пальцев и позволяя звуку эхом разноситься по старому казино. Когда я снова открываю их, то вижу Изабеллу, наблюдающую за мной из угла. Даже несмотря на её маскарадную маску, я знаю, что это она.

Я не откажусь от неё.

Даже если она заключила это пари... она может поговорить с Чарли. Это не нарушение пари, это его проигрыш. Я хочу, чтобы она захотела проиграть. Ей не нужно быть частью Клуба.

Когда я заканчиваю свою песню, я встаю и выглядываю наружу, чтобы увидеть множество сверкающих масок, с интересом наблюдающих за мной.

— Добро пожаловать в Подготовительную Академию Бёрберри, — говорю я другим студентам, тяжело дыша. — Меня зовут Марни Рид, и я грёбанный Идол. В школе не будет издевательств — и точка. Если я услышу хоть слово об этом, не думайте, что я не увижу, как тебя накажут. — Я одёргиваю платье и подхожу к ряду парней, ожидающих возле моей импровизированной сцены.

Даже в масках я могу отличить их друг от друга. И это не только из-за их очень очевидных костюмов. Нет, это из-за их глаз.

— Теперь мы танцуем вальс, — говорю я, и Миранда снова включает музыку. Я всю неделю тренировалась с ней после школы, только ради этого. Потому что, ну, несмотря на то, что я довольно паршивый танцор и, вероятно, всегда им буду, со всеми этими тренировками в группе поддержки я стала лучше. Я могу справиться с одной-двумя песнями.

— Миледи, — начинает Виндзор, хватая меня за руку и выводя на танцпол, тыквы сияют повсюду, тусклые нити мерцающих огней над головой. Он кружит нас по залу, как, ну, сделал бы принц. Даже в пышном розовом платье он знает, что делает, и когда я закрываю глаза, он ведёт так же легко, как дышит.

После единственного прохода по залу он передаёт меня Заку. Он далеко не так хорош в танцах, но руки у него сильные и мускулистые, и когда он прижимает меня к себе, я чувствую себя в безопасности. Его маска чёрная, с крючковатым клювом, придающим очень суровое выражение этому красивому лицу.

Мы не разговариваем.

Я не разговариваю ни с кем из парней.

Вместо этого я продолжаю менять партнёров.

Крид следующий, и очевидно, что он тоже знает, что делать. Он танцует так, как

двигается, как будто просто нежится со мной в объятиях, кружа нас под разбитой люстрой с фальшивой паутиной на ней.

К тому времени, как я добираюсь до Зейда, все наблюдают за нами.

Несмотря на то, что это вальс, он делает его таким же чувственным, как тот грязный танец, который мы исполняли на вечеринке у Бекки Платтер три года назад.

Как только мне становится жарко, и я начинаю беспокоиться, я меняю его на Тристана. Вальс достигает крещендо, когда он выводит меня в центр комнаты, крепко прижимая к себе и ничего не говоря. Наши глаза встречаются, наши пальцы переплетаются, и наши ноги шуршат по старому изношенному полу, моё белое платье развевается вокруг обтягивающих чёрных брюк и ботинок, которые на нём надеты. У него тоже есть корона, королевская корона.

Музыка резко усиливается, объявляя о финале, и Тристан сильно наклоняет меня, так низко, что мои короткие волосы почти касаются пола. А затем он прижимается своими губами к моим и дарит мне сказочный поцелуй, в котором лишь намёк на темноту оттеняет всю эту сладость.

После этого звучит песня Билли Айлиш «You should see me in a crown» (*прим.* — «Ты должен увидеть меня в короне»). Это так уместно, что я просто замираю, давая Тристану поднять меня на ноги. Мы стоим там и позволяем всем в этой комнате хорошенько, подолгу смотреть на нас.

После такого выступления у нас не было никаких проблем ни с кем из Плебеев.

Когда я захожу в спортзал, то нахожу Крида и Виндзора, занимающихся фехтованием.

Они оба промокли от пота, одеты в это белое снаряжение с подкладкой, но без шлемов. Моя практическая сторона ненадолго вступает в борьбу с моим очарованием, и в конце концов я тихо сижу на скамейке сзади, просто любуюсь их формами, когда они становятся вровень.

Кончиками своих шпаг — рапир? Я не знаю, извините, просто я не специалист по фехтованию, — скрестившись, парни смотрят друг на друга через ковёр. Голубые глаза Крида впились в карие глаза Виндзора. Принц выглядит таким же подготовленным и на высоте положения, как и всегда, но Крид сбросил свой образ сексуального ленивца, перейдя к своему свирепому боевому стилю, который я видела всего несколько раз.

— Ты чертовски хорош, — говорит ему Виндзор, и по его лицу стекает капелька пота. Его взгляд на мгновение скользит поверх плеча Крида и останавливается на моём, прежде чем вернуться к своему противнику. — Честно говоря, твоя форма лучше моей, но, когда ты злишься, ты становишься импульсивным.

— Хватит твоего дерьма. Я здесь для того, чтобы надрать тебе задницу, а не брать у тебя уроки.

Виндзор пожимает плечами.

— Меня это устраивает. Считаю, что это твои похороны.

Двое парней принимают приседающие позы, слегка подпрыгивая, готовясь к началу раунда. Когда это происходит, Крид совершает стремительное движение, бросаясь на Виндзора, его оружие движется так быстро, что я едва успеваю его разглядеть. Виндзор проворно уходит с его пути, и Крид спотыкается, так же быстро приходит в себя и крутится на месте.

Их шпаги лязгают металлом, и я понимаю, что на самом деле они вовсе не фехтуют.

Фехтование — это... ну, во-первых, шпаги, которые они держат, слишком велики для настоящего фехтовального поединка. Ну и они определённо оба немного более агрессивны и необузданны в своём подходе. Сталь летит и лязгает друг о друга, двое парней толкаются изо всех сил.

Крид скрипит зубами от разочарования, и он с рычанием отталкивается назад, размахивая своим оружием и целясь Виндзору в живот. Принц с лёгкостью уклоняется от удара, а затем наносит Криду удар шпагой прямо в поясницу.

— Друг мой, у тебя только что был перелом позвоночника, — объявляет он, но Крид настолько взвинчен и расстроен, что разворачивается и снова направляется к Виндзору. Раздаётся дикий шквал танцующих клинков, прежде чем Виндзор отбрасывает Крида в сторону и приставляет острое к его горлу. — А теперь ты потерял свои голосовые связки. Ты уже закончил? Я говорил тебе: твоя форма превосходна, но ты слишком опрометчив. Успокойся немного, и ты станешь достойным противником.

Крид Кэбот издаёт разочарованный звук себе под нос, а затем раздражённо бросает своё оружие на пол, прежде чем замечает, что я сижу там, и его щёки заливаются румянцем.

— Марни, — осторожно произносит он, напуская на себя свойственную ему ленивую, растягивающую слова манерность. — Я не знал, что ты сидишь там...

— Ты бы сражался по-другому, если бы знал? — спрашиваю я, вставая и ловя себя на

том, что мой взгляд прикован к пальцам Виндзора, когда он расстёгивает молнию на своей униформе спереди и демонстрирует маленькую обнажённую грудь. Мой взгляд возвращается к Криду, ожидая ответа.

— Ага, может быть, — отвечает он, протягивая руку, чтобы убрать со лба потные светлые волосы.

— Почему? — спрашиваю я, подходя и становясь между ними.

— Потому что... Я бы сражался за кого-то, кроме себя? — говорит Крид, но так, словно это вопрос, который он задаёт самому себе. Виндзор улыбается нам обоим.

— Возвращайтесь в мою комнату. Я приготовлю вам обоим по чашке настоящего английского чая. Это лекарство от всего, что вы знаете: депрессии, усталости, гнева, печали, войны.

— Сохраняй спокойствие и продолжай в том же духе, верно? — спрашиваю я, и Винд ухмыляется.

— Именно так. — Он ведёт меня обратно в раздевалку, а я жду снаружи, пока парни переоденутся обратно в форму. Мы направляемся в Третью башню, поднимаемся на лифте — или *подъёмничке*, как называет его Винд — а затем мы с Кридом немного прижимаемся друг к другу, пока Виндзор готовит нам всем по чашке чая и даже расставляет эти трёхъярусные серебряные подносы с крошечными бутербродами и разноцветными макаронами.

— Ты же на самом деле не готовил всё это, так? — спрашиваю я, и Виндзор бросает на меня странный взгляд.

— А почему нет? Что ещё я должен делать? Я принц, чёрт возьми.

О, ну что ж, ладно.

Я полагаю, в этом есть смысл.

Я опускаю взгляд на свой чай, поднося изящное блюдце к губам, чтобы сделать глоток. Когда его готовит Винд, чай никогда не бывает слишком горячим; всегда в самый раз.

— Какие планы на осенние каникулы? — спрашиваю я, чувствуя, как эта слабая эмоция внутри меня рвется, как папиросная бумага. Я так беспокоюсь о Чарли, что меня тошнит. Если я активно не работаю над тем, чтобы не думать о нём, то большую часть времени я думаю только о нём. — Я хочу быть со своим отцом, но... — я боюсь закончить это предложение, но заставляю себя поднять взгляд, переводя его с Крида на Виндзора и задаваясь вопросом, как долго они вместе работали над фехтованием на шпагах. — Я вроде как... — *Чёрт, это тяжело.* — Мне бы не помешала компания.

— Тяжело смотреть, как страдает тот, кого ты любишь, да? — спрашивает Виндзор, и я вспоминаю, что его отец давным-давно скончался. Я никогда не спрашивала почему. Это казалось слишком личным вопросом. Может быть... Я могла бы как-нибудь спросить наедине? — Приезжай в поместье моей семьи в Напе. Мы будем праздновать... что это за ужасный американский праздник, посвящённый геноциду и расизму — День благодарения, да? ...да, мы будем праздновать там День благодарения. Мама будет присутствовать, если тебе нравятся чопорные принцессы.

Мои брови поднимаются, и я несколько раз моргаю, чтобы скрыть своё удивление.

— Ты не против, если я приеду туда с Чарли?

— Против? Я бы хотел, чтобы вы приехали. — Виндзор делает паузу и ставит свою чашку на стол. Его рыжие волосы взмокли от пота и торчат во все стороны. Крид опирается на один локоть, подпирает голову ладонью и другой рукой запикивает в рот сэндвич с

пальчиками, наблюдая за мной и Виндом. — Это на винограднике, там довольно мило. Но у нас не будет никакого вина на территории, я могу тебе это пообещать.

— Я думаю... — начинаю я, резко выдыхая и отставляя свою чашку в сторону, чтобы мальчики не увидели, как сильно дрожат мои руки, — что алкоголь сейчас не так сильно беспокоит его, как раньше. Я думаю, виноградник был бы не лишним. Я посоветуюсь с папой.

— У нас есть собственное поле для игры в поло, — добавляет Виндзор, поглядывая на Крида. — Мы могли бы устроить шоу. Разве это не было бы забавно?

— Ты зависим от побед, знаешь ли, — шепчет Крид, поедая ещё один бутерброд. Клянусь, этот парень умеет уничтожать еду, как никто другой, кроме Зака. Они, вероятно, могли бы устроить соревнование по поеданию, и быть почти вровень. Дело в том, что Зак, вероятно, весит процентов на пятьдесят больше Крида. По крайней мере. Он огромный, мой собственный большой, сексуальный плюшевый мишка, играющий в футбол... — Но, конечно, почему бы и нет? — Крид садится и, прищурившись, смотрит на свой чай. — Чёртова кипяченая вода из растений с добавлением молока и сахара. Простите меня, если я не слишком впечатлён.

Ноздри Виндзора раздуваются, а его собственные карие глаза сужаются.

— Ты бы хотел, чтобы я отменил своё приглашение? — шепчет он, его голос становится опасным. — Ещё раз оскорбите напиток королевы, и я буду вынужден защищать напиток моей страны.

Крид смотрит на него, а затем склоняет голову набок.

— Вопрос: Лиззи Уолтон приглашена? — спрашивает он, и затем оба парня поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. Я притворяюсь, что слишком занята, потягивая чай, чтобы ответить на этот вопрос. Я хочу знать их мнение по этому вопросу... — Да ладно, Марни, только не говори мне, что её постоянные приставания к Тристану тебя не бесят.

— Я, ну... — *Я нахожусь в честной компании, так что вполне могу...* — Ладно, да, это меня расстраивает. Я не могу и секунды побыть с ним наедине. Она буквально всегда рядом.

— Тогда мы позаботимся о том, чтобы её приглашение затерялось в почте, — говорит Виндзор, вставая и затем улыбаясь нам двоим. — Не торопитесь допивать чай. Но мне отчаянно нужно в душ. — Он направляется к своей комнате и исчезает внутри, оставив дверь приоткрытой. Я слышу шум воды, когда он включает её, но ничего не вижу.

— Пойдём со мной в мою комнату, — шепчет Крид, и от этого звука я вся дрожу. Вдвойне приятно, когда он проводит пальцем по моей шее сзади. Именно в этот момент Виндзор случайно останавливается в том месте, где я могу видеть, как он раздевается, сбрасывает одежду на пол и обнажает гибкую, мускулистую фигуру, от которой всё моё тело охватывает пламя.

Он замечает, что я смотрю, ухмыляется, а затем подходит, чтобы закрыть дверь.

— Хорошо, — отвечаю я Криду, внезапно обнаруживая, что мне трудно говорить, когда я смотрю на него. — Абсолютное. Да.

Медленная, страстная ухмылка появляется на его губах, когда он встаёт и берёт меня за руку. Я обязательно протягиваю руку, беру его чашку и допиваю его напиток, прежде чем мы уйдём. Мы же не хотим разозлить принца, не так ли?

Мы с Кридом возвращаемся в его комнату и в итоге опаздываем на занятия на следующее утро.

Но оно того стоит, о, оно того стоит.

Всего примерно в двух часах езды от Круз-Бэй находится долина Напа, где расположены Королевские виноградники и винодельня Принцессы. Они производят почти тридцать тысяч бутылок в год и имеют собственный магазин фирменных сыров и копчёностей.

Сама поездка великолепна: по обе стороны от нас виноградные холмы, деревья вдоль дороги, над головой сияет солнце. «Мазерати» едет как во сне, и папа почти час поёт «The Police», прежде чем у него срывается голос, и он смотрит на холмы в тихом раздумье.

Когда мы подъезжаем к воротам, я набираю код, который дал мне Виндзор, и поднимаюсь по извилистой грунтовой дороге к великолепному замку на вершине холма. Винд в шутку написал мне смс: «*О, я живу не в главном доме — я живу в саду*», сопровождаемое несколькими смеющимися смайликами. В своём воображении я почему-то представила себе что-то вроде этой старой кирпичной лачуги с камином. Маленькой, но уютной. Всего лишь несколько гостевых спален, в которые нам всем пришлось бы втиснуться... Но затем мы проходим за главный дом и находим другой, который лишь немного меньше, но такой же красивый, ожидающий на солнышке, с оливковыми деревьями, растущими рядом с входной дверью.

Виндзор ждёт на крыльце с коробкой игристого сидра, который так любит мой папа.

Сначала, конечно, нас обыскивает охрана, и наш багаж забирают для досмотра.

— Мистер Рид, — приветствует Винд, нежно обнимая Чарли. — Я рад, что вы и ваша прекрасная дочь смогли приехать.

— Ты милый парень, Виндзор, — говорит папа, и я поднимаю брови. *Если бы он только знал...* — Твоя мать где-то поблизости? Я бы с удовольствием не только поблагодарил её, но и пообещал Дженнифер, что заставлю её подписать эту фотографию. — Папа лезет в карман, и мне неприятно видеть, как сильно дрожит его рука, когда он достаёт фотографию принцессы Александры, одной из внучек правящей королевы.

— Она в доме. Я могу познакомить вас с ней, если хотите.

— А где все остальные? — спрашиваю я, когда мы направляемся к задней двери замка. Она слегка приоткрыта, и там сидит белый кот, облизывает свою лапу и свирепо смотрит на меня. Виндзор игнорирует его, переступая прямо через него и оставляя загорать в маленьком кирпичном патио.

— Я сказал им всем, чтобы они приехали на несколько дней позже, чтобы у нас было немного времени вместе. — Он подмигивает мне через плечо, а затем поворачивается обратно, ведя нас через небольшую прихожую с ботинками и пальто и балками деревенского вида, которым, я могу сказать, добрая сотня лет. Эту патину не подделаешь.

Винд переносит нас в гораздо более современно выглядящую кухню (невозможно передать, насколько сильно я бы испугалась, если бы там были оригинальные шкафы) с окнами во всю стену на противоположной стороне комнаты. Нашему взору открывается веранда, тщательно ухоженный сад и пологие холмы, увитые виноградной лозой.

От этого вида захватывает дух.

— *Хаха-уэ*, — кричит Виндзор, привлекая внимание женщины, бездельничающей на террасе. Он называет её *хаха-уэ* (произносится *хаха-уэй*), очень формальный вариант «мама» по-японски. Это то, как благородные или... ну, члены королевской семьи могли бы называть свою маму. *Возможно, он и не занимается со мной продвинутым японским языком, но он*

определённо уделяет внимание к моим занятиям.

Я чувствую, как мои губы растягиваются в улыбке, когда встаёт мать Виндзора, одетая в свободный серый сарафан с рисунком подсолнуха. Она снимает очки с лица, её красно-оранжевые волосы аккуратно уложены на плечах. Чуть в стороне от террасы небрежно, но ненавязчиво стоит мужчина в красной рубашке и джинсах.

Охранник, в этом нет никаких сомнений.

Я думаю о том телохранителе, которого Кэтлин Кэбот пыталась нанять для меня на втором курсе. Как его звали? Кайл какой-то? Мне следовало принять его помощь, и тогда, возможно, я бы чуть не утонула.

— Не называй меня так; это звучит так, будто ты смеёшься надо мной. — Мать Виндзора делает паузу, чтобы улыбнуться нам, и я вижу, как кожа вокруг его глаз слегка напрягается.

— Простите её. Она говорит на десяти языках, но японский не входит в их число. — Винд вздыхает и протягивает руку, указывая на свою мать. — Принцесса Александра Мэри Элизабет Виндзор, бывшая Александра, герцогиня Вестминстерская. И да, она определённо прикололась, когда давала мне имя.

— Простите *моего сына*, — поправляет Александра, протягивая руку, чтобы пожать сначала Чарли, а затем мне. — Он забывает о своём положении.

— Ты никогда не даёшь мне забыть, — добавляет Виндзор, когда папа морщит лоб.

— Прикололась? — спрашивает он, и мы с Виндзором оба смеёмся. Я слышала это слово уже достаточно раз, чтобы знать, что оно означает.

— Типа... шутила, — объясняю я, и папа кивает.

— Как я уже сказала, простите моего сына и, пожалуйста, зовите меня Алекс.

— Чарли, — отвечает папа, и мы вчетвером оказываемся на кухне с целым набором великолепных закусок, включая крекеры, мягкие сыры, оливки и много фруктов. Там есть вино, но папа даже не смотрит на него.

Принцесса кажется достаточно милой, хотя и немного отстранённой. Она постоянно проверяет свой телефон, и я могу сказать, что наш разговор её лишь слегка интересует. Когда папа уходит прилечь, экономка показывает ему его комнату, а принцесса Алекс исчезает на улице, чтобы поговорить по телефону.

Виндзор смотрит на меня поверх столешницы из мыльного камня и пожимает плечами, его карие глаза внимательно смотрят на меня.

— Ну что ты думаешь? — спрашивает он, наливая себе бокал вина и взбалтывая жидкость внутри, чтобы почувствовать её запах.

— Она кажется... — я подыскиваю подходящее слово, и когда Винд наливает ещё один бокал, я отказываюсь. Я думаю, что останусь девушкой, не употребляющей алкоголь. Травка — это нормально, хотя, похоже, Чарли она не лечит... Травка не вылечит Чарли. Химиотерапия не вылечит Чарли. Мои руки начинают дрожать, и я складываю их на коленях. — Милой, но отстранённой.

Винд кивает и делает глоток своего вина, полностью выпрямляясь и глядя мимо меня, сквозь стену окон на оранжево-жёлтый закат.

— Да, я бы тоже так её описал. Только я бы тоже употребил слова «пресная» и «погружённая в себя». — Он пожимает плечами и вздыхает. — В любом случае, мне сейчас восемнадцать, так что, полагаю, мне не стоит беспокоиться о ней. Я намного богаче её, и более чем вероятно, что она спустит большую часть своих денег до того, как ей стукнет

пятьдесят. — Он замолкает, и его пальцы крепче сжимают ножку бокала, прежде чем он смотрит на меня. — Ты ведь понимаешь это, не так ли?

— Что твоя мама сама обанкротиться? — спрашиваю я, и он улыбается. То, как его слегка завитые рыжие волосы падают на лоб, подчёркивается рассеянным светом, и кажется, что его лицо почти светится. Его рубашка частично расстёгнута, и я вижу лишь малейший намёк на грудь.

— Нет, я имею в виду, что нам всем сейчас по восемнадцать. Не только нам с тобой, но и другим твоим любовникам тоже.

— Любовники, — говорю я, чувствуя, как моё лицо заливается краской. Я полагаю, Зейд, Крид и Зак — любовники, не так ли? С тех пор, как у нас был секс... *Хотя я всё ещё не совсем решила на минет.* Мой рот сжимается, и я запикиваю в него оливку, чтобы не ляпнуть, что в лепнине вокруг арки, ведущей в прихожую, до сих пор сохранились оригинальные гвозди, забитые вручную, что, действительно, необычно с исторической точки зрения, потому что раньше делали такие маленькие колышки на конце и вроде как крепление дерева вместе, как *бревна Линкольна* или что-то в этом роде...

— Теперь они все свободны делать свой собственный выбор, — продолжает Виндзор, допивая остатки своего вина, а затем ставит бокал, чтобы снова наполнить его. — Им могут не нравиться варианты, которые им предоставляются, но они у них есть.

— О ком конкретно ты говоришь? О себе? — спрашиваю я, и Винд качает головой, убирая ладонью рыжие волосы с лица, так что они встают дыбом.

— Конечно, нет. Я уже говорил тебе, что хочу жениться на тебе и ускакать навстречу закату.

Я фыркаю, но то, как Виндзор Йорк держит своё лицо... заставляет меня задуматься, не серьёзен ли он хотя бы немного.

— Тогда кого ты имеешь в виду? — я подтягиваю к себе вазу с виноградом, любясь его блестящей пурпурной кожицей, прежде чем сорвать одну и поднести к губам. Виндзор восхищённо наблюдает за мной, и я чувствую, что мои пальцы слишком долго задерживаются на изгибе моей нижней губы. Я отвожу взгляд, оглядываясь через плечо на прекрасный пейзаж. Здесь, конечно, осень, со всеми её оранжевыми и жёлтыми красками, но трава всё ещё зелёная, и на улице приятно тепло.

— Я имею в виду их всех. Зейд, Крид, Тристан, Зак. — Он замолкает, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. — Я должен тебе кое-что сказать, но ты должна сохранить это в секрете.

— Клуб? — спрашиваю я, и Виндзор кивает, вглядываясь в моё лицо. Он проделал столько закулисных манёвров, чтобы обезопасить меня, чтобы я была счастлива, чтобы Чарли был в безопасности и счастливее. Я стольким обязана ему, этому главному хулигану из хулиганов, который пошёл и отрубил конский хвост Харпер Дюпон в знак дружбы.

Я сделаю гораздо большее. И не только с ней, но и со всеми. Они хотели, чтобы я ушла из Подготовительной Академии Бёрберри, независимо от того, как им пришлось бы это сделать. Что ж, карма тройственна, ублюдки. Я откусываю ещё одну виноградину, и пурпурная сладость взрывается у меня во рту.

И это совсем не звучит порочно.

— Отец Тристана, Уильям, сейчас женат на лучшей подруге матери Лиззи. — Виндзор делает ещё глоток вина, а я смотрю на него, разинув рот. — Она богатая наследница крупной сети отелей. Главная причина, по которой Уолтоны не хотели, чтобы их дочь вышла замуж

за Вандербильта — то есть их бесконечная задолженность — сейчас не так важна. Она окупится.

— Лиззи сказала мне, что выиграла пари у своих родителей, чтобы они подумали о Тристане...

— Так и было. Свадьба состоялась только на прошлой неделе; я, вероятно, один из первых, кто узнал об этом. — Он допивает вино и ставит бокал на стол. — Итак... Тристан мог бы выбрать Лиззи, если бы захотел. И, может быть, тогда отец принял бы его обратно?

Я понятия не имею, что сказать, поэтому просто сижу и позволяю своему разуму обдумать это.

— Семья Зака хочет, чтобы он был с кем-то презентабельным, с кем-то с хорошей кровью. Вероятно, одной из тех самых девочек, которых вы уже выгнали из школы — или выгоните, более чем вероятно.

— Зачем ты мне всё это рассказываешь? — спрашиваю я, снова поднимая на него глаза, настоящего бога, окутанного солнечным светом и тихой жестокостью. Он говорит мне это, потому что хочет, чтобы я знала, насколько трудным был бы их выбор, если бы они действительно выбрали меня.

— Крид, ну, ты, наверное, мог бы выбрать Крида, если бы захотела. Легко. Кэтлин, по сути, сама из Плебеев, женщина, сделавшая себя сама. Ты ей очень нравишься. Они кажутся хорошей семьёй.

— Серьёзно, Виндзор? — рявкаю я, вставая и чувствуя, как у меня перехватывает дыхание. Я не уверена, почему я так зла. Может быть, потому, что маленький пузырьёк Бёрберри лопаётся, и мне кажется, что мир обрушивается на меня, чтобы утопить?

— А Зейд, ну, ты не понравишься его бабушке, но она всё равно не очень любит своего сына. Зейд мог бы быть с тобой, если бы действительно захотел, но доверяешь ли ты кому-то подобному? Рок-звезде? — Винд огибает прилавок, когда я пытаюсь уйти, и загораживает дверной проём.

— Прямо сейчас ты ведёшь себя как настоящий придурок, — шепчу я, но он делает шаг вперёд, и у меня нет выбора, кроме как отступить назад или позволить ему врезаться в меня. Я решаю позволить ему врезаться в меня, и он щекочет пальцами мою шею сзади, заставляя меня дрожать.

— Ну и есть я. У меня есть собственное состояние, доставшееся мне по наследству от моего отца. Этого более чем достаточно, чтобы жить и получать удовольствие. Мы могли бы делать всё, что угодно, вместе, Марни, если бы ты захотела.

— Нам всего по восемнадцать, — шепчу я, отводя взгляд. Моё сердце предаёт меня, оно колотится слишком сильно, бьётся слишком быстро. Я чувствую головокружение, почти дурноту. — Кто сказал, что я должна сейчас выбирать спутника жизни?

— Никто. Но мы оба знаем, что, когда школа закончится, все разбегутся, и на этом всё закончится. Возможно, тебе и не придётся выбирать спутника жизни, но ты должна выбрать нить, за которой будешь следовать.

— Это что, ультиматум? — я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и обнаруживаю, что его карие глаза прикованы к моим губам. Медленно, почти как человек, очнувшийся от наркотического сна, он поднимает на меня взгляд.

— Нет. Я не ставлю ультиматумов друзьям. Миледи, мне всё равно, что ты делаешь с другими парнями. Если ты хочешь, чтобы я остался, я здесь. Я дам тебе всё, что ты захочешь. И если всё, чего ты хочешь — это обмотать эти нити вокруг своих пальцев и перетащить их в

Борнстед, прекрасно. Я пытаюсь сказать тебе, что проблема не во мне.

— Ты хочешь сказать, что тебе всё равно, продолжу ли я встречаться с ними, даже в колледже? — мой голос звучит надтреснутым шёпотом, наполовину исполненным странной надежды, но в то же время сломленным и меланхоличным. Потому что колледж кажется таким далёким, и я знаю, что даже если каким-то образом Виндзор предложит мне невозможный шанс, я не получу его от всех.

Так или иначе, каким-то образом мне придётся выбирать.

Так или иначе, я не думаю, что всё это в конечном итоге будет завёрнуто в идеальный бант и доставлено лично к моему порогу.

Иногда счастливый конец имеет горько-сладкий привкус.

— Именно это я и говорю. У меня было достаточно девушек. Единственная, кто мне по-настоящему нравился до тебя, она сделала со мной то, что я делал с десятками других. Я знаю, что у меня есть грехи, в которых нужно покаяться, и давать тебе то, что ты хочешь, не входит в их число. Давай вместе поедem в Борнстед, и я буду держать тебя за руку, даже если кто-то другой будет держать с другой стороны.

— Ты же на самом деле не это имеешь в виду, — задыхаюсь я, пытаюсь обойти его, но он мягко прижимает меня к стене, положив руки мне на плечи, и прижимается губами к моим губам.

Виндзор Йорк на вкус как сладкое десертное вино, его язык касается моих губ, пробуя меня на вкус, как прекрасное шардоне, ещё до того, как он по-настоящему делает глоток. Его язык медленно двигается по моему, как будто он пытается впитать весь вкус. Сами того не желая, мои руки расстёгивают пуговицы на его рубашке, ладони прижимаются к плоскостям его груди.

— Подумай о моём предложении, — шепчет он, одной рукой скользя вверх по моей талии, чтобы обхватить грудь через рубашку. Он разминает плоть, побуждая мою грудь приподняться в его руке, предлагая ему себя. — Но также подумай о мотивах каждого из нас. Никто не является полностью бескорыстным в каждый момент времени. Подумай также о моём предложении и о том, почему я его сделал.

Винд отпускает меня и отталкивается от стены, выходя наружу. На мгновение мне приходится напомнить себе, как дышать. Когда я следую за ним, то вижу, как он движется между садовым домиком и большим сараем, перепрыгивает через низкий забор и направляется к вороной лошади.

Он на мгновение гладит её по шее, а затем хватает в охапку гриву, садится на неё верхом и затем в буквальном смысле уезжает навстречу закату.

Он определённо является воплощением очаровательного принца, не так ли?

Только... его лошадь чёрная, а не белая.

Может быть, это явная подсказка прямо передо мной?

На следующее утро мы с Виндзором завтракаем на террасе с Алексом и Чарли, прежде чем принцесса, извинившись, отправляется в город. Мы с папой играем несколько раундов в шахматы, прежде чем он снова устаёт и решает устроиться с книгой.

Я замечаю, что он открывает книгу с обратной стороны и сначала читает концовку.

Мурашки пробегают по мне с головы до ног, когда я наблюдаю за ним, улыбающимся про себя, прежде чем он снова перелистывает первую страницу.

— Сначала он читает последнюю страницу, чтобы знать, чем всё закончится, на случай, если он... — я замолкаю, останавливаясь позади Виндзора, пока он ведёт меня в конюшню,

чтобы выбрать лошадь. Сегодня мы собираемся покататься верхом, и это заставляет меня немного нервничать. Я думаю, что однажды, когда мне было семь, я каталась на пони на чьём-то дне рождения, но это всё, что я могу сказать из своего опыта.

Виндзор оглядывается на меня, а затем полностью разворачивается, пыль оседает вокруг его сапог для верховой езды.

— Иногда мы получаем удовольствие от всего, что можем. Никто не знает, сколько времени у нас осталось, Марни. Любой из нас может упасть с одной из этих лошадей и умереть сегодня. Кто сказал, что у Чарли осталось меньше времени, чем у кого-либо другого? Позволь мужчине прочитать окончание и не позволяй себе пасть жертвой жалости. Он не хочет этого от тебя.

— Откуда ты это знаешь? — огрызаюсь я в ответ, проводя пальцами по своим золотисто-розовым волосам. Теперь они немного длиннее и начинают завиваться, как у Виндзора, прямо на макушке.

— Потому что он любит тебя. Жалость ничего не делает для того, кого жалеют. Это сопереживающая агония для того, кто проявляет жалость. А теперь иди и посмотри, что у меня есть для тебя. — Винд оборачивается, когда мои щёки вспыхивают, и я выдыхаю, следуя за ним и обнаруживая в сарае прекрасную... розово-золотую лошадь.

— Эта лошадь под стать «Мазерати», Виндзор? Потому что, если это так, то я отказываюсь.

Он смеётся надо мной и гладит по носу прекрасное животное, когда оно поднимает голову над краем двери стойла и смотрит на нас большими, доверчивыми карими глазами.

— Нет, боюсь, что это не так. Это кобыла моей матери. Её цвет называется «янтарное шампанское», но я подумал, что она может тебе понравиться. — Он похлопывает лошадь, а затем выводит её из стойла на улицу, где ждёт его собственная вчерашняя блестящая чёрная лошадь.

Для меня есть несколько ступенек, по которым я могу забраться на спину лошади, запах кожаного седла на жарком солнце напоминает мне о собственном аромате Виндзора средстве для полировки кожи и нарциссов. Он немного погулял со мной по паддоку, и мы приступили к нашим урокам. Как только я выясняю, как на самом деле ездить на этой чёртовой штуке, не падая, мы совершаем короткую пробежку по территории, солнце светит нам в спину.

Мы возвращаемся домой как раз к обеду, и я обнаруживаю, что мои бёдра невероятно болят.

— Такое случается со всеми начинающими наездниками, — весело говорит мне Винд (и, возможно, с оттенком извращённости), позволяя моему отцу выиграть в шашки. Я обращаю на это внимание, потому что точно знаю, что он терпеть не может проигрывать. Презирает это. Это высвечивает ту ужасную тьму внутри него.

— Спасибо, что сказал мне об этом *сейчас*, — ворчу я, но трудно злиться, когда в моём распоряжении целая винодельня, включая бассейн и гидромассажную ванну на заднем дворе. Это «естественный» бассейн, что означает наличие листвы по краям, скальных образований и даже водопадов. Он выглядит почти как часть ландшафта.

Папа, Винд и я проводим большую часть дня в воде, а затем проводим остаток вечера за просмотром фильмов в садовом домике.

Все остальные появляются только на следующее утро.

Зак добирается туда первым, паркует свой оранжевый спортивный автомобиль в

маленьком грязном дворике между двумя домами и поднимает очки, чтобы осмотреть гостевой дом.

— Ты заставил меня поверить, что это какая-то лачуга, — говорит он, когда Виндзор останавливается рядом с машиной и складывает руки на груди. Зака, как и всех остальных, обыскивает один из охранников, прежде чем его машину увозят в укромное местечко на холме, с глаз долой и из сердца вон.

— Разве это не самое отвратительное место? — спрашивает Виндзор, пожимая плечами. Он замолкает при звуке голоса Александры, а затем вздыхает. — Извините, я отойду на минутку. — Когда он проходит мимо меня, Винд проводит пальцами по моей обнажённой руке, и я вздрагиваю.

Зак замечает это, его тёмные глаза оценивающе осматривают меня. На мне короткий жёлтый сарафан с вырезом сердечком. Он сшит из мягкого трикотажа и невероятно удобен. Моя единственная проблема с ним заключается в том, что он немного короток, когда дует ветер.

— Привет, — говорит Зак, и из-за грубого ворчания в его голосе кажется, что на улице градусов на десять жарче, чем есть на самом деле. — Я скучал по тебе.

— Правда ли это? — язвительно замечаю я, и его полные, сочные губы изгибаются в улыбке. Я простила его за инцидент с Джаленом. Конечно, мы все совершаем ошибки. Но... Я не могу перестать думать о том, что он сказал, о его отце и дедушке. Они хотят, чтобы он был с кем-то, у кого лучшее воспитание, больше денег. Конечно, я не являюсь таковой. Да у нас с Заком бурная история. И всё же, когда я смотрю на него снизу-вверх, в его карие глаза, я чувствую себя женщиной, которая сражается с медведем. У него есть зубы, но они не для того, чтобы кусать меня.

— Я говорил тебе, Марни, я люблю тебя. — Он произносит это так чётко и ясно, что я не могу не покраснеть. Эти слова просто стоят между нами, это громкое выражение эмоций. Он единственный, кто сказал мне это вот так прямо. Единственный. Зейд был близок к этому, но затем он добавил *«да, что-то вроде того»* и как бы испортил этот момент.

У нас нет возможности продолжить разговор, потому что по подъездной дорожке подъезжает ещё одна машина — синий «Ягуар» с откидным верхом, и татуированная рука Зейда машет нам изнутри. Он паркуется и получает то, что я бы на самом деле назвала тройным обыскиванием, прежде чем охрана будет удовлетворена.

— Они только что составили на меня профиль, — ворчит он, но, с другой стороны, он натурал, белый мужчина, так что ему повезло, если это случилось в первый раз. Зейд сверкает улыбкой и оглядывает помещение, насвистывая себе под нос. — Это похоже на какую-то серьёзную хрень с открытки. — Он делает паузу и смотрит на меня, его волосы всё ещё окрашены в тот великолепный цвет морской волны. Возможно, я просила его оставить их такого цвета на некоторое время, а возможно, и нет... — Эй, вы с Виндом уже потрахались? — спрашивает он, и от того, как откровенно он смотрит мне в глаза своими изумрудно-зелёными глазами, я задыхаюсь.

— Серьёзно, Кайзер? — Зак хмурится, но Зейд игнорирует его, уперев руки в бока.

— Я просто говорю, что будет довольно сложно выбрать между нами, пока ты не трахнешь нас всех. Химия — это огромная часть любви и всего этого романтического дерьма, — он закуривает сигарету, пока Зак хмурится, а я пытаюсь вспомнить, как правильно произносить слова ртом.

— Ты хочешь, чтобы я трахнула Виндзора и Тристана? — спрашиваю я, и оба парня

обмениваются взглядами, прежде чем перевести взгляд на меня.

— Ты ещё не трахалась с Тристаном? — уточняет Зейд, и я бросаю на него взгляд.

— Я была честна с вами, парни, на каждом шагу, будь то просто поцелуи или... что-то большее. Вы не думаете, что я бы уже сказала вам, если бы это случилось?

— Святой ад в корзинке для рук, — бормочет Зейд, затягиваясь сигаретой. Пахнет гвоздикой, и я хмурюсь. Конечно, пахнет вкусно по сравнению с обычной сигаретой, но от этого они в два раза хуже. Я хочу, чтобы он бросил. Может быть, если бы я выбрала его, это было бы первое, о чём я попросила... Но потом я вспоминаю, что однажды уже выбирала Зейда, и мне не понравилось, как это ощущалось. Не то чтобы выбор в его пользу казался неправильным, но то, что я *не* выбрала Крида и Тристана, заставило меня поёжиться.

— Единственные три девушки, с которыми Тристан когда-либо проводил время и которых он не трахал, это... — Зейд поднимает татуированную руку и загибает пальцы. — Миранда, Харпер и Лиззи. Первая, потому что, знаете ли, есть вся эта история с лесбиянкой. Вторая, потому что он ненавидел её до чёртиков ещё с детского сада, а третья...

— Подожди, что? — спрашиваю я, когда Зейд переводит свои зелёные глаза на меня.

— Подожди, что, что? — спрашивает он, поднимая свои тёмные брови.

— Лиззи и Тристан никогда... — фыркает Зейд и качает головой.

— Нет. Никогда. Я думаю... может быть, она ему слишком нравилась?

Холодная волна ревности накатывает на меня, и мне приходится считать свои вдохи, чтобы снова взять под контроль свои эмоции. У меня иррациональная реакция на эту новость. Разве я не должна быть *счастлива*, что они никогда не спали вместе? Но всё же... Зейд прав.

Моё сердце бешено колотится, когда я мысленно прокручиваю слова Тристана снова и снова. «*Потому что я использую секс как оружие. Я не буду использовать его против тебя*». Не уверена, испытываю ли я облегчение от того, что он не переспал с Лиззи... или ужас.

— Да ладно, Черити, не напрягайся, — произносит Зейд, стряхивая пепел с сигареты и умело выбрасывая её в пустое металлическое ведро возле двери. Он подхватывает меня на руки, и до меня доносится запах шалфея и табака. — Если Тристан слишком глуп, чтобы воспринимать тебя всерьёз, тогда брось его. — Он указывает подбородком в сторону. — У меня есть кое-что для тебя в кармане.

Я наклоняюсь и случайно обхватываю его за задницу, пока ищу отверстие в кармане, и Зейд присвистывает.

— Это была случайность, — бормочу я, но он бросает на меня взгляд, от которого тают трусики, полуприкрыв глаза и искоса ухмыляясь.

— Конечно, так и было. Но, эй, согласие — это сексуально, и я согласен на всё, чёрт возьми, чтобы ты схватила меня за задницу. — Я закатываю на него глаза и достаю листок бумаги, разворачиваю его и быстро просматриваю слова. Это результаты его анализов, как и у Зака. «*Зейд и Тристан услышали, как я говорил о проведении тестов, и они, блядь, скопировали меня*». Я вспоминаю, как он это сказал, и я улыбаюсь.

К счастью, Зейд Кайзер абсолютно чист и здоров.

— Спасибо, Зейд, — искренне говорю я, а затем смеюсь, когда он несёт меня в дом и чмокает в губы. Конечно, папа просто случайно оказался там, когда он это делал, прямо рядом с Виндзором.

— Марни Элизабет, — выдыхает он, и на его лице застывает маска ужаса. Благодаря

Дженнифер я знаю, как он относится к изменам, поэтому я отталкиваю Зейда и заставляю его поставить меня на ноги, чтобы я могла объяснить.

— Это не то, на что похоже, — выдыхаю я, когда Зак останавливается позади меня. Я подняла обе ладони в знак защиты. — Папа, я бы не стала... Ты же знаешь, как я отношусь к изменщикам.

— Вы с Виндзором расстались? — спрашивает он, поглядывая на принца. Винд приподнимает бровь и оглядывается на Чарли, прежде чем повернуться ко мне с лёгкой улыбкой. Ему не терпится услышать, как я разберусь с этим делом.

Ладно, Марни, ты справишься с этим. Папа болен, но он не дурак. Ты можешь доверить ему это.

— Не бойся, — говорит Эндрю, появляясь рядом со мной с коротко подстриженными каштановыми волосами, в белой рубашке поло поверх светлых джинсов. Он улыбается мне, и я внезапно чувствую себя намного лучше оттого, что рядом есть друг, с которым у меня нет романтических отношений. Он наклоняется ближе и шепчет мне на ухо. — Если я смогу сказать своим родителям, что я гей, ты тоже можешь это сделать. Это просто, у тебя всё получится.

Эндрю идёт на кухню и тянется за вином, прежде чем понимает, что ему точно не двадцать один год.

— О, сынок, я знаю, что вы, дети, все пьёте, — говорит папа с лёгкой улыбкой. — Бокал шардоне тебя не убьёт. Только не становись алкоголиком, как я.

— Папа! — я задыхаюсь, когда Зак делает шаг вперёд, чтобы встать рядом со мной.

— Ваша дочь не пьёт, абсолютно, — отвечает Зак, и улыбка Чарли становится чуть печальнее.

— Она всегда была из тех, кто делает разумный выбор. Ладно, Марни, расскажи мне, что происходит.

— Я... встречаюсь с пятью парнями, — произношу я, и то, что осталось от папиных бровей, поднимается вверх. *Папа...* Он бросает взгляд на Эндрю, и тот поднимает руки в знак защиты.

— О, нет, только не со мной. Определённо не я. Я скорее сам буду встречаться с пятью парнями, чем с вашей дочерью — не то чтобы она не потрясающая, просто... — он пожимает плечами и делает плоток вина. Мне нужно знать всю историю его признания, если, конечно, он захочет мне рассказать. Я собираюсь, по крайней мере, спросить. Зная Миранду, она, вероятно, будет безжалостно преследовать его.

— Итак, — начинает Чарли, глядя то на Виндзора, то на Зака, то на Зейда... — Эти парни и... парень Кэбот, и...

— И я, — говорит Тристан, входя в комнату в чёрных шортах, свободной чёрной рубашке и сандалиях. Он не утруждает себя снятием солнцезащитных очков, но, по крайней мере, пытается изобразить некое подобие улыбки.

— Вы, парни... — начинает папа, выглядя так, словно он застрял на полпути между обмороком и благодарностью мне за честность. — Я растил свою дочь не для того, чтобы она встречалась с хулиганами.

Тристан поправляет очки на своих волосах цвета воронова крыла, и я вижу синяк под глазом, которого у него определённо не было, когда мы покидали кампус академии в пятницу.

— Нет, мы уверены, что так и есть, мистер Рид, но, если вы можете простить меня за

откровенность, я хотел бы заверить вас, что ваша дочь не только вела себя как подобает леди, но и надрала нам задницы, прежде чем простила нас. — Он засовывает солнцезащитные очки в карман.

— У Марни большое сердце; она слишком легко прощает, — говорит Чарли, изучая их группу. — Клянусь, если вы играете в какую-то долгую игру...

— Долгую игру? — спрашивает Зак, и папа бросает взгляд в его сторону.

Меня захлёстывает волна адреналина, и я облизываю губы. Если бы я сказала, что, по крайней мере, не рассматривала такую возможность, я бы солгала. Но... нет. Только не от Виндзора. И Зака тоже, если уж на то пошло.

— Если эти трое выкинут что-нибудь во время выпуска, как они сделали в конце первого курса, клянусь Богом, я убью их всех и закопаю в землю. Что я теряю? Я всё равно умираю.

— Папа! — я задыхаюсь, эта тёмная грозовая туча сгущается надо мной. Я знаю, он пытается использовать чёрный юмор, чтобы справиться, но, чёрт возьми, это больно. Это так чертовски больно, что я даже не могу позволить себе думать об этом, не прямо сейчас, не когда он всё ещё здесь, чтобы улыбаться мне.

— А если серьёзно, что самое худшее, что может случиться: пожизненное заключение? — Чарли хихикает, но я не могу смеяться над подобными вещами, не прямо сейчас. — Хотя я серьёзно говорю, вам, парни, лучше не связываться с моей Мишкой-Марни.

— Сэр, — говорит Зейд, расправляя плечи и выдыхая. — Я понимаю ваше беспокойство, но я хочу, чтобы вы знали, что... Я влюблён в вашу дочь. — Он стискивает зубы, как будто это одна из самых трудных вещей, которые он когда-либо делал. — Я люблю её с Хэллоуина первого курса, я просто... мы все впутались в кучу дерьма.

Чёрт возьми, неужели Зейд Кайзер только что признался мне в любви? И перед моим отцом? Я не уверена, должна ли я упасть в обморок или, может быть, просто свернуться калачиком и умереть от смущения.

— Но мы пытаемся выбраться из этого, — добавляет Зак, глядя на Чарли. — Я не позволю повториться ничему подобному тому, что произошло в первый год. Я тоже влюблён в вашу дочь, и... Я никогда не смогу сказать достаточно о том, как я сожалею о том, что произошло в средней школе. Я готов потратить остаток своей жизни, пытаясь загладить свою вину.

И-и-и-и-и, ещё один всплеск эмоций, с которыми я не знаю, что делать. Как будто внутри меня есть радуга, эмоции для каждого цвета, и все они сливаются воедино. Я просто не уверена, что ждёт меня в конце всего этого.

— Я также хотел бы воспользоваться этим моментом, чтобы признаться в своей любви, — говорит Виндзор, прикладывая ладонь к сердцу и вздёргивая подбородок. — Это королевское воззвание.

Я фыркаю, но это всего лишь нервный смех, и прикрываю рот рукой.

Снаружи доносится звук возни, и я оглядываюсь через плечо, чтобы увидеть, как Крид отпихивает Миранду с дороги. Он входит, тяжело дыша, двое охранников хватают его за плечи.

— Отпустите его, он безвреден, — инструктирует Виндзор, в то время как красивый светловолосый голубоглазый мальчик Кэбот пыхтит и отдувается, несколько раз переводя взгляд с меня на папу, прежде чем шагнуть вперёд и оттолкнуть Зейда в сторону. Зейд насмеяется над ним, но ничего не говорит.

— Я тоже люблю вашу дочь, — говорит он, и я клянусь, если бы на моём теле было хоть одно пятно, которое не было бы красным, оно стало бы сейчас.

— Парни, — начинаю я, когда Тристан внезапно отворачивается, закрывая глаза. *Он единственный, кто не собирается этого говорить, так ведь?* — Вы не обязаны это говорить.

— Это правда, — отвечает Крид, убирая светлые волосы со лба. — Это ... Я уже некоторое время чувствую это. — Миранда подходит и встаёт с другой стороны от меня, одаривая меня сочувственным взглядом. По крайней мере, Лиззи здесь нет, чтобы стать свидетельницей всего этого, верно?

— Ты счастлива, Марни? — спрашивает папа, и я киваю один раз, быстро, но решительно.

Я имею в виду, что да, это так, но это не так. Ты нужен мне здесь, чтобы однажды повести меня к алтарю, Чарли. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, останься ради этого.

— Да.

— Тогда ладно. Хорошо. У моей дочери... пять парней. — Он чертыхается себе под нос и качает головой. — Будь я проклят.

Он выходит на крыльцо, откупоривает один из своих модных яблочных сидров и смотрит на виноградник.

— Ну, это было совсем не неловко, — шепчу я, когда Миранда крепко меня обнимает.

— Давай, ты поможешь мне распаковать мои вещи, а Эндрю расскажет тебе всё о своей истории открытия своей ориентации...

Эндрю хватает вино, пару бокалов и содовую, которую протягивает мне.

Парни смотрят, как мы выходим, но они знают, что лучше не следовать за нами.

Мне нужна минута.

Как, чёрт возьми, я должна выбрать теперь?

Пошла ты, любовь. Типа, серьёзно, нахуй тебя.

— Она купила тебе радужный спортивный ремешок?! — воет Зейд, перекатываясь на бок от смеха, когда Эндрю прищуривает глаза в направлении солиста. — Это так мило, но так чертовски ошибочно. Я умираю, я умираю. Нет, я уже мёртв. Я хэштег: чертовски мёртв.

— Она, по крайней мере, пытается, — говорит Эндрю, болтая ногами в бассейне. — Мой отец просил меня не приставать ни к кому из его деловых партнёров. Типа, правда? Я почти язвительно спросил его, пристаёт ли он к каждой женщине, которую видит, только потому, что он натурал, но... вроде как так и есть. Он такой молодец. — Эндрю потягивает свой напиток, и я понимаю, что он прошёл долгий, очень долгий путь от парня, который отрицал свою сексуальность перед всеми, включая самого себя. Парня, который согласился на вынужденную помолвку, которой он не хотел... и теперь является счастливым обладателем радужного спортивного ремешка.

— Знаешь, что сказала моя мама, когда я сказала ей, что я лесбиянка? — спрашивает Миранда, и Крид закатывает глаза, как будто слышал эту историю тысячу раз. — Она сказала, что *благодарит бога за это*. Парни такие противные.

— Разве это не сексистские слова? — Крид возражает, и Миранда поворачивается к нему, стоя мокрая и с неё капает, когда она пытается позагорать.

— Во-первых, убирайся к чёрту с моего солнца. Во-вторых, нет. Неужели ты не понимаешь, что когда женщины говорят, что *все мужчины — мусор*, это не разжигание ненависти, это просто антипатриархальное движение, которое больше связано с дерьмовой системой, а не с каждым отдельным чуваком на личном уровне?

— Э-э, что? — спрашивает Крид, но тут Миранда просто хватает его за лодыжку и соскальзывает в бассейн, увлекая за собой своего близнеца. Они брызгают на меня, и я смеюсь, когда вода охлаждает мою разгорячённую кожу.

— Я действительно рада, что ты признался, — говорю я Эндрю, обхватывая пальцами край бассейна и поглядывая в его сторону. Он улыбается мне в ответ и пожимает плечами, как будто в этом нет ничего особенного.

— Если бы не ты, я, возможно, никогда бы этого не сделал. — Он отворачивается и смотрит на холмы за домом. Они тоже покрыты виноградниками, но трава там сухая, коричнево-жёлтого цвета, а не ярко-зелёная, которая окаймляет фасад дома.

— Я не могу считать это своей заслугой, — отвечаю я ему, но он просто качает головой.

— Ты отстаиваешь то, чего хочешь, независимо от того, как складываются обстоятельства против тебя. Это уже кое-что.

Я отвожу взгляд, но мне не по себе от такой похвалы. Я ловлю своё внимание на Заке, сидящем неподалёку в плавательных шортах и больше ни в чём. У него экземпляр этой книги, «*Фанатка*», и я почти уверена, что он украл её с полки в моей комнате в общежитии. Меня это тоже устраивает. Я рада, что кто-то ещё тоже это читает. Отец главного героя... он заболел раком и умирает.

Я ненавижу рак.

Я нахрен ненавижу его.

Я неожиданно встаю и все вокруг меня замолкают.

И когда я уже в одиночестве, никто мне не беспокоит.

Наши блюда на День благодарения... приготовлены Заком и Виндзором. Немного

странно видеть, как они работают вместе, особенно в чём-то другом, кроме издевательств над богатенькими девушками. Два подлых богатеньких парня занимаются домашними делами. Это отчасти... мило.

Зейд тоже надел фартук, но в основном он просто сидит на краю столешницы и откусывает от того, что либо наполовину приготовлено, либо слишком горячее.

Снаружи стоит красивый стол из грубо отёсанного дерева, украшенный тыквами и гроздьями свежесобранного винограда. Мы все сидим вместе и едим, и парням удаётся свести свои обычные колкости и насмешки друг над другом к минимуму. Чарли смеётся, бейсболка, которая на нём надета, отбрасывает странные тени на его лицо.

Я ношу браслет-оберег, который он подарил мне на втором курсе, и держу его за руку большую часть ужина.

После этого Виндзор вызывает других парней на матч по поло.

— Я буду наблюдать, но это лучшее, что я могу сделать, — говорю я, желая остаться рядом с Чарли. Винд кивает и скрещивает одну руку на груди, постукивая пальцем по подбородку.

— Нам нужны две команды по четыре человека. — Он указывает на Тристана, уголок его рта изгибается в ухмылке. — Что скажешь, если сыграешь против меня в качестве капитана команды?

— Меня это устраивает, — отвечает Тристан, и они обмениваются долгим мрачным взглядом. — Ты хочешь заключить пари?

— Нет, нет, просто небольшое дружеское соревнование. — Виндзор ухмыляется, когда Тристан прищуривает свои серые глаза.

— Отлично. Что ж, тогда выбирай первым, капитан.

— Зак, — говорит Винд, потому что на самом деле он очевидный кандидат для всего, что хотя бы отдалённо связано со спортом. — Ты ведь знаешь, как играть, не так ли?

— Расскажи мне правила, и я разберусь, — отвечает Зак, бросая на Тристана испытующий взгляд.

— Зейд, — парирует Тристан, и мальчик-рокер слегка качает кулаком.

— Да, чёрт возьми, давай разберёмся с этим дерьмом. — Они обмениваются «высокими пятёрками», когда Виндзор поворачивается к Эндрю.

— У тебя есть опыт игры в поло, не так ли? — Эндрю кивает, и Виндзор жестом подзывает его к себе.

— Да ну вас, — говорит Крид, вставая на сторону Тристана и Зейда. Ему даже не нужно устное приглашение. Парни-идолы могут не нравиться друг другу, но они стоят вместе. Они даже были едины в своей жестокости. В этом есть какая-то извращённая преданность, вам так не кажется?

— Миранда, дорогая моя, могла бы ты... — говорит Винд, и она взвизгивает, обвивая руками его шею. Команду Тристана дополняет один из охранников, и все расходятся, чтобы подготовиться.

Что касается меня, то в итоге Миранда затащила меня в мою комнату и показала всевозможные статьи о том, «Как одеться для игры в поло». Типа, серьёзно?

— Ты помнишь ту сцену в «Красотке», верно? Когда Джулия Робертс идёт на матч по поло? — я несколько раз моргаю, глядя на неё, но не могу вспомнить, видела ли я когда-нибудь вообще этот фильм. Она пренебрежительно машет рукой, вкладывает телефон мне в руку и указывает на статью на экране. — Надень обувь, в которой можно ходить по траве, и

что-нибудь милое, но не слишком милое. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Не совсем... — начинаю я, но Миранда уже выходит из комнаты, чтобы переодеться в своё красивое золотое платье в осеннем стиле. Я смотрю ей вслед, вздыхаю, а затем сажусь на кровать, чтобы просмотреть статью.

Час спустя, когда мы встречаемся на поле, я думаю, что, может быть, в кои-то веки я оделась подобающим образом для этого случая. Взгляды парней останавливаются на мне, когда я подхожу к ним в коротком белом кружевном платье с кремовым вырезом-футляром под ним. Оно доходит мне только до середины бедра, но на мне также шорты, на всякий случай, если будет ветерок. Топ с длинными рукавами компенсирует рискованную длину, и мне кажется, что в нём чувствуется атмосфера семидесятых — но в хорошем смысле. В паре с большой соломенной шляпой и балетками на низком каблуке, думаю, я выгляжу довольно мило.

— Трахабельная, как и обычно, — мурлычет Зейд, и мои щёки вспыхивают, когда я бросаю на него взгляд, а затем показываю ему средний палец. Он смеётся надо мной и отрывает меня от земли, кружит по кругу, а затем рычит мне в ухо, так тихо, что я знаю, что только я могу это слышать. — Я рассчитываю на повторное мероприятие как после концерта. Не оставляй меня в подвешенном состоянии, Черити.

Я бью его в грудь, и он почти торжественно ставит меня на ноги.

— Вы, ребята, действительно собираетесь играть в игру без ставки? — спрашиваю я Зака, когда Виндзор подъезжает рысцой на спине своего прекрасного чёрного коня. По-видимому, его имя — бергамот. Ну знаете, как масло бергамота в чае «Эрл Грей». Неудивительно, не так ли?

— Почти уверен, что вся эта игра направлена на то, чтобы показать, чей член самый большой, — говорит Зак, прищуривая глаза и поглядывая на принца.

— Ну, мой она не видела, но как насчёт остальных? — спрашивает Винд, перекидывая свою, э-э-э, клюшку для поло через плечо. Я понятия не имею, как называется эта чёртова штука. Она похожа на длинный, узкий крокетный молоток. Однако мне трудно разобраться в терминологии поло, потому что я не могу перестать пялиться на парней в их нарядах.

На всех них узкие брюки, сапоги для верховой езды и куртки на пуговицах, под которыми рубашки поло.

«По крайней мере, на этот раз, они надели шлемы», — думаю я, пытаюсь решить, кто из них выглядит сексуальнее в своей форме. Это невозможно определить.

— Эм, эта девушка не целуется и не рассказывает, — говорю я, а затем делаю паузу, хмурясь. — Ну, ладно, я вам, ребята, сразу скажу, что я сексуально активна с новым парнем, но... — Виндзор смеётся и легонько постукивает по полям моей шляпы своей клюшкой для поло. Прозвучало непристойно, да? Я тоже так думаю.

— Мне нравится эта шляпка, миледи. Ты — видение. — Он улыбается, и я замечаю, что мои глаза прикованы к нему, сидящему верхом на бугрящихся эбеновых мышцах его лошади. На нём белые брюки, очень обтягивающие, с кожаной полоской сбоку на каждой штанине и под промежностью. Ботинки, которые на нём надеты, напоминают мне те, что он носит почти каждый день в академии, чёрные и блестящие, высотой до колен. Единственная разница между двумя командами, по-видимому, заключается в том, что команда Виндзора одета в чёрные куртки с золотыми пуговицами, в то время как остальные щеголяют в красных.

Я должна сказать, что с голубыми глазами Крида и светлыми волосами смелый цвет ему

действительно идёт. А Зейд? Все эти тагуировки, выглядывающие из-под такого прилично выглядящего наряда, от этой дихотомии у меня текут слюнки. То есть мысленно текут слюни. Мне удаётся сохранить всю свою слюну должным образом спрятанной за сомкнутыми губами.

— Ты действительно прекрасна, Марни, — говорит Зак, его наряд так хорошо сидит на его массивной фигуре, что я начинаю сомневаться, не была ли эта игра спланирована заранее. Украдкой бросив косой взгляд на Виндзора, я понимаю, что, вероятно, так оно и было. Ничто из того, что делает принц, не случайно.

— Спасибо, — молвлю я, чувствуя, как горят мои щёки, когда Зак подходит ближе и кладёт свои большие руки мне на плечи, наклоняясь и как следует целуя меня. Этот поцелуй гораздо более вежливый, чем тот кровавый поцелуй, который он подарил мне на поле, когда его язык проник в мой рот с собственническим, пылким огнём. Он заявлял на меня права на том поле, перед всеми этими людьми.

Если бы Чарли не был на лестничной клетке в тот самый момент, он бы гораздо раньше догадался о моих ошибочных поли отношениях. Это ведь полиаморные отношения, верно? Я имею в виду, в некотором роде?

— Я надеру им задницы ради тебя, — говорит Зак, поднимаясь во весь рост. Он чертовски пугающий. Я бы не хотела играть против него.

— Это мы ещё посмотрим, — растягивает слова Крид, проходя через поле и останавливаясь в своей красной куртке. Он поднимает взгляд на Виндзора и приподнимает одну, идеально гладкую светлую бровь. — Я удивлён, что ты не носишь красную куртку, учитывая твоё происхождение и всё такое.

— О пожалуйста, вы, американцы, и ваши британские оскорбления. В них нет ничего, кроме грусти. Честно говоря, я нахожу их довольно жалкими. Если бы ты действительно хотел задеть меня, ты бы знал, что у меня не было секса много лет, и ты бы назвал меня бесполезным придурком, и покончил с этим. А теперь отвали, и давай начнём матч. — Он пускает свою лошадь галопом в поле, а Крид оглядывает меня и дарит улыбку, в которой нет ничего похотливого.

— Ты выглядишь ужасающим, когда так улыбаешься, — говорю я ему, но он, кажется, воспринимает это как комплимент и подходит, чтобы встать надо мной, убирая выбившуюся прядь волос с моего лица.

— Хорошо. Я хочу, чтобы весь мир знал, что я не побоюсь бросить им вызов, если они испортят мою уке. — Я прищуриваюсь, глядя на него, но он так чертовски самоуверен, что просто отворачивается и поправляет свой красный пиджак.

— Я не уке, — ворчу я, потому что уке — это буквально слово, производное от японского глагола *укеру*, что означает *получать*. И если вы думали о чём-то непристойном, то вы были правы. Уке — это тот, кто, гм, получает анальный секс в отношениях мужчина/мужчина. — И откуда ты вообще знаешь, что это такое, если ты так чертовски сильно ненавидишь мою «нелепую» мангу, а?

Крид игнорирует меня, замирая, когда Тристан, наконец, выезжает из конюшни на спине сверкающей белой лошади. Я вроде как чувствую, что ему и Виндзору следовало бы поменяться; это больше соответствовало бы их характерам. Но потом я вижу, как он скачет, выпрямив спину, высоко подняв голову, как истинный аристократ, и я вся дрожу. В этом красном пиджаке он выглядит как король. Бог.

— Блядь, на твоём месте я бы тоже хотел с ним трахнуться, — бормочет Зейд, жуя

жвачку и проводя татуированными руками по куртке, в то время как Миранда и Эндрю подходят, оба тоже одетые в чёрное.

— Это неправильно — объединять близнецов в пары, чтобы они боролись друг с другом, — бормочет Крид, но Миранда игнорирует его.

— Хорошо, ваше высочество, где моя лошадь? Давайте начнём эту битву и прольём немного крови!

— Меня тревожит, — растягивает слова Крид, глядя на неё с тяжёлыми веками, — насколько тебя возбуждает мысль о насилии. А мама думает, что это я задира в семье. — Она хватает его за руку и тащит к конюшням, в то время как я присоединяюсь к Чарли и Алексе в тени трибун, несколько охранников сидят вокруг них свободным кругом.

Там много вина и фруктов, то, и то что осталось от тыквенного пирога. Папа ест кусочек и курит косяк. Клянусь, я никогда не упускаю из виду, что он курит. Дело в том, что это помогает ему есть и позволяет контролировать уровень боли. Однажды, когда миссис Флеминг принесла несколько своих фирменных самокруток, и папа выкурил одну на крыльце, соседка через дорогу прибежала и закричала, что на федеральном уровне марихуана всё ещё входит в список наркотических средств номер один.

Я всё время твердила ей о том, что это растение лекарственное, гораздо безопаснее опиатов, и, честно говоря, это не её чёртово дело. С тех пор она не приходила. Никто не отнимет у Чарли обезболивающее в моё дежурство.

— Это должно быть весело, — говорит он, откидываясь на спинку мягкого сиденья и улыбаясь, когда я сажусь рядом с ним и подворачиваю платье под бёдра. Очевидно, игра разбита на сегменты, называемые чукки... или, может быть, чуккеры? Иногда трудно понять из-за акцента Виндзора.

Принцесса Александра без умолку болтает после начала игры, указывая на лучших игроков — Виндзора и, что неудивительно, Тристана — и рассказывая нам всем о том, как однажды она встретила мужчину своей мечты, играющего на матче по поло в Портси в Австралии. Очевидно, отец Винда был настоящим спортсменом.

Я не очень увлекаюсь спортом, но наблюдать за тем, как мои парни разъезжают в сексуальных нарядах на спинах красивых лошадей — настоящее удовольствие, особенно потому, что Чарли, кажется, наслаждается этим, его карие глаза сияют, когда он наблюдает за матчем.

Две команды довольно равны по силам, как с опытными, так и с неопытными игроками (Зейд — милашка, но он в некотором роде бесполезен, как и охранник, которого втянули в соперничество), и счёт очень близок. Я могла бы это сказать даже без объяснений Алекс.

Нет, всё это чувствуется в том, как расправлены плечи её сына, как нахмурено его лицо и как он смотрит на Тристана с другого конца поля.

Здесь могут быть и другие люди, но, насколько я могу судить, у них очень личный спарринг-матч.

Тристан ухмыляется, и это выражение ещё больше бесит принца, заставляя его становиться небрежным и отчаянным в своих движениях — точно так же, как он предупреждал Крида во время их поединка на мечях. Когда его команда проигрывает, и он в ярости спрыгивает с лошади, я вскакиваю на ноги.

— Сейчас вернусь, — говорю я Чарли и Алекс, сбегая по ступенькам и выскакивая из-под навеса к сараю. Когда Виндзор Йорк проигрывает, он злится. А сегодня он просто взбешён.

Мне удаётся проникнуть в здание через боковую дверь всего за несколько секунд до того, как это делает принц.

Виндзор врывается в сарай, потный и разъярённый, отбрасывая свою клюшку для поло в сторону. Одетый в эти обтягивающие брюки и ботинки, шляпу и чёрную куртку, он — как грёбаное видение. Сейчас он действительно похож на принца; было бы невозможно думать о нём как о ком-то другом.

Он тяжело дышит и дрожит. Его руки в перчатках сжимаются в кулаки, когда он смотрит на меня.

— Твой друг просто невыносимый сопляк, — произносит он, изо всех сил стараясь держать себя в руках. Он ненавидит проигрывать. Ненавидит. И он только что проиграл на своей родной земле Тристану Вандербильту из всех людей. — Может быть, с моей стороны было ошибкой вернуть его в академию?

— Ты действительно так думаешь? — спрашиваю я, когда Виндзор подходит, чтобы встать передо мной, и я отступаю назад, прижимаясь всем телом к внешней стороне одного из стойл для лошадей. До меня доносится мягкий стук копыт и ржание.

— Я думаю... — начинает Виндзор, наклоняясь, чтобы расстегнуть свой пиджак, осторожно расстёгивая каждую золотую пуговицу с идеальной точностью. — Он важен для тебя, и я просто хочу дать тебе то, чего ты хочешь. Вот и всё. — Его куртка расстёгивается, открывая взмокшую от пота белую рубашку-поло под ней. Винд отбрасывает куртку в сторону, на покрытый сеном земляной пол.

— Ты слишком изнуряешь себя, — говорю я ему, потому что думала об этом уже давно. Виндзор Йорк всегда на шаг впереди и изо всех сил борется за то, чтобы всё оставалось по-прежнему. Ему нужен перерыв. Даже я это знаю. — Тебе не обязательно быть везде и всегда.

— Нет, обязательно, — отвечает он, а затем отбрасывает свой чёрный шлем в сторону, позволяя ему проскочить по полу конюшни. — Я не позволю каким-то избалованным американским соплякам победить меня.

Мои губы поджимаются, но я чувствую, как натянутая нить в Виндзоре оборвалась. Вот он хулиган из хулиганов, о котором я так беспокоилась раньше. Я всегда полагала, что, если его выпустить на волю, он может нанести реальный ущерб. Конечно, он всё это время наносил ущерб за кулисами, но... кажется, сейчас он очень зол на Тристана.

Я отхожу от столба и обхожу его полукругом, короткое кружевное платье, которое я надела для этого мероприятия, шелестит по моим бёдрам. По коридору свистит ветерок, и я протягиваю руку, чтобы не сдуло соломенную шляпу с моей головы.

— Виндзор, — начинаю я, но он уже сдёргивает свою рубашку-поло в сторону и поворачивается ко мне лицом, без рубашки, потный и красивый. Он наблюдает за мной своими великолепными карими глазами, представляющими собой настоящую мозаику из серых, зелёных, золотистых и коричневых крапинок. Они идеально сочетаются с его рыжими волосами и высокими, резкими линиями скул. — Что ты делаешь?

— Я не знаю, — отвечает он, на мгновение закрывая глаза, прежде чем снова открыть их. — Когда дело касается тебя, Марни Элизабет Рид, я не имею ни малейшего представления. Я думал, ты быстро сгоришь, это будет забавный способ скоротать время... — он делает шаг вперёд, его запах нарцисса и лака для кожи щекочет мне ноздри. Он смешивается с ароматом свежего пота, который напоминает о всевозможных неприличных вещах, которыми мы могли бы заниматься в темноте. — Вместо этого ты стала одержима идеей моего медленного выгорания.

— Навязчивой идеей, да? — шепчу я, обнаруживая, что мне очень трудно дышать в сумеречном тепле сарая. Виндзор подходит ко мне вплотную и одной из своих перчаток убирает волосы с моего лба. — Ты уверен, что это не только потому, что ты не хочешь проигрывать? — я смотрю ему в лицо, ища там правду. Виндзор сейчас испытывает смешанные эмоции, гнев всё ещё отражается на его лице.

— Сначала я бы подумал, что ты права, — говорит он, его английский акцент немного смягчается по краям. — Ты чертовски права. Я не хотел проигрывать, ни другим парням, ни ублюдкам из Клуба Бесконечности. Но... это больше не так.

— Почему нет? — я изучаю его в то же время, когда он изучает меня, проводя пальцами по моей щеке.

— Знаешь, я подал заявление в Борнстед. Я такой же безнадёжный, как и остальные эти засранцы. — Виндзор протягивает руку и стаскивает шляпу с моей головы, отбрасывая её в сторону. — Моя мама хочет, чтобы я пошёл в институт в Англии, но мне это никогда не было интересно.

— Борнстед, да? — спрашиваю я, чувствуя, как меня охватывает радостный прилив. — Что ты там будешь изучать?

Губы Виндзора изгибаются в улыбке.

— Ты хочешь поцеловать меня прямо сейчас, Марни Рид? — спрашивает он, полностью уходя от ответа. — Потому что я умираю от желания поцеловать тебя. — Виндзор делает шаг вперёд и нежно проводит пальцами по моей шее сзади, слегка дыша мне в губы, прежде чем, наконец, сокращает расстояние и целует меня как следует.

Его поцелуй такой же собственнический, как и у Зака, но совершенно по-другому. Зак целуется как альфа, нуждающийся в паре, в то время как Винд... он целуется, как король, отдающий указ. Он командует мной своим ртом, пробуя меня на вкус и даря восхитительный прилив удовольствия, от которого я задыхаюсь и отступаю назад.

Рука в перчатке обхватывает моё запястье, и он прижимает меня к своей обнажённой и потной груди, твёрдость под его брюками для верховой езды давит мне на живот. Я вижу это по тому, как он смотрит на меня сверху-вниз. Он не верит, что может проиграть, только не в этом. Его чувства ко мне могут быть искренними, но мне не нравится его самоуверенное отношение.

— Тебе лучше стереть эту ухмылку со своего лица, — говорю я ему, но его улыбка просто растягивается в похотливую ухмылку. Я бы сказала, что это дико, если бы не было так отточено, но в этом есть какая-то грань, напоминающая мне, что независимо от того, насколько хорошим он был для меня, независимо от того, насколько верным другом он был, он также чертовски опасен.

— Заставь меня. — Виндзор подталкивает меня спиной к открытой двери стойла и вталкивает внутрь, отправляя меня на задницу в кучу тёплого, сухого сена. Он опускается на колени между моих ног, в то время как моё сердце колотится со скоростью миля в минуту, пульс разогревает кровь и посылает её во все места, к которым моё тело желает, чтобы он прикоснулся. — Заставь меня, Марни Рид. Приручи плохого парня. Это то, что тебе нравится, не так ли? Погоня, вызов.

— Это не так, — отвечаю я ему, но, возможно, он прав. Может быть, у меня действительно есть слабость к сломленным людям? Мне нравится исправлять вещи, делать их снова правильными, изучать мир и узнавать, как он устроен. Чем это отличается от других?

— Уверен, что это не так, — произносит Виндзор, кладя ладони мне на ноги и заставляя меня покраснеть. Он берёт меня за колени и осторожно раздвигает мои ноги, всё это время поддерживая зрительный контакт со мной. — Я ненавижу твоего друга, но ты мне слишком нравишься, чтобы беспокоиться о нём. — Он проводит руками по внутренней стороне моих ног и заставляет меня застонать, ржание лошади в двух стойлах от нас — единственный звук, кроме нашего затруднённого дыхания.

Виндзор наклоняется и запечатлевает поцелуй на внутренней стороне моего колена, прокладывая себе путь к трусикам, пока я не начинаю задыхаться и дрожать, отчаянно желая, чтобы он прикоснулся к чему-нибудь, кроме моей ноги. Он опускает руку и двумя пальцами достаёт презерватив из своего ботинка.

Ботинка.

Он держал его в своём грёбаном ботинке.

— Ты чудовище, — шепчу я, но говорю это самым нежным образом, какой только возможен, когда он, наконец, наклоняется и щиплет мои трусики, касаясь клитора ровно настолько, чтобы мои бёдра непроизвольно приподнялись.

— Может быть, но я твой монстр. Ты бы видела, что я запланировал для этой сучки Илеаны Тайттингер. Когда мы вернёмся в академию, я преподнесу тебе её голову на тарелке в качестве рождественского подарка. — Виндзор садится и ловкими движениями пальцев в перчатках расстёгивает ширинку, всю дорогу сохраняя зрительный контакт со мной. Он высвобождает свой член, и моё дыхание учащается ещё больше.

Но я не могу отвести от него взгляд, чтобы увидеть его. Я посмотрю позже.

Презерватив надевается за считанные секунды, а затем Винд залезает на меня, всё ещё заглядывая мне в глаза. Он отодвигает мои трусики в сторону, располагается у моего отверстия и входит в меня глубоким, жёстким толчком. Я вижу звёзды, и слёзы собираются в уголках моих глаз, когда он стонет, часть этого идеального королевского лоска исчезает в отчаянных мужских звуках удовольствия.

— О, *блядь*, — стонет Винд, прижимаясь лицом к моей шее всего на мгновение, чтобы отдышаться, а затем снова смотрит на меня своими карими глазами, в которых золотистые искорки, кажется, сияют ещё ярче, чем обычно. Я чувствую его внутри себя, занимающего каждый свободный кусочек моего пространства. Виндзор берёт мою руку в одной из своих перчаток и кладёт её между нами, поощряя меня доставлять себе удовольствие своими пальцами. — О да, Марни, — бормочет он, — ожидание того стоило.

Принц трахает меня на куче сена глубокими, быстрыми движениями, его бёдра прижимаются к моим, когда одна из его рук в перчатке обхватывает мою грудь, и он прикусывает сосок через кружево. Я потеряна для него, полностью уничтожена.

Наше неистовое совокупление в сарае происходит быстро и беспорядочно, но Винд прав: ожидание того стоит. Мой оргазм подобен ряби на пруду, начинающейся с малого в моей сердцевине, а затем волнами охватывающей всё моё тело, пока не превращается в цунами, которое разрушает меня изнутри. Винд кончает с последним порывом, таким сильным, что я чувствую, как он касается меня в том месте, которое кажется одновременно странным и приятным.

Мои руки цепляются за его потную обнажённую спину, когда он вздрагивает, а затем, наконец, замирает, приподнимаясь надо мной на локти. Неподалёку ржёт ещё одна лошадь.

— Чёртов ад, — бормочет он, оставаясь там, где он есть, всё ещё заключённый внутри меня. Мне кажется, у нас обеих проблемы с дыханием. — Чёртов грёбанный хуесосовый

ад. — Винд, наконец, оглядывается на меня, и наши глаза встречаются. Это уже слишком — смотреть на него, пока он всё ещё внутри, и я пытаюсь отвести взгляд. Он касается моей щеки пальцами в перчатках и отталкивает меня назад. — Вы, миледи, останетесь сегодня в моей комнате.

— Я не знаю, как другие парни отнеслись бы к этому, — выдыхаю я, но Винд только ухмыляется и садится, притягивая меня к себе, так что моя голова оказывается на его потной груди, а его сердце грохочет у моего уха. Мне нравится это — слышать биение его сердца.

— Найди меня позже в постели и спроси, насколько мне, чёрт возьми, не всё равно, — говорит он, и затем мы некоторое время сидим вместе в тишине.

Когда мы выходим из сарая несколько минут спустя, полностью одетые, но всё ещё приходящие в себя после нашей встречи, я чувствую, что Зейд — единственный, кто это замечает, прищуриив свои зелёные глаза в нашу сторону. Крид и Миранда слишком заняты пререканиями, Зак развлекает Чарли, а Тристана нигде не видно.

Наверное, это хорошо.

Поскольку я думаю, что Виндзор убил бы его немного пораньше.

— Приятно поболтали? — спрашивает Зейд, откидываясь на спинку скамейки и заводя свои татуированные руки за спину. На нём всё ещё надета рубашка-поло, но куртку он сбросил.

— Ты даже не представляешь, — мурлычет Винд со своим английским акцентом, и я вздрагиваю.

Он всё это время был мне хорошим другом. Теперь, когда я смотрю на него, что-то кажется мне другим.

Глубже, темнее... что-то, что невозможно игнорировать.

— Ага, — отвечает Зейд напряжённым от ревности голосом.

Ревность.

Как, чёрт возьми, я собираюсь управлять целым гаремом хулиганов до конца года?

Думаю, только время покажет.

Декабрь в академии Бёрберри — это всегда весело. В студенческой гостиной стоит гигантская рождественская ёлка, но у меня никогда по-настоящему не было возможности оценить её по достоинству, учитывая мои предыдущие обстоятельства. Здесь тихо и уединённо, а студенческий совет — большинство из которых я никогда не встречала — на самом деле управляет крошечным кафе, где студенты могут купить кофе или круассаны.

Оно как бы... на полпути между столовой и библиотекой, но без особого присмотра сотрудников.

По сути, это идеальное место для прыжка.

Начиная со второго курса, я готовлю своё дело против Харпер.

Я не беспокоюсь о ней. Однако с некоторыми другими я борюсь. Они все заслуживают того, чтобы получить своё, но я не хочу нарушать свои правила, что бы ни говорил Зак.

— Мне здесь нравится, — говорю я, садясь рядом с Тристаном на один из кожаных диванов в студенческой гостиной. — В последний раз, когда была здесь, я проводила Винду экскурсию по школе. — Моё лицо горит, и я изо всех сил стараюсь не думать о том, сколько сена я засунула себе в анальную щель. Или как я сдалась и на цыпочках прокралась в спальню Винда позже той ночью. Он провёл почти два часа со своим *ртом* между моих бёдер.

— Я тоже так думаю. Жаль, что мы потратили впустую четыре года, не используя его. — Тристан Вандербильт постукивает пальцами по подлокотнику дивана, а затем останавливается, чтобы посмотреть, как появляется Лиззи Уолтон с чашкой кофе на блюдце и белым пакетом с выпечкой в другой руке. — Извини. — Тристан встаёт, а затем кладёт что-то на стопку бумаг передо мной, большинство из которых — брошюры о стипендиях, которые я купила на академической ярмарке на прошлой неделе.

Тристану... вроде как нужно запросить столько, ко скольким он сможет.

— Я принесла еду для всех, но... — она замолкает и смотрит, как он уходит, прежде чем сесть на ближайший ко мне стул. Я опускаю взгляд на то, что оставил Тристан, а затем краснею на десять оттенков малинового, когда вижу, что это результаты его тестов, точно такие же, как я видела у Зака, Зейда и даже Виндзора. Он *прислал* мне своё электронное письмо, и так получилось, что Чарли стоял рядом со мной, когда я открыла его...

Излишне говорить, что у нас был небольшой разговор о сексе «пестиках и тычинках», который закончился тем, что он подарил мне книгу, которая, похоже, вышла в 1982 году, о том, как влюблённые люди могут осчастливить друг друга своими телами... Мерзость.

— Ты в порядке? — спрашивает меня Лиззи, размахивая рукой перед моим лицом. Я поднимаю глаза и заставляю себя улыбнуться, складывая страницу пополам, чтобы она этого не увидела. Если бы Тристан дал мне это тогда... Но я замечаю, что в руке у неё тоже зажат сложенный пополам листок бумаги.

Нет, у меня паранойя. Мне всё это мерещится. Я...

— Почему ты выбрала меня? — внезапно спрашиваю я, когда Лиззи ставит свою еду на стол и перекидывает блестящие тёмные волосы через плечо. Она замирает, как олень, попавший в свет фар. Я имею в виду, я слышала об этом от Зака, но я хочу услышать это и от неё тоже.

— В смысле?

— Пари, — уточняю я, как будто было что-то ещё. Моя рука подсознательно тянется вниз, чтобы положить её поверх моей вырезанной татуировки бесконечности. Я знаю, что всё это у меня в голове, но иногда мне кажется, что она обжигает. Я просто ненавижу то, как устроен мир, как сверхбогатые контролируют всё и как они правят без сострадания.

Клуб — это... именно это, но в меньшем масштабе.

Ничего не поменялось, ничего не изменилось.

— Конечно. — Лиззи вздыхает и закрывает глаза. Её полностью чёрная униформа идеально отглажена и отполирована, совсем как у Тристана, ни единой складочки, морщинки или стежка не сбились с места. Когда она открывает свои янтарные глаза и снова смотрит на меня, я сохраняю нейтральный взгляд. — Сейчас это кажется таким глупым, но... тогда я была так зла. Новый муж твоей матери, Адам Кармайкл, он спал с моей сестрой. — Я жду, не сможет ли она немного пояснить. К счастью, тишина, наполненная лишь звоном чашек и отдалённым жужжанием кофемолки, кажется, подстёгивает её. — А потом появился ты... лёгкая мишень. Ты ходила в школу с Заком, и... честно говоря, мне было всё равно. Я ненавидела Адама, и я ненавидела Кармайклов, и я просто... — она снова замолкает и отводит взгляд в сторону прилавка с закусками. — Тогда я не думал о тебе как о реальном человеке, просто как о далёком объекте. Я думала о них всех именно так, обо всех этих Плебейх.

Мой рот сжимается в тонкую линию, когда Лиззи оглядывается на меня.

— И это всё? Я была сопутствующим ущербом? Больше ничего? — почему-то от этого становится ещё дерьмовее.

— Ну, это, и ещё когда Зак мимоходом упомянул тебя, я... может быть, я приревновала. Он назвал тебя красивой. Я никогда раньше не слышала, чтобы он так говорил о девушке. — Мы с Лиззи смотрим друг на друга, и её лицо краснеет. Надеюсь, она понимает, как нелепо это звучит. — Мне жаль. Я не могу выразить насколько. Я буду повторять это вечно, если придётся: мне жаль.

— Тебе жаль только сейчас, — говорю я ей, а потом думаю, может быть, её смущение слишком велико, или я слишком сильно на неё надавила, или что-то в этом роде, потому что тогда она становится по-настоящему чертовски раздражительной.

— Послушай, ты мне отомстила. Теперь у тебя есть Тристан, а что есть у меня? — она встаёт и роняет свой пакет с выпечкой на пол, рассыпая повсюду крошки, её чёрная плиссированная юбка развеивается вокруг бёдер. — У меня ничего нет. Никого. Я никому не нравлюсь в этой академии. Я пришла сюда, чтобы помочь тебе, я... — она замолкает, а затем останавливается, когда понимает, что я не планирую вовлекать её в это дело.

— Знаешь, ты была у меня в списке, чтобы отомстить. — Я встаю и собираю свои вещи в охапку, крепко сжимая в пальцах сумку с книгами, когда оглядываюсь и встречаюсь взглядом с Лиззи. — Но у тебя было так разбито сердце, когда ты узнала про помолвку Тристана и Харпер, что я больше не могла этого делать. Вот и всё. Я думала, тебе и так было достаточно больно. Но если бы захотела, я могла бы пойти гораздо дальше. Послушай, я даю тебе честный шанс на него, потому что хочу, чтобы он был тем, кто примет решение, но то, что ты сделала со мной, было неправильно. Я надеюсь, ты действительно осознаешь это.

Я срываюсь с места, а затем останавливаюсь, услышав звон разбитого стекла, оглядываюсь через плечо и вижу, что Лиззи уронила на пол свою кофейную чашку с блюдцем. Она буквально задыхается от разочарования, но у меня нет времени разбираться с этим.

С ней происходит что-то ещё, что-то, что не имеет ко мне никакого отношения.

Позже в тот же день, когда я выхожу из столовой вместе с Мирандой, Харпер в ярости несётся по коридору. Она останавливается рядом со мной, стиснув зубы, и тычет меня пальцем в грудь.

— Я выжидаю своего часа, но, когда я наконец разберусь с тобой, Рид, ты, блядь, покойница. Ты меня слышишь?

Она отталкивает меня, и Миранда бросается к ней, но я удерживаю её, дожидаясь, пока Харпер скроется за углом, прежде чем отпустить. Я собираюсь отправиться на поиски Винда, когда он находит меня, как делает всегда.

Он бросает что-то в меня, и я ловлю это, довольно быстро понимая, что это совсем не то, за что я хочу держаться. Это мокрый, промокший насквозь лифчик. Определённо, не мой. Чей-то ещё.

— Фу. — Я роняю его, и Винд ловит его быстрыми пальцами, бросая в ближайший мусорный бак, прежде чем мисс Фелтон и миссис Коллинз выходят из-за угла с рыдающей Илеаной между ними. Она прижимает руку к груди и плачет.

— Я же обещал тебе, что разберусь с ней.

— Виндзор, — начинаю я с предупреждающими нотками в голосе. Он смотрит на меня в ответ с мрачным выражением лица, которое быстро превращается в голод, на который реагирует моё тело, даже если мой мозг восстаёт против этого. — Что ты сделал?

— Я разместил личные сообщения Илеаны Харпер на странице Бекки в Facebook Бекки... — он снова замолкает, когда Бекки Платтер пронесется мимо нас, едва взглянув в нашу сторону. — Как я говорил, Бекки столкнула её с лестницы, и бедная Илеана приземлилась грудью вперёд. Я думаю... ты бы не сказала лопнул... — Винд щелкает пальцами и улыбается мне, в то время как Миранда изумлённо смотрит на него. — Я думаю, ты бы назвала это *взрывом*. Её грудной имплантат лопнул. Я знаю, что ты ненавидишь насилие, но, честно говоря, даже я не смог бы предсказать исход.

— Её грудь... взорвалась? — спрашиваю я, а затем отчаянно вытираю руки о перед своей униформы. — Тогда к чему я только что прикасалась?!

— Ах, это? Когда они подрались у подножия лестницы, Бекки расстегнула лифчик Илеаны и сорвала его с неё. Я просто поднял его. Влага — это просто вода из бутылки, которую Бекки выплеснула на неё первой. Как ты и сказала, пусть они повесятся на своей верёвке, верно? — он пожимает плечами. — Я сам не смог бы справиться с работой лучше.

Мне почти жаль Илеану. То есть, пока я не вспоминаю, что она пыталась утопить меня, а потом заклеить. Ну и что бы она ни сказала о Бекки, должно быть, было очень плохо, раз всё так обернулось. Тем не менее, это своего рода ужасный способ уйти.

— Почему у дрянных девчонок в книгах и фильмах всегда искусственная грудь? — бормочет Миранда себе под нос, протягивая два пальца, чтобы коснуться своей головы сбоку. — Это похоже на то, что каким-то образом демонизация женщин тем, что они осмеливаются следовать патриархальным идеалам красоты и женственности, каким-то образом удовлетворяет массы?

— Или же... она упала с лестницы и приземлилась на грудь после того, как Бекки прочитала, что Илеана намеренно шпионила в домашнем офисе Платтеров и слила конфиденциальные документы, касающиеся семейного бизнеса. И это тоже. — Виндзор делает паузу, выдыхает, а затем поднимает ладони к каменному потолку. — Я не из тех, кто судит о везении, но я также чувствую, что всё ещё в долгу перед тобой, Марни. Жди этого. У

меня есть для тебя другие идеи. — Он быстро целует меня в щеку, затем медленно, томно целует в губы, а затем встаёт, чтобы поправить свой чёрный галстук и блейзер.

Когда он уходит в этот раз, я знаю, что он замышляет что-то нехорошее.

И что его не-хорошесть... на самом деле ему очень идёт.

За неделю до зимних каникул я отчаянно пытаюсь совмещать учёбу, беспокойство за Чарли и последний из моих планов мести перед окончанием занятий. Кроме того, я очень стараюсь, чтобы у меня не случился сердечный приступ, потому что в моём почтовом ящике с полдюжины электронных писем, которые только и ждут, чтобы их открыли.

Одно из них — из Борнстедского университета, расположенного в северном Колорадо, университете моей мечты.

Всё, что я выстрадала, всё, ради чего я работала... всё сводится к этому моменту, не так ли? Этот единственный, последний момент.

— Я не могу этого сделать. — Я отодвигаю планшет в сторону и закрываю лицо руками. Я вся дрожу. — Я не могу на это смотреть. Кто-нибудь другой откройте его.

— Не-а, детка, — говорит Зейд, усаживая меня к себе на колени и утыкаясь лицом в местечко между моей шеей и плечом. — Ты надрывала свою задницу ради этого. Мы не можем отнять у тебя эту славу.

— Ты не можешь, но я могу, — говорит Крид, беря планшет и постукивая пальцем по первому из электронных писем.

— Ты говоришь «слава», но... — моё сердце замирает, когда я представляю, как читаю письма с отказом одно за другим. Я осталась в Бёрберри, несмотря на весь ужас, потому что хотела получить как можно лучшее среднее образование. Хорошая средняя школа означает хороший колледж, хороший колледж означает хорошую работу, хорошая работа означает... Я смогу позаботиться о Чарли до конца его жизни, обеспечить ему хорошую пенсию. Я всегда обещала, что куплю ему в подарок скоростной катер, когда ему исполнится шестьдесят. — Возможно, всё обернётся сердечной болью.

На самом деле я говорю это лишь наполовину серьёзно, потому что, несмотря на то, что я беспокоюсь о Борнстедде — это *самый* престижный университет в этой половине Соединённых Штатов — я знаю, что куда-нибудь поступлю. Если мои планы сработают, я произнесу прощальную речь (извини, Тристан, но ты можешь поприветствовать меня своим поздравлением), и мне практически гарантировано место в большинстве четырёхлетних университетов.

— Это от Брауна... — Крид замолкает, его голос напряжён. — Это отказ.

Зейд напрягается, обнимая меня, и я чувствую, что мой обед вот-вот встанет у меня в горле.

Нет.

Ни за что на свете.

Браун должен... это должно было быть верным решением. Я оборачиваюсь и вижу, что Крида трясёт, когда он смотрит на экран, его глаза полуприкрыты и отяжелели, но лицо такое напряжённое, что кажется, он мог бы укусить, и это было бы *больно*.

— Этого не может быть, — шепчет он, выбирая следующее электронное письмо. — Блядь. — Мне не нужно быть экспертом в языке ленивых плохих парней, чтобы знать, что слово «блядь» примерно переводится как *отказ*. — Нет. Как...

— Получены письма о досрочном зачислении, — мурлычет Харпер, неторопливо подходя к нам и щекоча пальцем светлые волосы Крида. Он так сильно шлёпает её по руке,

что раздаётся громкий треск, из-за которого вся студенческая гостиная замолкает. Единственный шум в этой комнате — это постукивание игрушечного поезда по рельсам вокруг рождественской ёлки. — Я надеюсь, тебе понравятся твои результаты, Работяжка. Я оказала кое-какие услуги, такие же, как и твой маленький друг. Но разница между Кэбот и Дюпон в том, что деньги не всегда так притягательны, как хорошая игра в гольф со старыми друзьями.

— Ты ёбаная змея, — огрызается Крид, вставая так быстро, что Айпад падает на пол. Он хватается Харпер за галстук и притягивает к себе. Это движение не стирает ухмылку с её лица, но ропот в гостиной возобновляется. — Я должен был, чёрт возьми, догадаться.

Харпер отталкивает руку Крида от себя и отступает назад, позволяя своим глазам встретиться с моими.

— Я слышала, у них в Круз-Бэй есть отличный государственный колледж. Я уверена, ты отлично вступишь в остальную деревенскую шваль. — Крид собирается толкнуть Харпер, но я подхожу ближе и обхватываю пальцами его руку, чтобы удержать, Зейд поддерживает нас обоих сзади. Я знаю этих парней. Они выбьют всё дерьмо из Харпер Дюпон, если им представится такая возможность, независимо от её пола.

— Она того не стоит, — говорю я, пытаюсь сдержать этот прилив опустошения. *Я осталась в этой академии, я страдала, и ради чего?* Конечно, я знаю, что за три с половиной года пребывания здесь я получила больше, чем просто хорошее образование. Миранда и Эндрю, они из тех друзей, которых можно сохранить на всю жизнь. А парни... парни... — Отпусти её. У меня на неё другие планы.

— А знаешь? — спрашивает Харпер, пяясь к двери. — Я хотела бы их увидеть. Я уже начала подумывать, не потерял ли котёнок свои коготки. — Она скручивает пальцы в мою сторону и отмахивается, прежде чем скрыться в вихре кроваво-красных волос и чёрных юбок.

Я медленно наклоняюсь и поднимаю Айпад с пола, сажусь на диван, положив его себе на колени. Зейд и Крид занимают места по обе стороны от меня. Благодаря невероятной эффективности «поезда сплетен Бёрберри» другие Идолы знают, что случилась беда, и через несколько минут все уже там, собрались вокруг меня.

— Это все отказы? — спрашивает Виндзор, крепко сжав челюсти. — Точно? Я думал, мы работали над этим?

— Так и было, — выдыхает Крид, и я понимаю, сколько усилий приходится прикладывать этим парням, чтобы сохранить мою жизнь нормальной. — Моя мама, она... Я сказал ей, как это важно.

— Я попала в Борнстед, — шепчет Миранда, поднимая свой планшет, чтобы я могла видеть. — Я поднималась сюда, чтобы показать тебе. Если я поступила, то, держу пари, ты тоже поступила. Ты не думаешь, что Харпер остановила бы меня, если бы могла?

— Вы все поступили? — спрашиваю я, и Крид с Зейдом обмениваются взглядами поверх меня.

— Открой электронное письмо, — подбадривает Зак, в то время как Тристан скрещивает руки на груди и наблюдает за происходящим стоическим взглядом. Я облизываю нижнюю губу, а затем, просто потому, что хочу наказать себя ещё больше, просматриваю остальные три письма. Все они начинаются «*Благодарим за ваше заявление, однако...*» Все.

Борнстед — последний, он находится в верхней части списка, эта издевательская строка текста на экране моего планшета. Я колеблюсь мгновение, а затем решаю, что если я

собираюсь пройти через эту боль, то с таким же успехом могу сделать это здесь, в окружении своих друзей.

Я нажимаю на электронное письмо и чуть не задыхаюсь.

На глаза наворачиваются слёзы, и я стискиваю планшет, прижимая его к своей груди.

— Что? Ну что там? — спрашивает Крид, его полуприкрытые глаза широко открываются. Они выглядят как блюдца на его бледном красивом лице. — Что, блядь, там было написано?

Я тоже на мгновение закрываю глаза, чтобы перевести дыхание, а затем снова сажусь, тяжело дыша, с колотящимся сердцем. Сначала я поворачиваюсь к Криду, и он приподнимает брови.

— Я сделала это. Я в деле. Я поступила. *Я поступила.*

Его рот открывается в шоке, когда Миранда визжит, и вскоре я оказываюсь на коленях у Крида. Он, конечно, ленивец, но, когда хочет, действует молниеносно. Его губы на моих, и он целует меня с медленным, ленивым совершенством, пока Зейд не прочищает горло и не выводит нас обоих из оцепенения.

— Итак, близнецы поступили, я поступил... — он оглядывает остальную группу.

— Я уже говорил вам, миледи, что последую за вами на край света. Конечно, я поступил. Если, конечно же, вы меня примете. — Виндзор пожимает плечами, странные золотые погоны, которые он прикрепил к своей униформе, мерцают, когда он пожимает плечами. Конечно, ему приходится нарушать суровый характер формы четверокурсника с золотыми нашивками на плечах. Он не был бы Виндзором Йорком, если бы не сделал этого.

— Я играю в футбол за Борнстед, это официально, — говорит Зак, но Эндрю качает головой.

— Я буду скучать по вам, придурки, но я собираюсь в Стэнфорд. Извините. — Он слегка съёживается и складывает руки в молитвенную позу. — И это не потому, что Гэри собирается туда, так что не верьте слухам. Я всегда знал, что мы были чем-то временным. На самом деле, я случайно отправил электронное письмо этому парню, который ходит в Академию Адамсона для мальчиков... *теперь* это может быть кстати.

— Ты продолжишь общаться с этими интернет-чудаками, и однажды кто-нибудь из них расчленил тебя, — предупреждает его Миранда, но я так счастлива, что плачу. По моему лицу в буквальном смысле текут слёзы, и я не могу их остановить.

Я внезапно встаю, и все замолкают. Я смотрю прямо на Тристана, но он ничего не говорит. Ему и не нужно этого делать. Я знаю, что он поступил. Вопрос в том, собирается ли он поехать со мной в Борнстед... или куда-нибудь ещё? Может быть, куда-нибудь с Лиззи?

Мой разум цепляется за информацию о его отце, о возможности вернуть себе отца и о состоянии, увеличенном новой невестой его отца... Мой взгляд ненадолго задерживается на Заке, и он встречает мой пристальный взгляд в упор. Там тоже есть семейные проблемы, с которыми я хочу разобраться.

Но сначала...

— Время попкорна и кино, моя комната. Мы можем завалиться на мою кровать все вместе.

— И чая, — добавляет Виндзор, поднимая палец. — Пожалуйста, не забывай.

Все встают и шаркающей походкой направляются к двери, смеясь, разговаривая... Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я заметила в жизни, что, когда что-то кажется таким, обычно для этого есть причина.

— Ты ведь не собираешься в Борнстед, да? — я спрашиваю Тристана, но он просто смотрит на меня так, словно чего-то ждёт.

— Это то, чего бы ты хотела, Черити? Это сделало бы тебя счастливой?

— Откуда у тебя этот синяк под глазом? — спрашиваю я, уклоняясь от его вопроса. В любом случае, это кажется слишком личным, чтобы отвечать, и я клянусь, у нас, вероятно, есть всего около тридцати секунд, прежде чем Миранда вернётся сюда и накричит на меня за то, что я слишком задерживаюсь. — Во время осенних каникул, где...

— Я всё знаю о своём фингале; мне не нужно, чтобы ты мне его описывала. — Он протягивает руку и прикасается к своему лицу в напоминание. Я хмурюсь, но знаю, что быть придурком — это его практический способ самообороны. — И ты лучше, чем кто-либо другой, прекрасно знаешь, кто меня им наградил.

— Твой отец? — Тристан пожимает плечами и отворачивается. Я делаю шаг к нему, на губах у меня вертится вопрос, который, я знаю, мне не следует задавать, но я не могу удержаться, и тогда...

На этот раз на деле это Зейд врывается, чтобы приставать к нам.

— Давай, Черити, пришло время праздновать, — Зейд подхватывает меня на руки и выносит за дверь и вниз по ступенькам.

Мы направляемся в моё общежитие и заходим внутрь, всем подают чай, и начинается фильм.

Проходит почти десять минут, прежде чем раздаётся стук в дверь, и Зак встаёт, чтобы открыть. Не говоря ни слова, Тристан заходит внутрь и присоединяется к нам.

Теперь издевательства и закулисные манипуляции со стороны Харпер — это ожидаемо.

Но видеть короля школы в моей комнате, поедающим попкорн?

Это потрясение на всю жизнь.

Чтобы отпраздновать моё поступление в Борнстед, мы с папой первым делом отправляемся за вафлями. Ему приходится взять с собой большую порцию травки, прежде чем мы уходим, потому что у него проблемы с едой. Или, скорее, он говорит, что ему просто не очень хочется есть.

Я безумно скучала по нему, и, сидя напротив него на вокзале, я чувствую этот нескончаемый страх, который овладевает каждой клеточкой моего тела и не отпускает. Мои мечты разбогатеть и поселить папу в особняке, чтобы он наслаждался своей пенсией, сейчас кажутся кучей дерьма, наивной прихотью защищённой девочки.

Чарли... он умирает.

Этот прилив чувств почти непосилен для меня, но ради папы я подавляю все их и прячу подальше. Позже они поднимут свои уродливые головы и укусят меня за задницу, я просто знаю это.

— Мы можем поговорить? — спрашиваю я его позже тем же вечером, когда он сидит на диване и потягивает горячий шоколад со взбитыми сливками, посыпанный сверху красной и зелёной посыпкой. Я развешиваю украшения, но у меня дрожат руки. Я скрываю свои эмоции от Чарли, возвращаясь к сладкому аромату сосны и покрытых соком веток. Все ребята в городе — и я не думаю, что это случайность. Нет, это определённо сделано специально.

Либо они хотят быть ближе ко мне..., либо им меня жаль. Я не могу решить. Но, честно говоря, я рада, что они приехали в Круз-Бей на зимние каникулы. Знать, что у меня есть люди на случай, если мне понадобится поддержка — это бесценно. Текстовые сообщения — это хорошо, видео-чат — ещё лучше, но нет ничего лучше, чем держать за руку того, кого любишь.

Это незаменимо.

Слёзы щиплют мне глаза, но я продолжаю развешивать украшения, вытаскивая одно за другим из коробки. Там есть глазированный керамический круг с фотографией меня в младенчестве, баюкающейся на руках у папы. Там он выглядит совсем другим человеком, у него гладкая кожа, полные щёки, рот приподнят в искренней улыбке. Я чуть не теряю самообладание, когда вижу это украшение.

— Конечно, Мишка-Марни, о чём хочешь поговорить?

Я оглядываюсь через плечо и задаюсь вопросом, стоит ли вообще поднимать этот вопрос. Дело в том, что я должна знать. И я полагаю, что Чарли Рид — единственный человек, который, возможно, захочет сказать мне правду.

— Изабелла, она... — папа замолкает, не донеся кружку с горячим какао до губ. — Она твоя дочь?

Наступает долгое напряжённое молчание, настолько сильное, что я задаюсь вопросом, собирается ли он вообще мне отвечать.

— Почему ты так подумала, милая?

Я вешаю специальное украшение на верхушку ёлки, прежде чем обернуться, одетая в пушистую фланелевую пижаму, из-за которой, я уверена, парни вышли бы из себя. Если им понравилась пижама утки, что ж, эта пижама с оленями и гигантскими рогами на капюшоне может серьёзно раскатать их лодку.

— Она действительно похожа на тебя и на меня. И когда я вошла после уроков в прошлом году, ты плакал. Я знаю, ты сказал, что просто рад, что я наконец-то встретила свою сестру, но это нечто большее, так ведь?

Папа отводит взгляд, как будто ему невыносим этот разговор.

— Я не знал, — шепчет он сдавленным голосом, таким напряжённым, что я внезапно чувствую себя тварью. Я никогда не должна была поднимать эту тему, только не когда он в таком состоянии. Он оглядывается на меня, лицо его решительно хмурится. — Я не знал, что она моя, иначе я бы... Я бы не позволил Дженнифер разлучить нас.

— Я знаю это, — выдыхаю я, подходя и садясь рядом с ним. Я наклоняюсь ближе, и он обнимает меня одной рукой. — Ты любишь своих детей больше всего на свете. Поверь мне, я непревзойдённый эксперт в этом вопросе. — Чарли смеётся, но это заканчивается приступом кашля, из-за которого носовой платок, которым он пользуется, усеян красными пятнами. Так совпало, что это тот самый носовой платок, который Тристан подарил мне в первый день третьего курса. — Ты в порядке? — шепчу я, но Чарли только качает головой и отмахивается от меня.

— Марни, я хочу, чтобы у тебя были нормальные отношения с твоей матерью. И с твоей сестрой тоже. Таким образом, когда я уйду...

— Не надо, пожалуйста, — злюсь я, внезапно садясь и проводя руками по лицу. — Пожалуйста, не говори так.

— Марни, есть разница между тем, чтобы оставаться позитивной и прятать голову в песок. Ты знаешь, что я люблю тебя, милая, и, если бы я мог, я был бы рядом с тобой, пока не состарюсь и не поседею. Однако иногда вселенная не даёт нам того, чего мы хотим.

— Новая малышка, Марли, она тоже твоя? — я бросаю взгляд на Чарли, но он просто качает головой.

— Я не знаю. Дженнифер, кажется, так думает, но мы не знаем наверняка. На данный момент это не имеет значения. На самом деле, нам лучше этого не знать.

— Как ты можешь так говорить? — шепчу я, чувствуя, что начинаю ломаться. Я стараюсь оставаться сильной, но иногда даже у самых выносливых из нас бывают переломные моменты. — Если она твой ребёнок, ты имеешь право знать. Она имеет право знать. Ты лучший отец, чем тысяча Адамов Кармайклов. Его деньги не делают его хорошим человеком или отцом, и ты это знаешь.

— Для неё же лучше иметь молодого, здорового отсутствующего отца, чем вообще не иметь отца. Марни, я тоже это ненавижу. Правда. Но что хорошего будет в том, чтобы разрушить их семью? Изабелла любит мужчину, которого всегда считала своим отцом, и о ней хорошо заботятся. Дженнифер тоже, и Марли тоже. Теперь у тебя там есть жильё, и...

— Я люблю тебя, но я устала, — выпаливаю я, обрывая разговор и вставая, чтобы поцеловать Чарли в лоб. Я не могу справиться со стольким сразу, не сломавшись. — Хочешь, я помогу тебе лечь в постель?

Он смеётся, но в этом звуке в равной степени смешаны и меланхолия, и веселье.

— Я всё ещё могу уложить себя в постель, Мишка-Марни, не волнуйся. — Я помогаю ему подняться с дивана, и он ещё раз обнимает меня перед сном. — Подумай о том, что я сказал, хорошо? Иногда всё не идеально, но мы делаем всё, что в наших силах, с тем, что у нас есть.

Он направляется по коридору и закрывает за собой дверь.

Я опускаюсь на пол перед рождественской ёлкой и смотрю на то украшение, слёзы

текут по моему лицу. Через некоторое время я больше не могу этого выносить. Я достаю свой телефон и отправляю сообщение Заку, выскальзывая через парадную дверь, чтобы встретить его, когда он подъезжает на своём оранжевом «Макларене».

— Я никуда не смогу поехать, я не хочу оставлять его одного, но я не могу этого вынести. Зак, я не могу. Я не могу просто сидеть здесь и смотреть, как он умирает.

Зак заключает меня в объятия и притягивает к себе, прижимая так крепко, что на мгновение я чувствую себя защищённой от всего уродства этого мира. Насколько это странно? Парень, который когда-то был источником большей части моей тьмы, теперь стал светом, который прогоняет её прочь.

— Ты сможешь, Марни, ты достаточно сильна для этого. И если по какой-то причине ты почувствуешь, что колеблешься, я буду для тебя этой силой. — Я прячу лицо под курткой Зака, пряча замерзающий кончик носа от холодного зимнего воздуха. От него пахнет грейпфрутом и свежeweыстиранной одеждой и, может быть, немного яблочным сидром и корицей.

— Ты пахнешь Рождеством, — шепчу я, закрывая глаза. Зак гладит меня рукой по затылку, запуская пальцы в мои волосы.

— Мои мама и сестра услышали о том, что я готовил на День благодарения, и потребовали повторить представление. Мы с нуля испекли печенье с патокой и пили сидр. — Повисает пауза, и Зак выдыхает, когда я отодвигаюсь назад и смотрю ему в лицо. Он такой серьёзный и прочая ерунда, пока не замечает олени рога на моем капюшоне. — Ты... нарядилась в Рудольфе? — он натягивает капюшон мне на голову, а затем наклоняется, чтобы взглянуть на меня своими тёмными, задумчивыми глазами.

— У Рудольфа был бы красный нос, — ворчу я, протягивая руку, чтобы потереть свой собственный. — Он уже достаточно красный? Потому что я серьёзно думала, что просто вырядилась как Блитцен... или что-то в этом роде. (*прим. Блитцен — ещё один олень из упряжки Санта Клауса*)

Зак смеётся, этот низкий, мягкий, приятный звук так не сочетается с его большими, широкими плечами и внушительным взглядом, что я улыбаюсь. Несмотря ни на что, я действительно улыбаюсь.

— Давай зайдём внутрь, пока у тебя нос не начал пылать. Как бы это ни было мило, я лучше побуду с тобой, чем буду смотреть, как Санта запрягает тебя в свои сани.

— Ты всё ещё веришь в Санту, да? — спрашиваю я, когда Зак открывает передо мной входную дверь и вводит меня внутрь. Нежный шёпот рождественских гимнов доносится из кухни, а громкий храп Чарли эхом разносится по коридору. Его храп раньше доставал меня настолько, что иногда я спала с затычками в ушах или закрывала лицо подушкой. Но теперь... Хотела бы я вечно засыпать под это медвежье ворчание.

— Да. А кто нет? Ты хочешь пригласить Крампуса, чтобы он посеял хаос? — я направляюсь в свою комнату, но вместо этого Зак тянет меня на кухню. — Ты не возражаешь? — спрашивает он, указывая на холодильник, и я киваю, замечая эту маленькую, но важную разницу между ним и Виндзором.

Принц просто вальсирует вокруг, как будто ему принадлежит весь мир. Он открывает шкафы и холодильники, даже не подумав спросить. Мне нравится это в нём, но мне также нравится, что Зак, по крайней мере, научился некоторому смирению. Границы других людей теперь действительно что-то значат для него.

— Вперёд. — Я наблюдаю, как Зак собирает ингредиенты по всей кухне и раскладывает

их на столе. — Ты ещё веришь и в Крампуса, да? Ужас.

— Такой ужас. Но не так ужасно, как эпические драки между моим папой и дедушкой. — Зак достаёт свой телефон, просматривает рецепт и откладывает его в сторону, прежде чем подойти к раковине, чтобы вымыть свои большие руки. Мм-м. Футболист, богатый мальчик, печёт рождественское печенье у меня дома в полночь в Канун-канун Рождества — канун-канун, то есть за день до сочельника. Может быть, я единственный человек в мире, который называет это канун-канун?

— Из-за чего они поссорились на этот раз? — спрашиваю я, когда Зак тянет меня вперёд и вкладывает яйцо мне в руку. На кухонной стойке стоит бутылка патоки, так что я предполагаю, что мы воссоздаём то же печенье, которое он готовил со своей семьёй. В доме не горит ни одна лампа, только разноцветные огоньки на ёлке и одинокие белые огоньки, обёрнутые гирляндой над раковиной.

«Мой дом, моя раковина», — напоминаю я себе, и мои губы изгибаются в сдержанной улыбке. Последнее, в чём нуждался папа — это стресс от переезда или властный домовладелец. *Харпер Дюпон пойдёт ко дну, и пойдёт активно.* Когда я доберусь до неё, весь мир узнает.

— Самые разные вещи. Я имею в виду, там были обычные вещи: политика, религия, что угодно. Они затеяли жаркую словесную перепалку из-за того, должно ли блюдо из сладкого картофеля, которое я приготовил, быть с зефиром или нет. Вот тогда-то я и понял, что дела идут плохо. — Низкий, рокошущий голос Зака звучит как дома в этом крошечном пространстве. Хотя он немного похож на гиганта на кухне карлика, он превосходно занимает пространство, как будто ему там самое место, несмотря ни на что.

Я разбиваю яйцо в миску и выбрасываю скорлупу в мусорное ведро. Я не собираюсь рассказывать папе о доме, по крайней мере пока. Если я это сделаю, тогда мне придётся объяснить, почему Виндзор купил мне дом, чтобы это не прозвучало так, будто я живу в какой-то подростковой версии «Пятидесяти оттенков серого», типа «*О, мистер сексуальный мужчина, мне нравится, что вам принадлежит дом, в котором я живу*». Контролируй меня, доминируй надо мной. Бе-е-е. Я начинаю дрожать, когда думаю о принце, трахающем меня в сарае. Да, нет, будет лучше, если я просто не скажу папе, пока он... пока он снова не поправится.

— Они поссорились из-за нас с тобой? — спрашиваю я, и Зак отвечает не сразу, перемешивая сухие ингредиенты, а затем протягивает руку, чтобы провести по лбу, намазывая его мукой.

— Они оба видят во мне своё наследие, свою пешку, какую-то фигуру, которую можно передвигать по доске. — Мы с Заком смешиваем наши миски, и вскоре у нас получается сладко пахнущее, липкое тесто, которое Зак кладёт в морозилку, чтобы оно немного застыло. Когда я подхожу к раковине, чтобы вымыть руки, он подходит сзади и обнимает меня, помогая вычистить тесто из-под ногтей. — Они хотят, чтобы я женился на Киаре Сяо.

— Девушка которую Тристан... — начинаю я, но это воспоминание сейчас слишком сильно. Я не могу с этим справиться. — Нет.

— Нет, — выдыхает Зак, выключая раковину и притягивая меня к себе. — Она мне не подходит.

— Да, потому что она испорченное отродье, которое так хорошо ладит с Гарпиями, что я не могу отличить её когти от остальных. — Я поворачиваюсь так близко к Заку, что выпуклости моей груди задевают его грудь. Держу пари, я выгляжу довольно нелепо в своём

наряде, но не он. Он вовсе не выглядит нелепо, он просто... великолепен, как с обложки какого-нибудь спортивного журнала. Это его нижняя губа, которая действительно действует на меня, такая полная и спелая. Мой большой палец поднимается сам по себе и обводит его форму. Зак вздрагивает и вздыхает от моих прикосновений, как будто мне каким-то образом удалось поработить его.

— Ну, всё это, а также... потому что она — это не ты. — Он пожимает плечами и отходит от меня, как будто пытается избавиться от напряжения между нами. Не уверена, почему. Разве он не знает, что я собираюсь попросить его остаться на ночь? — Ты могла бы оставить тесто на ночь в холодильнике, а утром испечь его, чтобы печенье было свежим.

— Я могла бы это сделать, — киваю я, складывая свои покрытые коричневым мехом руки на груди, покрытой таким же коричневым мехом. — И ты мог бы попытаться улизнуть утром, прежде чем папа узнает, что ты здесь? — я поднимаю взгляд на лицо Зака и наблюдаю, как его напряжённое выражение немного смягчается.

— Ты уверена, что всё ещё хочешь меня после Зейда и Виндзора? — он замолкает, слегка хмурясь. Мне не нужно было рассказывать ребятам о себе и Виндзоре, потому что, ну, Винд сделал это за меня до того, как у меня появился шанс. А потом я прыгнула в бассейн и оставалась под водой ровно столько, чтобы заставить их всех поволноваться. Но совсем чуть-чуть. Немного беспокойства — это весело. От слишком большого количества у меня болит живот.

— Почему ты думаешь, что я бы этого не хотела? — спрашиваю я, и Зак качает головой, проводя пальцами по волосам.

— Не знаю. Я имею в виду, как долго ты на самом деле хочешь терпеть всех нас? — он смотрит на меня так, словно уверен, что я не выберу его, как будто наше время вместе недолговечно.

— Так долго, как только смогу? — отвечаю я, а затем наклоняюсь и беру его за руку, увлекая в спальню и закрывая за нами дверь.

Мне нужно прибраться на кухне, но это может подождать до утра.

Сегодня вечером я позволяю Заку расстегнуть молнию на моём костюме северного оленя и снять его с меня первым.

Когда я просыпаюсь позже, Чарли всё ещё спит, Зака нет, а на кухне чертовски чисто.

— Я не понимаю, почему я должен продолжать стараться, — растягивает слова Крид, небрежно указывая в мою сторону, когда он раскладывает своё бескостное тело на одном из кожаных кресел в библиотеке. — Меня уже приняли в университет. Какое значение теперь имеют мои оценки?

Я скрещиваю руки на груди и бросаю на него свой самый суровый взгляд.

— Во-первых, неужели ты совсем не гордишься своей академической работой? И, во-вторых, это действительно *имеет* значение. Университет *рассмотрит* твои оценки за последний семестр и твой рейтинг в классе. Миранда уже пообещала мне, что ты поедешь в Борнстед. Не разочаровывай меня сейчас, Кэбот.

— О, властная, властная, властная, — растягивает он слова, перекидывая одну ногу через подлокотник кресла и глядя на меня из-под полуприкрытых век. Его взгляд скользит по мне в моей полностью чёрной униформе, отмечая каждый изгиб. Когда я сажусь на другой подлокотник кресла, моя юбка задирается, и Крид успевает мельком взглянуть на мои подвязки под ней. — И настолько же сексуальная, насколько властная. — Его пальцы танцуют по верхней части моего бедра, щёлкая одним из ремешков на моей бледной плоти. Я дрожу, но мне удаётся сохранять твёрдость.

— Тебе нужно подготовиться к этому тесту по математике.

— Я бы предпочёл изучить тебя, — мурлычет Крид, усаживая меня к себе на колени. Запах его чистого белья и мыла опьяняет, и я ловлю себя на том, что мои руки играют с пуговицами на его рубашке, хотя я знаю, что должна была бы побудить его взглянуть на задание, которое раздала мисс Данебо.

— Почему? Что ты хочешь узнать?

— Почему тебе так нравятся эти комиксы «мальчик на мальчике»? У тебя есть тайные фантазии, о которых ты мне не рассказывала?

— Да, я бы хотела, посмотреть на тебя под Тристаном Вандербильтом, но этого не произойдёт. А вот что *произойдёт*, если ты не будешь учиться, так это то, что я поеду в колледж с твоей сестрой, а ты отправишься домой, чтобы отсыпаться на год в Хэмптоне.

— Ты поедешь без меня? — спрашивает он, вздыхая и скользя пальцами вниз по ряду пуговиц на моей блузке, расстёгивая несколько из них. Просвечивает кружево моего темно-синего лифчика, и я резко втягиваю воздух, когда Крид проводит кончиком ногтя по зубчатым краям. Его льдисто-голубые глаза поднимаются на мои, и в них танцует изысканная жестокость. Он знает, как сильно это меня цепляет, и ему это нравится. Я непроизвольно ёрзаю у него на коленях, и Крид хмуро смотрит на меня. — И ты по опыту точно знаешь, что такого рода движения делают с моим членом.

— Так чертовски грубо, — бормочу я, заставляя себя встать и увеличить расстояние между нами. Если я этого не сделаю, то закончу тем, что буду заниматься в библиотеке вещами, которые наверняка попали бы в моё постоянное досье, если бы меня поймали. — Но мне это нравится, — бросаю я через плечо, неторопливо удаляясь и наслаждаясь разочарованным стоном Крида, когда он заставляет себя подняться и следовать за мной.

— Куда ты направляешься? — спрашивает он, когда я выхожу из дверей библиотеки и иду по каменному коридору.

— Если ты не хочешь учиться, у меня сегодня есть другие дела. — Я лезу в карман и

достаю свой изменённый список. Илеана, похоже, не собирается возвращаться в академию, и не из-за всей этой истории с лопнувшей грудью. Почти уверена, что между ней и Бекки есть трещина, которая никогда не заживёт.

Месть Голубокровным из Бёрберри

Список Марни Рид

Гарнии: Харпер Дюпон, Бекки Платтер и Илеана Тайттингер

Компания: Эбигейл Фаннинг, Валентина Питт, Мэйлин Чжан, Джеален Доннер и Киара Сяо

Ебучая четвёрка — Харпер, Бекки, Эбигейл и Валентина — оказалась самой тяжёлой. Я имею в виду, просто подумайте, например, об Эбигейл: Тристан уничтожил её в казино, я предоставила её парню доказательства её неверности, и она узнала, что Харпер всё это время трахалась с Грегом за её спиной. И всё же она по-прежнему стоит. Этого недостаточно, ни в коем случае.

Конечно, лишение девушек их статуса Голубокровных было впечатляющим, но это ещё не всё.

На данный момент я перешла к более лёгким целям: в частности, к Мэйлин Чжан.

Она всегда гордилась своими школьными успехами, как и мы с Тристаном. На самом деле, она часто входит в пятёрку лучших во всей академии. И всё же теперь у меня есть доказательства того, что она использовала так называемый мозаичный плагиат при написании многих своих эссе, включая то, за которое она получила награду в прошлом году.

Мозаичный плагиат — это когда человек использует общую идею или структуру сюжета и просто находит синонимы или альтернативные фразы для оригинальной работы автора, сохраняя при этом тот же смысл и структуру произведения, из которого он ворует.

Доказать это сложнее, чем прямой плагиат, то есть прямое копирование и вставку. Но это возможно, и я собираюсь это сделать. Извините, но одно дело использовать общие темы или тропы в произведении, и совсем другое — буквально создавать новое произведение по образцу существующего.

Чёртова Мэйлин пойдёт ко дну.

— Ты что-то задумала, не так ли? Я практически чувствую этот запах. — Крид складывает руки за головой, наблюдая за мной с любопытством и немалой долей ликования. Он любит убивать, как и все остальные. — Могу я спросить, на ком именно ты сегодня сосредоточил своё око мести?

— Мэйлин, — отвечаю я, зная, что её родители здесь, чтобы прогуляться по кампусу с младшей сестрой Мэйлин. Из-за предыдущих проблем с издевательствами здесь, в академии, они всерьёз рассматривают возможность отправить свою младшую дочь в Подготовительную Школу Ковентри. Директор Коллинз тоже будет с ними. Должно получиться хорошо.

— Превосходно. Ещё один безликий лакей валяется в пыли. Но когда мы узнаем громкие имена? Это то, чего я с нетерпением жду.

— Я держу Харпер под контролем, — говорю я, понимая, насколько нелепо это звучит, учитывая её недавнюю атаку на мои заявления в колледж. — Бекки... В ней я не уверена.

— Я думаю, Зейд работает над Бекки. Знаешь, ему кажется, что Виндзор слишком легко отпустил Илеану с крючка. И я думаю, что он ревнует к принцу.

— Зейд ревнует? — спрашиваю я, бросая взгляд на Крида. — Зейд — бог рока — ревнует? — Крид пожимает плечами, и я прищуриваю глаза. — Только Зейд, да? Больше

никто.

— Нет, определённо нет, — отвечает он, приподнимая брови, а затем мило улыбается, когда мы проходим мимо миссис Коллинз. — Добрый день, госпожа директор.

— Мистер Кэбот, — отвечает она, искоса поглядывая на нас с немалой долей подозрения. Не могу сказать, что я виню её, учитывая послужной список Крида.

Чжаны медленно катят коляску по дорожке и обсуждают с директором достоинства академии Бёрберри. Я притворяюсь, что роняю ручку, пригибаюсь, а затем засовываю пачку бумаг в отделение для хранения под ней, прямо рядом с пакетом для подгузников. Сейчас, когда я стою здесь, это кажется немного разочаровывающим, но мне пришлось потратить на это часы исследований, выявляя сходство между эссе Мэйлин и всеми теми, из которых она что-то украла.

Если бы она не украла одно из моих эссе, я бы, возможно, никогда не узнала.

Я уже сунула конверт из плотной бумаги с теми же бумагами в почтовый ящик для сотрудников миссис Коллинз.

Нет ничего, что академия ненавидит больше, чем академические скандалы. Помните, что чуть не случилось со мной? Я уверена, что об этом позаботятся незаметно.

— Это было тонко, совсем на тебя не похоже, — говорит Крид, когда я снова смотрю на него.

— Я приберегаю всю пышность и обстоятельства для бывшей королевы Идолов, — отвечаю я, выдыхая и проводя пальцами по волосам. Они так сильно отрасли. Я пытаюсь решить, хочу ли я снова все это отрезать, или действительно пришло время их отрастить. Я бросаю взгляд на Крида и замечаю, что его глаза сверкают. — И ещё я просто надеюсь, что проживу достаточно долго, чтобы окончить школу.

Крид и я оба остаёмся, оглядываемся и видим Харпер, проводящую свой тёмный суд в одной из беседок. Она оглядывается на нас, сидя на коленях у какого-то крупного парня, которого я не узнаю. Я думаю, он учится на втором курсе. Она выставляет мне средний палец на показ, и мы продолжаем идти вместе, поворачивая назад, чтобы направиться к дверям часовни.

— Мы так близки, Марни, — шепчет Крид, но, несмотря на то, что я рада наконец-то выбраться отсюда, сбежать от дрянных девчонок, начать новую жизнь в университете Борнстеда, я всё же боюсь этого. Потому что с каждым днём Чарли становится всё хуже. С каждым днём я становлюсь всё ближе к принятию решения, которое не хочу принимать.

Выбрать между подлыми богатенькими парнями.

Я бы предпочла сражаться с Гарпиями до конца вечности.

— Если ты настаиваешь на том, чтобы учить меня математике, я соглашусь — при условии, конечно, что ты будешь сидеть у меня на коленях, пока я учусь. Так я лучше всего учусь, с гигантским стояком, засунутым в мои брюки.

Я прижимаю ладонь к лицу и качаю головой, но его грубость каким-то образом освежает. Это лучше, чем букет лжи, не так ли?

— Давай, извращенец, и я научу тебя нескольким формулам. — Я беру его за руку и тяну обратно в здание до того, как начинают падать первые хлопья зимнего снега.

Приятно быть в школе, учиться как сумасшедшая и работать, чтобы поддерживать свои оценки на высоком уровне, чтобы я могла претендовать на как можно больше стипендий. А также надрать задницу Тристану и стать лучшей в классе.

Кстати, о Тристане, мы должны были вместе работать над экономическим проектом, но

последние несколько недель он был таким чертовски раздражительным, что я едва успеваю вставить слово, прежде чем он уходит. Это чертовски неприятно — пытаться работать с кем-то, кто не хочет со мной разговаривать.

Ещё больше расстраивает, когда я пытаюсь встретиться с тем же самым, упомянутым человеком.

Я сижу в столовой с Зейдом, исподтишка наблюдая, как он пишет тексты песен на салфетке яркой красной ручкой, когда входит Изабелла Кармайкл, одетая в красную юбку и чёрный блейзер первокурсницы. Она подходит прямо к высокому столу и останавливается рядом со мной.

— Мы могли бы поговорить наедине на минутку? — спрашивает она Зейда, мило хлопая ресницами и заправляя несколько выбившихся прядей каштановых волос за ухо. Зейд смотрит на меня в поисках подтверждения, вопросительно приподнимая проколотую бровь.

— Да, конечно, — отвечаю я, думая о словах, сказанных шёпотом папой. *«Я не знал, что она моя, иначе я бы... Я бы не позволил Дженифер разлучить нас»*. Думая о том, что он сказал, и о том пари, которое Харпер бросила мне в лицо, я чувствую тошноту в животе. — Может быть, просто посидишь минутку за другим столиком?

— Ах, я понимаю, как это бывает, — говорит Зейд, вставая, а затем делает паузу, чтобы повернуться и схватить меня за лицо, обрушиваясь на меня наказывающим поцелуем, от которого я вижу звёзды. Изабелла хмуро смотрит на нас, подтыкает юбку под бёдра и садится, ожидая, пока Зейд отойдёт на несколько столиков, прежде чем повернуться ко мне и улыбнуться.

Это не очень красивая улыбка, я вам точно скажу.

— Кстати, как поживает твой парень? Или мне следует сказать... парни? Я имею в виду, я слышала от членов Королевской семьи, что тебя не просто так называли Работяжкой, но, наверное, я не хотела признавать, что делила одно чрево со шлюхой.

— Во-первых, ваши «члены королевской семьи» — не более чем смещённые деспоты. Во-вторых, позор шлюхи никому не идёт на пользу. Не делай этого. Это выставляет тебя лицемерной засранкой. — Я наклоняюсь, кладу локоть на край стола. — В-третьих... Забудь о Клубе, Изабелла. Там для тебя нет ничего, кроме неприятностей.

— Как будто ты это знаешь. Это не так, как будто бы ты была или когда-либо могла стать членом клуба.

— Виндзор Йорк сделал мне предложение. Более чем единожды. Тебе не кажется, что если бы я стала невестой принца и внезапно обнаружила, что купаюсь в миллиардах, меня бы приняли с распростёртыми объятиями?

— Так почему бы тебе этого не сделать? — спрашивает Изабелла, хлопая ладонью по столу так, что стаканы с водой дрожат. Она смотрит на меня очень знакомыми карими глазами, её губы кривятся в недовольной гримасе. — Почему, когда ты могла бы стать гораздо большим, чем это, ты настаиваешь на том, чтобы пробиваться сквозь это дерьмо?

— Брак с принцем поднял бы мой статус в твоих глазах, но надрываться изо всех сил, чтобы поступить в лучший университет, ничего не значит? — спрашиваю я, и Изабелла хмуро смотрит на меня.

— Может, у нас и общая кровь, но ты мне не сестра и никогда ею не будешь. Не испытывай на мне всё это *убейте их своей добротой* дерьмо. Оно не работает. — Она вздёргивает подбородок и откидывает назад волосы. — Я совсем не такая, как ты. Я... Кармайкл.

— Простой тест ДНК доказал бы обратное, — говорю я ей, и она встаёт, раздувая ноздри.

— Ты знаешь, я пришла сюда только потому, что мне стало жаль тебя. — Она отбрасывает свои волосы блестящей волной. — Вчера мы с подругами собирались на учёбу, и по пути мимо туалета женской часовни Шэрон объявила, что ей нужно пописать. Мы все сделали крюк, и ну. Это выглядит как нечто не очень хорошее для тебя.

— Просто выкладывай, — бормочу я, откидываясь на спинку стула и потирая висок. Разговаривая с Изабеллой, я чувствую тошноту, как будто смотрю на разрушенную иллюзию, которая теперь исказилась в зеркале «дома смеха».

— Тристан был там, ну знаешь. Он и эта девчонка Лиззи. — Мои мысли возвращаются к тому моменту, когда я обнаружила Тристана и Киару в той же ванной, и волна тошноты захлестывает меня. — Мы вошли и застали его трахающимся с твоей подругой. Тебя это не беспокоит?

— Убирайся. — Я поднимаюсь на ноги и смотрю ей прямо в глаза. — Это моя школа, моя столовая. Вон.

— Извини, что сообщаю плохие новости, но...

— Вон. Сейчас же.

Изабелла ухмыляется, и, хотя я знаю, что она делает это, чтобы подразнить меня... это работает. Она поднимается на ноги, поворачивается и неторопливо выходит из этого беспорядка, оставляя за собой дерьмо и ложь. *Сестрёнка, что, чёрт возьми, мне с тобой делать?*

Её слова пронзают меня, как нож, и я чувствую, как мои эмоции растекаются по всему полу.

— Ты в порядке? — спрашивает Зейд, запрыгивая обратно на возвышение и наклоняясь, чтобы заглянуть мне в лицо.

Мне требуется несколько вдохов, чтобы взять себя в руки, но я справляюсь с этим. Едва-едва, но я это делаю, поднимая взгляд и заглядывая в прекрасные глаза Зейда. Даже если Тристан выберет Лиззи, со мной всё будет в порядке, не так ли? У меня есть Зак и Крид, Виндзор и Зейд. Это просто облегчит мой выбор на двадцать процентов, верно?

Так почему, чёрт возьми, это так больно?

— Я в порядке, — отвечаю я ему, беря его испачканные чернилами пальцы и сжимая их. Это просто слухи и сплетни, вот и всё. Секреты, подобные этому — вот что причинило столько вреда бывшим Голубокровным. Ложь и бред.

Я не могу воспринимать это всерьёз, пока не поговорю об этом с Тристаном.

— Ты уверена? — спрашивает Зейд, опускаясь на колени, чтобы заглянуть мне в лицо. — Потому что, если мне придётся надрать задницу этой маленькой девочке, чтобы ты была счастлива, я это сделаю.

— Я знаю, что ты бы так и сделал, — говорю я со смехом, пиная стул, на котором сидела Изабелла, и указывая на него. — А теперь садись, и давай поговорим о Бекки Платтер.

Тристан в ярости запикивает папки обратно на библиотечную полку. Очевидно, он чем-то расстроен, но я, кажется, не могу понять, чем именно.

— Ты сердисься на меня? — спрашиваю я, безуспешно пытаюсь не думать о том моменте в библиотеке на первом курсе, когда я потянулась за книгой без трусиков под юбкой...

— Что, чёрт возьми, навело тебя на эту мысль? — он с невозмутимым видом откладывает последнюю книгу и возвращается к столу, чтобы написать заметку на своём планшете. Он втыкает стилус в экран таким образом, что я съеживаюсь.

— Ты почти не разговаривал со мной несколько недель. Ты сидишь рядом с Лиззи в столовой каждый раз, когда мы едим вместе, и... — я замолкаю, мои глаза наполняются слезами, хотя я этого и не хочу. Я сказала себе, что позволю Тристану самому сделать выбор. Если он его сделал, то...

Он останавливается и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, его серебристые глаза сверкают. В них есть ярость, которая едва достигает поверхности. Я чувствую это, весь этот гнев, кипящий внутри. Он по-настоящему зол на меня, теперь я знаю это наверняка.

— Ты действительно хочешь знать, Черити? — спрашивает он, и в его голосе появляется та злобная нотка, после которой он так часто набрасывался на меня в первый год. Тристан делает шаг вперёд и хлопает ладонями по полке по обе стороны от меня, тяжело дыша. Пуговица на его рубашке расстёгнута, две половинки пиджака свисают, когда он смотрит на меня из-под водопада блестящих волос цвета воронова крыла. — Потому что сам *факт*, что я должен тебе это говорить — это то, что выводит меня из себя больше всего.

— Я... — я вздрагиваю, думая о словах Изабеллы, об этих ужасных, ноющих существах, пытающихся пробраться мне под кожу. *«Мы вошли и застали его трахающимся с твоей подругой. Тебя это не беспокоит?»* Но я не собираюсь вестись на это дерьмо. Я даже не собираюсь поднимать эту тему, если Тристан не сделает этого первым. Он бы не стал изменять мне с Лиззи. Если бы он собирался выбирать, он бы просто сказал что-нибудь... *Похоже, может быть, он собирается что-то сказать прямо сейчас?* — Извини, но я не понимаю, о чём ты говоришь.

Тристан закрывает глаза, но всё ещё тяжело дышит, вцепившись пальцами в края полок позади меня. Я протягиваю руку и кладу её ему на грудь, закрывая свои собственные глаза и чувствуя бешеное биение его сердца.

Тихий писк вырывается у меня, когда рука Тристана опускается вниз и хватается меня за запястье, почти слишком сильно.

Наши глаза открываются, и я обнаруживаю, что теряюсь в блеске его серого, как лезвие ножа, пристального взгляда. Это палка о двух концах, это точно. Он может защитить меня им... но он также может порезать меня, если захочет, заставить истекать кровью. *И, боже, я бы пролила кровь ради этого человека.*

— Что ты думаешь обо мне и Лиззи? — осторожно спрашивает Тристан, его голос подобен бархату, от него пахнет корицей. Его тепло преодолевает расстояние между нами, заставляя меня дрожать.

— Что я... — я вздрагиваю, думая о том, как он раньше смотрел на неё, как будто она была его давно потерянной любовью, которая ускакала прочь на другом рыцарском коне.

Но... *раньше* он так смотрел на неё, верно? Я пытаюсь вспомнить, когда в последний раз видела, как смягчается его взгляд в её сторону. Прошло какое-то время, это точно. — Что ты имеешь в виду?

— Ты *хочешь*, чтобы я был с ней? Ты сводишь меня и Лиззи по какой-то причине? Потому что, клянусь Богом, иногда мне кажется, что так и есть. — Он смотрит на меня так пристально, что я чувствую, как все мои запреты снимаются, как банановая кожура, снимая всё, оставляя мою бледно-жёлтую плоть дрожать. Тпру. Это была совершенно странная метафора. Вычеркните это. Притворитесь, что я вообще ничего не говорила.

— Почему ты так подумал? — шепчу я, пока Тристан вдыхает и выдыхает, большими, резкими, сердитыми вдохами. Он прижимается ко мне ещё теснее, и я чувствую, что трещу по швам.

— Послушай, я ненавижу Зака так же сильно, как и любого другого мудака, но то, что ты сказала ему, о том, как ты хотела, чтобы он боролся за тебя... Ты когда-нибудь следовала своему собственному совету, Марни?

— Я... — у меня слишком перехватывает горло, чтобы говорить, как будто невозможно вдохнуть, не разделив дыхания с Тристаном, не вдохнув его прекрасный аромат. Он соблазнительный, немного опасный, именно такой мужчина, от которого мне следует держаться подальше. И в то же время... когда я думаю о том, чтобы поступить с ним в один университет, учиться вместе, строить новую жизнь вместе... У меня мурашки бегут по коже самым лучшим из возможных способов. — У нас действительно могло бы что-то быть, у меня и у тебя.

Тристан рычит на меня. Я вас не обманываю. Он серьёзно рычит себе под нос и стискивает зубы.

— Так почему же ты так поддерживаешь Лиззи? — спрашивает он, и я в замешательстве моргаю в ответ. — И почему от тебя так чертовски хорошо пахнет? — добавляет он почти шёпотом, на мгновение отводя взгляд в сторону, прежде чем снова посмотреть на меня.

— Я не поддерживаю Лиззи, — отвечаю я ему, и так оно и есть. Все эти чувства вырываются на поверхность, и я, кажется, не могу их сдержать. — Я уже... Я хотела с ней подружиться. И я почувствовала себя эгоисткой. Она так сильно тебя любит, а я встречаюсь с пятью парнями, и...

— И что, чёрт возьми, с того? — Тристан хлопает ладонью по книжной полке, всё ещё цепляясь другой рукой за моё запястье. — Ты встречаешься с пятью парнями, потому что мы все отказываемся тебя отпускать. Какое это имеет отношение к Лиззи? Ты хочешь обменять меня, как бейсбольную карточку, чтобы она не чувствовала себя обделённой?

У меня отвисает челюсть, и Тристан пользуется этим моментом, чтобы подлететь и поцеловать меня. Сильно. Его сочный рот прижался к моим приоткрытым губам. Его язык погружается внутрь, беря полный контроль, побуждая меня откинуть голову назад и отдаться ему. Он самый жестокий парень, которого я знаю. Он действительно такой. Он никогда не будет идеальным. Он даже никогда не будет хорошим. Но, может быть... он как раз подходит мне?

Я провожу свободной рукой сбоку от его лица, и он снова хватается за запястье, прижимая к книжному шкафу. В один прекрасный день я буду замысливать что-то нехорошее в этой библиотеке, и меня поймают. Мои щёки вспыхивают от смущения, но этот румянец вскоре сменяется жаром вожделения, когда Тристан прикусывает мою нижнюю губу.

Он чуть отстраняется и пристально смотрит мне в лицо, по-прежнему тяжело дыша. Он

такой сильный, что я полностью в ловушке, мои руки раскинуты в стороны, моя грудь поднимается и опускается от частых вдохов.

— Я просто хотела, чтобы ты выбрал меня, — шепчу я и вижу, как его серебристый взгляд перемещается от моих губ обратно к глазам. — Вот и всё. Я просто... ждала, выберешь ли ты меня.

— Может быть, я ждал того же самого? — шепчет он, и я закрываю глаза. Тристан издаёт разочарованный звук, и я снова открываю их. Он внезапно отпускает меня и отступает назад, откидывая волосы со лба тыльной стороной ладони. — Ёбаный ад, Марни.

Я прижимаю руки к груди, пытаюсь избавиться от ощущения онемения в пальцах, когда Тристан оглядывается на меня, его лицо покрыто тенями.

— Ты ждал меня... — я вздрагиваю, когда он поднимает взгляд на жестяные плитки потолка над нами.

— Я ждал, что ты будешь бороться за меня, — говорит он, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, его взгляд пронзает неистовым жаром, который, кажется, пульсирует в воздухе между нами. — Что там за старая поговорка? *Не будь слишком сладким, чтобы люди тебя проглотили, и не будь слишком горьким, чтобы они тебя выплюнули?* — он делает паузу и выдыхает. — Иногда мне кажется, что ты слишком сладкая. Но потом я задаюсь вопросом, не моя ли это работа — быть твоей горчинкой.

Он поворачивается, как будто собирается уйти, и я бросаюсь за ним, хватаю его за руку и удерживаю на месте.

— Это твоя дурная привычка, — шепчу я, уткнувшись лицом в накрахмаленный рукав его блейзера. — Несёшь какую-то эпическую чушь, а потом уходишь. Ты больше не можешь так поступать со мной.

Тристан оборачивается, и мы внезапно оказываемся так близко, что я не могу дышать.

— Я тебе не подхожу, — произносит он, но в его голосе гораздо меньше язвительности, чем было раньше, как будто он больше не может сохранять эту видимость. — Тебе действительно было бы лучше поступить в университет и оставить нас всех позади.

— Но? — спрашиваю я, поднимая лицо, чтобы заглянуть в его прекрасные глаза. Теперь они кажутся намного светлее. Как будто вместо грозового неба, его радужки цвета только что отполированного серебряного чайника.

— Может, я и жесток, но я ещё и эгоист. Я слишком сильно хочу тебя, чтобы отпустить, — Тристан кладёт руки мне на бёдра, и я чувствую, как моё тело начинает дрожать. Напряжение между нами вызывает у меня тошноту. — Меня убивает осознание того, что все они прикасались к тебе, что все они были внутри тебя... — его голос смягчается, но в то же время, кажется, становится темнее, словно бархатные тени укутывают меня в кокон. — Каждый твой возлюбленный, кроме меня...

Я с трудом сглатываю, когда Тристан ведёт меня обратно к книжной полке позади нас, наклоняясь и прижимая поцелуй к трепещущему пульсу на моём горле. Мои глаза закрываются, а пальцы обхватывают края его блейзера. Он проводит языком по моей шее, оставляя за собой жаркий след.

— Мы могли бы вернуться в твою комнату? — шепчу я и чувствую этот сумасшедший, всепоглощающий прилив адреналина, настолько мощный, что я не уверена, что смогу выдержать ещё долго.

— Я не вернусь в комнату, — выдыхает он, прижимаясь губами к моему уху. Я смотрю вверх, мимо высоких книжных шкафов, на старинную люстру, мерцающую на стропилах. Я

знаю всё об этой люстре, где она была сделана, когда и из каких материалов, потому что, ну, я любитель истории и помешана на архитектуре, но... в этот момент?

Мне было совершенно наплевать на неё.

Правая рука Тристана скользит вниз, а затем проскальзывает под плиссированные чёрные складки моей юбки. Он проводит ладонью по моему бедру, но, в отличие от Крида, он гораздо менее вежлив. Его пальцы теребят пояс моих трусиков, прежде чем он опускает их вниз и обхватывает мою сердцевину ладонью.

У меня вырывается резкий вздох, и Тристан смеётся, этот тёплый, бархатистый звук проникает в мои самые тёмные глубины.

— Тише, или кто-нибудь нас услышит, — шепчет он, наклоняясь и обжигая мои губы своими. Наши языки переплетаются, и я обнаруживаю, что не могу дышать, не втягивая в себя его сущность.

— Услышит, что? — шепчу я в ответ, всё ещё дрожа. — Что именно мы здесь делаем?

— Ты точно знаешь, что мы делаем, — говорит мне Тристан, а затем его рука скользит в мои трусики, и его пальцы танцуют по моей влажности, заставляя мои колени подгибаться. Ему едва удастся поймать меня, обхватив рукой за талию, облизывая и покусывая мою нижнюю губу, в то время как его пальцы доводят моё и без того ноющее тело до иступления.

Он явно знает, что делает. Ревность жарко вспыхивает внутри меня, когда я обвиваю руками его шею и целую в ответ достаточно крепко, чтобы заставить его слегка съёжиться.

— О нет, я тебя поранила? — спрашиваю я, и Тристан отстраняется ровно настолько, чтобы одарить меня этой ужасной, ужасно самоуверенной улыбкой.

— Именно об этом я и говорю, Марни. Покажи мне свои зубки. — Тристан убирает руку у меня из-под юбки, и я не могу решить, хочу ли я убить его или благодарна за отсрочку. Почти уверена, что я как раз собиралась... — Пойдём.

Он берёт меня за запястье, оставляя все наши вещи разложенными по столу. Пересекая огромное пространство библиотеки, мы натываемся на Крида, лениво бредущего через комнату, засунув руки в карманы, с полуприкрытыми глазами цвета льда и бессмысленной скукой.

Когда он видит нас, он широко раскрывает их, и у него отвисает челюсть.

— Следи за нашими вещами, Кэбот. Держи когти Гарпий подальше от них.

— Ты, блядь, серьёзно?! — Крид кричит, когда мы проходим мимо него, и я слышу, как он ругается себе под нос, наблюдая, как мы проскальзываем в красивую старую уборную комнату с винтажным шестигранником и плиткой метро.

Тристан захлопывает за собой дверь ногой и запирает её на ключ, а я стою и думаю, не сошла ли я с ума.

— Что мы здесь делаем, Тристан? — спрашиваю я, когда он хватает меня и усаживает на край стойки, наклоняясь так, чтобы провести языком по моей нижней губе.

— Удовлетворяем твоё любопытство, — шепчет он, и я приподнимаю бровь.

— *моё* любопытство? — спрашиваю я, когда он скользит одной рукой вниз по изгибу моей талии, по бедру и под юбку. Его вторая рука присоединяется к первой, и я понимаю, что вот-вот потеряю нижнее бельё.

Он ухмыляется мне, а затем опускает руки к подвязкам, удерживающим мои чулки, растёгивает зажимы и заставляет меня застонать, когда он проводит большими пальцами по внутренней стороне моих бёдер. Каждое прикосновение подобно огню; каждое

прикосновение обжигает.

— Прекрати мучить меня.

— С какой стати я должен это делать? Это мой стиль, верно? Я большой, злой хулиган. — Тристан стягивает с меня трусики поверх чулков и туфель, засовывая их в карман своего блейзера. Он скользит ладонями вверх по моим бёдрам и обхватывает мою попку, заставляя меня застонать. — Я планирую безжалостно пытаться тебя, и мне понравится каждая секунда этого. Просто знай это.

Он тянет меня вперёд, так что я почти обвиваюсь вокруг него, а затем опускает руку между нами, скользя пальцами по моему ноющему телу. Наши взгляды встречаются, и я вижу его уверенность, его потребность в контроле, как раз перед тем, как он вводит один палец, и я задыхаюсь.

— О, чёрт, Марни, — стонет он, облизывая губы. — Ты ощущаешься даже лучше, чем я думал.

— Ты думал об этом? — шепчу я, и то, как он улыбается мне... Я понимаю, что он довольно много думал об этом. Наши губы встречаются, и на этот раз поцелуй гораздо нежнее, чем был раньше, в нём меньше неистовых притязаний и больше осторожного желания. Предварительная потребность. Неудовлетворённое желание.

Тристан работает со мной так умело, что я едва могу пошевелиться, мои руки дрожат, когда я пытаюсь расстегнуть пуговицу на его брюках. Он отталкивает мою неуклюжую попытку и расстёгивает ширинку одной рукой, как настоящий босс, направляя мои пальцы внутрь, чтобы обхватить его.

Сейчас мы просто смотрим друг на друга, и это должно быть неловко, но почему-то... это не так. Это всё, чего я хотела, и ещё кое-что.

Раздаётся стук в дверь, но мы оба не обращаем на него внимания.

— Они могут мочиться где-нибудь в другом месте, — рычит он, снова целуя меня. Накал между нами усиливается, и я чувствую, что наконец сдаюсь, теряю всё, чем я являюсь, и всё, что у меня есть, из-за Тристана Вандербильта.

Я так и знала. Я с самой первой секунды знала, что он изменит меня как человеческое существо. Как и почему, я не уверена. Просто между нами, что-то есть, эта неопределимая искра, которая вспыхивает так ярко, что обжигает, ошпаривает и оставляет шрамы.

— У меня нет презерватива, — шепчет Тристан, и что-то щёлкает во мне. Он не носит с собой презервативы, потому что не спит с другими девушками. И он не носит их с собой, потому что не строит козней и не пытается заигрывать со мной. Может быть, впервые в своей жизни он вообще ничего не планирует.

— Я... — я вздрагиваю, тяжело дыша, сжимая руку вокруг его члена. — Я видела твои результаты, и этим летом я начала принимать противозачаточные средства, так что... — наступает долгая пауза, прежде чем я снова смотрю на него, и его рот изгибается в самой острой, самой порочной из улыбок.

— Превосходно.

Тристан поощряет меня гладить и дразнить его, доводя это дикое напряжение между нами до исступления. Он вынимает свои пальцы из меня и раздевает с экспертной точностью, обнажая мою грудь и оставляя мой чёрный пиджак и блейзер свисать с моих плеч, чёрный шёлк галстука ниспадает между ними.

— Встань и повернись, — командует он, и я таращусь на него, разинув рот. Он приподнимает одну идеальную тёмную бровь. — Ну, моя маленькая непослушная

школьница, чего ты ждёшь? — Тристан стаскивает меня со стойки и разворачивает, толкая так, что мои ладони оказываются на кафельной поверхности, а наши лица отражаются в зеркале. — Я не должен был этого делать... — шепчет он почти про себя. — Но я не могу остановиться. Мне нужно быть внутри тебя, Марни.

Он хватается меня за бедро правой рукой, придерживает левой, а затем поднимает взгляд к зеркалу, чтобы встретиться со мной взглядом в упор.

Тристан толкается в меня, глубоко и жёстко, заставляя мою спину выгибаться от удовольствия, кончики пальцев впиваются в столешницу. Он покачивает меня назад-вперёд, мои груди мягко покачиваются в такт движению. Я вижу, что удовольствие, которое доставляет ему моё тело, написано у него на лице.

Он ощущается таким горячим внутри меня, мне нравится, что он голый внутри моего разгорячённого нутра. Его пальцы приподнимают мою юбку и отводят её в сторону, чёрные складки собираются вместе. Галстук тоже раскачивается в такт нашим движениям, мой блейзер свободно болтается у меня на спине, красно-чёрный логотип академии едва виден в отражении.

Тристан трахает меня на стойке, а затем изливается в меня, эта горячая струя стекает по моим ногам. Я настолько не привыкла к такому, что просто стою после того, как он выходит, и он смеётся.

— Марни, ты сладкая-пресладкая штучка. — Он заставляет меня сесть на унитаз, пока большая часть, эм-м-м, жидкости не выльется и не вытрется, опускается передо мной на колени и протягивает руку, чтобы погладить мою тяжёлую обнажённую грудь. — Я ещё и близко не закончил с тобой, — шепчет он, опуская меня на пол и забираясь на меня сверху. Его пальцы проникают в моё лоно, его большой палец скользит по моему клитору. Он целует и посасывает мою шею, оставляя засосы, которые кажутся мне слишком приятными, чтобы беспокоиться о том, как они могут выглядеть позже.

— Я люблю тебя, Марни Рид, — шепчет он мне на ухо, как раз в тот момент, когда мой оргазм накатывает подобно волне и разбивает вдребезги моё тело, сердце и душу.

Тристан открывает дверь уборной и выходит, позволяя ей закрыться за ним, пока он осматривается вокруг, чтобы убедиться, что путь чист. Конечно, это даже отдалённо не так.

Лиззи Уолтон ждёт.

Как только слышу её голос, я останавливаюсь и прижимаюсь ухом к двери.

— Ты пробыл там довольно долго, Тристан, — говорит она хриплым от боли и разочарования голосом.

— Ну и что? Ты следишь за тем, как долго я хожу в туалет? Есть ли ограничение по времени для этого действия?

— Не делай этого. Не сердись на меня, потому что ты не знаешь, как ещё себя вести. Мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы играть в подобные игры. — Лиззи замолкает. — Марни, ты можешь выходить.

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Я вспотела, меня трясёт, и, честно говоря, я готова вернуться в свою комнату и закричать в подушку. Меня переполняет так много эмоций; мне нужно время, чтобы переварить их все.

Последнее, чего я хочу — это встретиться лицом к лицу с Лиззи Уолтон.

Но она знает, что я здесь, поэтому я выхожу в безмолвную тишину библиотеки, тихий шёпот голосов и шорох переворачиваемых старых страниц.

Лиззи смотрит прямо на меня своими янтарными глазами, её рот сжат в тонкую линию, выражение лица непроницаемо.

Я не знаю, что ей сказать. Есть ли что-нибудь, что я действительно могу сказать? Есть что-нибудь, что сделает эту ситуацию лучше?

— Вы двое... — начинает Лиззи, но Тристан частично заслоняет меня и прерывает её.

— То, чем мы там занимались, не твоё дело, Лиззи, — произносит он, и по тому, как он смотрит на неё, я могу сказать, что ему тоже жаль. Он заботится о ней, но точно так же он заботится и о Криде. Как друг. Вот оно. Когда он снова смотрит на меня, в его глазах такой блеск, что у меня перехватывает дыхание.

Он снова поворачивается к Лиззи, и я вспоминаю его прежние слова. *«Я ждал, что ты будешь бороться за меня».*

Я делаю шаг вперёд и обнимаю Тристана за плечи.

— Мне жаль, Лиззи, — говорю я ей, чувствуя, как один из тугих узлов в моём животе развязывается... и образуется другой. — Я так сильно хотела, чтобы Тристан сделал выбор между нами, что не думала о себе настолько сильно, как следовало бы. Я...

— Я люблю его, — говорит она, и её глаза наполняются крупными слезами, которые катятся по щекам и падают на чёрную грудь её униформы. — Я люблю его достаточно сильно, чтобы выбрать его и только его. Так что насчёт тебя, Марни? Значит, Тристан — твой выбор?

Вспышка страха пронзает меня насквозь, освещая изнутри. Выбираю ли я Тристана? Выбрала ли я его? Но... Я не могу выбирать. Ещё нет. Меня тошнит от одной только мысли об этом. Сейчас только январь; у меня ещё есть месяцы в запасе, чтобы принять это решение.

— Не дави на неё, — растягивает слова Крид, появляясь из моря книг с моей сумкой и сумкой Тристана, перекинутыми через плечо. Он неторопливо выходит и останавливается

рядом с нами. Если бы я не знала его так хорошо, как знаю сейчас, я бы, возможно, не заметила, как его кулак сжимается на ремешке сумки, или как его льдисто-голубые глаза темнеют от ревности. — Она не обязана прямо сейчас принимать это решение.

— Серьёзно? — спрашивает Лиззи, переводя взгляд с Крида на Тристана. — Вас не беспокоит, что она отказывается выбирать парня? Совсем нет? Потому что это всё, чего я когда-либо хотела: чтобы Тристан выбрал меня. — Тристан лезет в карман и достаёт носовой платок, но Лиззи его не берёт. Вместо этого она отступает ещё дальше.

— Разные вещи делают разных людей счастливыми, — говорит Крид, подходя и становясь рядом с Тристаном. — Я получил всё, чего когда-либо хотел, всю свою жизнь, именно так, как я этого хотел. В кои-то веки есть «что, если». Для меня этого достаточно.

— Это чушь собачья, — бормочет Лиззи, проводя пальцами по волосам. — Это... Я не могу поверить, что это происходит на самом деле.

— Не делай этого, — говорит ей Тристан, но когда он делает шаг вперёд, она снова отступает.

— Я пришла в Бёрберри ради тебя, оставила всех своих друзей позади. Я... — начинает она, а затем замолкает, поворачивается на каблуках и уходит через библиотеку. Одна из библиотекарей кричит ей, чтобы она перестала бегать, но Лиззи игнорирует её, исчезая из поля зрения.

Чёрт.

Я крепко сжимаю руку Тристана, и он смотрит на меня.

— Я не жалею о своём выборе, — говорит он, выдыхая и бросая на Крида короткий хмурый взгляд. — Не торопись; я не хочу, чтобы ты пожалела о своём.

— И что ты хочешь этим сказать? — Крид растягивает слова, но Тристан игнорирует его, таща меня за руку. Крид вздыхает, но отпускает нас.

Удивительно, но Тристан отводит меня в его общежитие, выделяет мне пушистые полотенца и душ, и к тому времени, как я выхожу, он приносит кое-какую пижаму и одежду из моей комнаты.

— Лучше бы тебе не устанавливать камеру в моём общежитии, — шепчу я, вытирая полотенцем волосы и кутаясь в чёрный халат. Почти уверена, что это халат Тристана. Просто надевая его, я испытываю небольшой трепет.

Он сидит на своём диване, его силуэт вырисовывается на фоне длинного окна, из которого не видно ничего, кроме луны, звёзд и далёких холмов. В одной руке у него бокал с алкоголем, и он выглядит намного старше своих восемнадцати. Но в хорошем смысле. Например, я вижу, каким человеком он станет через десятилетие или два.

— Ни за что, — говорит он, потягивая свой напиток, когда я подхожу и сажусь на противоположный конец дивана, присаживаясь на подлокотник. — И просто, чтобы ты знала: я не знал, что нас снимали в библиотеке. Это была не игра, это был момент слабости.

Я замираю на мгновение, кладя полотенце себе на колени.

— Я так и знала. Как только увидела твоё лицо, я всё поняла. — Я смотрю вниз, на пол, и мои мысли ненадолго возвращаются к тому моменту, моему величайшему унижению. *«Знаешь, они могли бы вести долгую игру»*. Слова Харпер задевают меня за живое, но я отказываюсь впускать их внутрь. Я не позволю себе в это поверить. Сомнение — поистине жестокий враг.

Тристан ничего не говорит, и некоторое время мы сидим в тишине. Я застенчиво смотрю на него, мокрые пряди волос падают мне на лицо. *«У нас только что был секс!»* —

"тихий голосок в глубине моего сознания зовёт меня, и мне приходится сопротивляться желанию станцевать девчачий танец возбуждения, может быть, немного повизгивая.

Позже.

Я сделаю это позже.

Прямо сейчас между мной и Тристаном царит тихий покой, и мне он слишком нравится, чтобы нарушать его.

— Я не думал, что буду здесь в этом году, — продолжает он, постукивая пальцами по краю своего бокала. — Вот почему я так старался в прошлом году стать первым в нашем классе. Я хотел быть уверенным, что смогу поступить в хороший колледж, когда придёт время, учитывая, что мне было суждено провести год в какой-нибудь военной академии или, может быть, даже в государственной школе.

— Боже упаси, — шучу я, но могу сказать, что он говорит серьёзно. Он всё спланировал, убедился, что обо мне позаботятся, и в то же время пытался обеспечить своё собственное будущее. — Но я рада, что ты здесь.

— Виндзор, должно быть, действительно заботится о тебе, раз терпит меня, — говорит Тристан, глядя на меня, его серебристые глаза в тени кажутся тёмно-угольными. В настоящее время горит только маленькая лампочка на кухне. Этого едва хватает, чтобы разглядеть его

— Видимо это так, — шепчу я, обхватывая рукой переднюю полу халата. Винд знал, что если он не оплатит обучение Тристана, то он уйдёт из моей жизни, и всё же он всё равно это сделал. Почему? Моё сердцебиение начинает учащаться, и внезапно меня переполняют эмоции. — Что бы случилось, если бы он не заплатил твои взносы в Клубе? — спрашиваю я, снова бросая взгляд на Тристана.

Его лицо темнеет, и он делает ещё один глоток своего напитка.

— Учтывая то, что я знаю? — спрашивает он, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня. — Они, вероятно, попытались бы утопить и меня тоже. — Тристан встаёт и ставит свой бокал на край кухонного островка, поворачиваясь ко мне лицом и облокачиваясь на него. Я подумываю спросить его, со сколькими девушками он переспал, точно так же, как я поступила с Заком. Но у меня есть мысль, что, возможно, я не хотела бы этого знать. Я предполагаю, что его номер точно не пять. — Ты хочешь здесь переночевать? Или ты предпочла бы, чтобы я проводил тебя обратно в твою комнату?

Мне нужно подумать об этом всего лишь долю секунды.

— Я бы хотела остаться на ночь, если ты не против.

Тогда Тристан улыбается мне. Настоящей улыбкой. Ни одной из его самоуверенных ухмылок, или злобных хмурых взглядов, или чего-то в этом роде. Нет, эта улыбка хорошая и по-настоящему искренняя.

— Если ты не против... Господи, Марни. Слишком сладко. Ты доведёшь меня до грёбаного карисеса. — Тристан подходит и встаёт рядом со мной, протягивая руку, чтобы помочь мне подняться. Он ведёт меня в свою комнату и смотрит, как я забираюсь на его роскошные шёлковые простыни. Они так хорошо ощущаются на моей коже, что в конце концов я потягиваюсь и катаюсь по ним, как полная чудачка.

Тристан забирается рядом со мной и притягивает меня к себе, прижимая наши тела друг к другу. Его дыхание мягкое, а тело расслабленное. Это самое нормальное состояние человека, в котором я когда-либо его видела.

— Сколько тебе было лет, когда ты потерял девственность? — я шепчу в темноту,

испытывая то особое ощущение, когда делишься секретом, которое, кажется, случается только во время ночёвок.

— Тринадцать, — отвечает он, и мои глаза расширяются. Святое дерьмо. А я-то думала, что Дженнифер в свои четырнадцать лет была совсем юной. Это безумие. — Всё это было не так уж приятно. Не ревнуй. Я просто сделал это, чтобы отомстить своему отцу.

— Он всегда причинял тебе боль? — я не совсем уверена, что хочу знать ответ на этот вопрос, но мне кажется, что я *должна* его знать.

— Всегда, — шепчет Тристан, притягивая меня ещё ближе, так близко, что мне трудно сказать, где заканчиваюсь я и начинается он. — Я никогда не знал свою мать. Я до сих пор не знаю, кто она такая. Всё, что я знаю, это то, что она продала меня моему отцу за определённую цену и ушла. Деньги — это всё, что я знаю. Даже у меня есть своя цена, Марни. Единственный человек, которого я знаю, который, кажется, не имеет её... это ты.

Мои глаза закрываются, и я накрываю его руку своей, прижимаясь к нему так сильно, как только могу, пока не слышу, как его дыхание выравнивается. Только тогда я позволяю себе роскошь поспать.

— Вокруг ходит так много сплетен! — шепчет Миранда, хватая меня за руку и таща к нашему третьему уроку гражданского права и экономики. — Бриана рассказала Джесси, которая рассказала Эндрю, который сказал *мне*, что вас с Тристаном видели вместе пробирающимися в библиотечный туалет...

— Крид ничего не сказал? — спрашиваю я, и Миранда бросает на меня самый странный взгляд на свете.

— Зачем Криду что-то говорить? Он бы точно взбесился, если бы узнал, что ты трахаешься с Тристаном.

— А я бы стал? — спрашивает Крид, появляясь из-за угла и пугая нас с Мирандой так сильно, что мы вскрикиваем. Его улыбка — сплошное ленивое, бесцеремонное высокомерие. — Ты отстойный близнец. Во-первых, ты влюбляешься в мою девушку. Во-вторых, ты рассказываешь всей школе, что я девственник. И в-третьих, ты совершенно неверно предсказываешь мою реакцию на неизбежное событие.

— Эм, прошу прощения, но я первая увидела Марни. — Миранда поднимает вверх единственный палец, покрашенный ярко-оранжевым лаком. — Ты в буквальном смысле слова задрал перед ней нос, я хочу, чтобы ты это вспомнил. Во-вторых, я сказала только Марни, что ты девственник. Я понятия не имею, как твои глупые друзья узнали об этом. И в-третьих, ты знал об этом и не сказал мне?!

Миранда толкает брата в плечо с такой силой, что он хмурится, а я улыбаюсь.

— А тебе-то какое до этого дело? — Крид рычит на неё в ответ, и она снова бьёт его кулаком. Он позволяет ей, и его единственное возмездие — закатывание кристально-голубых глаз.

— Я твой лучший друг. И я сторонник #КомандаКрида номер один. Я имею право знать всё это. — Миранда поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и между нами троими повисает неловкое молчание. Мимо нас проходят люди, но с таким же успехом мы можем находиться в нашем собственном маленьком пузыре. — Ну? — спрашивает Миранда, и я растерянно моргаю, щёки горят. *Пожалуйста, пусть всё идёт не так, как я думаю...*

— Ну, как это было? — спрашивают близнецы в унисон, и мои розовые щёки становятся пунцово-красными.

— Я...

— Это было умопомрачительно, — произносит Тристан, появляясь рядом со мной, его голос совершенно невозмутим. Он прищуривается, глядя на Крида, и светловолосый мальчик хмурится. — Так хорошо, что она переночевала у меня.

— Это так? — спрашивает Крид, но я уже тычу Тристана локтем в живот. Он хватает меня за руку и притягивает к себе, давая этим бабочкам вполне реальный и благоразумный повод для роения.

Именно тогда я вижу Лиззи в конце коридора, открывающую свой шкафчик и притворяющуюся, что не замечает всех нас, стоящих там.

Я пытаюсь представить, каково было бы оказаться на её месте, и отстраняюсь от Тристана, чтобы подойти к ней. Я слышу, как Миранда спрашивает Крида, что происходит, когда иду по коридору и останавливаюсь справа от неё.

— Мы можем поговорить?

— Нам не о чем разговаривать, — говорит Лиззи, захлопывая свой шкафчик, а затем поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Её янтарные глаза потемнели от боли. — Просто, чтобы ты знала, во время собрания Клуба Бесконечности несколько старших членов выразили желание проучить тебя.

— Что? — спрашиваю я, слыша, как Тристан выкрикивает имя Лиззи резким, сердитым тоном. Он направляется ко мне, но ущерб уже нанесён.

— Они не хотят видеть, как один из девяноста девяти процентов отбросов уничтожает их вот так. Существует тонкая грань, позволяющая поддерживать порядок в классах, и они хотят, чтобы ты либо вернулась на своё место, либо... — Лиззи замолкает, когда Тристан подходит справа от меня, Крид слева, а Миранда сразу за ним. — Тебе не кажется, что она должна знать? — она поднимает взгляд на Тристана, глаза прищурены, дыхание прерывистое. — Они не просто попытаются заставить тебя покончить с собой. *Они убьют тебя, Марни.*

— Что? — я задыхаюсь, удивлённо моргая. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что старшие члены Клуба хотят твоей смерти. Точка. Им всё равно, как и почему. — Лиззи захлопывает свой шкафчик, когда Тристан скрежещет зубами в её сторону. Они долго-долго смотрят друг на друга. — Они хотят твоей смерти. Всё, что мы сделали на той последней встрече — это изменили ситуацию таким образом, что единственные люди, которые могут прикоснуться к тебе — это ученики этой школы.

— Ты только что нарушила правила, — огрызается Тристан, когда Лиззи идёт по коридору, покачивая тёмным конским хвостом. Она оборачивается, держа в руках ноутбук и огромный учебник в твёрдом переплёте, и поджимает губы.

— Да, что ж, ты тоже.

А затем она разворачивается и исчезает в коридоре.

А я все следующие несколько недель не вижу ни волоска с её головы.

«Они хотят твоей смерти».

Слова Лиззи звучат у меня в голове, но я, кажется, не могу выцепить ни одного из парней, чтобы заставить их сказать мне почему. Почему я? Что, чёрт возьми, я такого плохого сделала?

— Зейд Кайзер, — рывкаю я, упирая руки в бока и останавливаясь перед ним. Он сидит на краю фонтана в переднем дворике, приподнимая солнцезащитные очки, чтобы посмотреть на меня. У нас есть неделя до Дня Святого Валентина, и я не знаю, как справиться с этим со всеми пятью парнями. В прошлом году мы с Заком... Ну, вы знаете, что мы с Заком сделали. В этом году я хочу провести этот день со всеми.

— Марни Рид, давно не виделись, — говорит он, как будто не ночевал прошлой ночью в моём общежитии. Я не говорила об этом ребятам, но я вписывала их имена в план и оставляла по одному на каждый день недели. Два оставшихся дня я оставила для группы и личного дня. Я разрешаю ребятам ночевать у меня — или ночевать в их комнатах — только в назначенные дни.

Это не идеальная система, но она работает. Ну и удаётся взять сложную ситуацию альтернативных отношений из реальной жизни и изложить её на бумаге, что я ценю.

Зейд похлопывает себя по коленям, как будто это самое логичное место в мире, где я могла бы сидеть. Я игнорирую его и вместо этого сажусь рядом с ним, опускаю пальцы в воду и смотрю на него. Пройшей ночью, когда я попыталась спросить о Клубе Бесконечность, он начал целовать меня в шею, и я забыла своё собственное имя.

Сегодня ему так не повезёт.

— Ты знаешь, мы с ребятами как раз обсуждали детали тура этим летом. — Он поднимает свой телефон и вертит им в руках. Ах, суббота и возвращение технологий в кампус. По выходным здесь становится так тихо. То есть, когда люди не веселятся как сумасшедшие. — Мы как бы подстроили это так, чтобы мы путешествовали между этим местом и Колорадо. Будь краткой, милой, простой, и закончи тем, что я заберусь в твою постель в Борнстеде.

Тогда я просто смотрю на него, одетого в обтягивающие чёрные джинсы и ботинки, на его рубашку с короткими рукавами, усыпанную булавками, и пытаюсь представить, какая жизнь могла бы быть у нас вместе, если бы я выбрала его. Я такая строгая, а он такой... нет. Но иногда я задаюсь вопросом, вцепились бы мы с Тристаном друг другу в плотки через какое-то время, мы так чертовски похожи.

Может быть, Зейд мог бы гастролировать со своей группой, а я могла бы проводить семинары по всему миру или что-то в этом роде... Я бы проводила весь день, работая в строгой академической обстановке, а потом он возвращался весь потный, покрытый чернилами и заряженный после своего выступления, и мы...

— Марни? — спрашивает он, размахивая разукрашенной рукой перед моим лицом. — Ого, красавица, куда ты только что ходила?

Я качаю головой и поднимаю руки, чтобы убрать с лица несколько случайно выбившихся прядей волос.

— Я хочу знать, как Лиззи нарушила пари, почему она не мертва или что-то в этом роде, и почему она сказала, что Тристан только что сделал то же самое. Думаю, я также заслуживаю знать, пытаются ли люди, блядь, убить меня.

— Это... чёрт, ладно. — Зейд взъерошивает пальцами свои волосы цвета морской волны, а затем бросает взгляд на дорогу, как будто кого-то ждёт. Колокольни над нами звенят, и птицы разлетаются на ветру, как листья. — Мы пытались, мы действительно пытались. Мы... всё, что мы делали на той неделе — это пытались всё исправить, чтобы Харпер и старшие члены Клуба Бесконечности оставили тебя в покое. Мы потерпели неудачу в этом деле, Марни. — Я помню лицо Виндзора, когда он появился в тот день в папином доме, весь осунувшийся и усталый. — Мы пытались. Но мы младшие участники, так что... — он замолкает и смотрит в небо, откидываясь назад, гроздь ожерелий на его шее позвякивает. Рассеянно он протягивает левую руку и играет с ними. Я замечаю, что некоторые из них — значки с прошлых концертов. На одном пятно от губной помады, из-за которого мои глаза превращаются в щёлочки. — Дело в том, что никто не может прикоснуться к тебе, если только они не учились с тобой в академии. Точка. Никаких наёмных убийц или специальных полицейских сил...

— Ты что, блядь, издеваешься?! Нанятые *киллеры*? — Зейд слегка поворачивает голову набок, чтобы посмотреть на меня, как будто не может понять, почему я так удивлена этим.

— Э-э, да. Тебя это действительно удивляет? У большинства людей есть цена, и за нужную сумму, конечно, они могли бы заставить какого-нибудь сумасшедшего бывшего спецназовца пристрелить тебя. Это даже не так уж притянута за уши.

«Даже у меня есть своя цена, Марни. Единственный человек, которого я знаю, который, кажется, не имеет цены... это ты».

Я слышу слова Тристана, эхом отдающиеся в моей голове, как предупреждение, и закрываю глаза.

— Клуб берёт дерьмо из реального мира, такое как экономика, войны или политические гонки, и превращает его во что-то компактное и управляемое. Это как аристократы при королевском дворе, играющие в политику. Весь мир держится на осторожном, закулисном маневрировании. — Зейд поворачивается ко мне и складывает ноги на краю фонтанной стенки, положив руки на колени. — Ты пешка рабочего класса, Марни, восставшая и сражающаяся в своих рядах. Ты даёшь отпор студентам, чьи семьи ходили в Бёрберри на протяжении нескольких поколений. — Зейд указывает подбородком в сторону здания часовни. — Если их дети не могут поиметь одного-единственного стипендиата, то на что они надеются, торгуясь с миллиардерами из Китая или заключая торговые сделки с Индией?

— Значит, они собираются убить меня? — я спрашиваю, потому что это слишком нереально, чтобы в это поверить.

— Они ещё ничего не предприняли, и это меня пугает, — отвечает Зейд, снова глядя на дорогу. — Но они попытаются. Я знаю, что когда-нибудь до конца года они это сделают. — Он снова поворачивается ко мне. — Сделка заключается в том, что у них есть время до полуночи выпускного дня, чтобы убить тебя. Вот и всё. После этого мы берём корону. Если мы победим, Клуб Бесконечности никогда больше не сможет вмешиваться в твою жизнь или в жизни тех, кто тебя окружает.

— Значит, вы все тоже будете в безопасности? — спрашиваю я, и Зейд улыбается, почти печально, кольца на его губах играют на солнце.

— В любом случае, кого бы ты ни выбрала. Счастливчик. — Он вертит языком одно из своих колец в губе. — Я не хочу показаться полным ослом, но... пожалуйста, выбери меня.

— Что? — мои щёки вспыхивают, когда Зейд смотрит мне в глаза, его зелёные глаза переливаются таким ярким цветом, словно нефритовые камни с вкраплениями лайма и изумруда. В этом единственном цвете так много вариаций, что, если бы я была художником, я бы захотела воссоздать его радужки на холсте. *Ага, я снова это делаю. Снова становлюсь поэтичной.*

— Или ты уже решила? — он слегка усмехается, и я вижу, как в нём проступает тот злобный мальчишка-хулиган. — Это Тристан, так ведь? Чёрт, я понял это, как только услышал, что вы, ребята, трахнулись в библиотеке. Господи. — Зейд запускает пальцы в свои волосы, и я тянусь, чтобы схватить его за руку, отводя её.

— Я ещё не решила. Я... я знаю, вы, парни, вероятно, отчаянно хотите, чтобы я приняла решение, но дайте мне время до выпускного. Если я не умру к полуночи, тогда я... сделаю выбор.

Задумано как чёрный юмор, но, как и в случае с попыткой Чарли, это просто проваливается.

— Однажды ты уже выбрала меня, — шепчет Зейд, и от тоски в его голосе у меня щемит сердце. — Сделай это для меня ещё раз. — Он указывает на татуировку *«Никогда больше»* сбоку на своей шее. — Я никогда больше не причиню тебе боли. Ты будешь моей маленькой рок-принцессой. — Он замолкает, покусывает нижнюю губу. — Нет, ты будешь моей рок-богиней. Мы вместе объедем весь мир и, хотя бы раз потрахаемся в каждой стране. — Мои губы изгибаются в улыбке, и я чувствую, как слёзы подкатывают к уголкам моих глаз. Я не уверена, почему. Они просто есть, и я не могу их остановить. — У нас есть химия, которая никого не касается. Оставайся друзьями с другими парнями, мне всё равно, но никто не умеет трахаться так, как мы с тобой.

— В чём-то ты прав, — шепчу я, когда Зейд вздыхает и выдыхает, как будто на время

отодвигает в сторону свои эмоции. Мы оба замолкаем, прислушиваясь к свисту ветра между башнями. — Какое пари нарушила Лиззи?

— Она не должна была рассказывать тебе о сделке. Никто из нас не должен был. Но это... пока мы единственные, кто знает, что она нарушила его, и что сейчас я нарушаю его снова, всё будет хорошо.

— И каковы будут последствия? — спрашиваю я, и Зейд берёт горсть пенни из фонтанчика, перебирает их и смотрит на годы, прежде чем бросить все обратно, а затем идёт за своим бумажником. Конечно, у богатого придурка нет с собой ни пенни, поэтому он даёт каждому из нас по четвертаку, чтобы мы бросили.

— Последствием этого является то, что пункт *об отсутствии оружия большой дальности* снимается. Например, ради этого условия, Крид сел за руль автомобиля и промчался по трассе специально ради него. Он чуть не перевернулся и не умер. — Зейд оглядывается на меня, а затем сжимает свой четвертак и с плеском бросает его в воду. Интересно, имеет ли его желание какое-то отношение ко мне? — Гарпии и Компания, они не могут использовать против тебя пистолеты, арбалеты или что-то в этом роде. Вообще. Поверь мне, если бы они могли, ты, вероятно, уже была бы мертва. Лиззи могла поймать нас, сказав тебе это.

Чёрт.

Значит, она действительно была злой девчонкой по отношению ко мне, да?

С другой стороны... пистолеты и арбалеты?! Что за хрень на самом деле?

— А Тристан? — спрашиваю я, стараясь сохранять спокойствие. Зейд мягко улыбается.

— Он не должен был спать с тобой, пока мы не выпустимся. Я думаю, Лиззи пыталась дать себе шанс на борьбу, которого у неё никогда не было. Тристан был влюблён в тебя с тех пор, как впервые увидел, в самый первый день первого грёбаного курса.

— Чушь собачья, — фыркаю я, и Зейд поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, приподняв брови.

— Так ли это? Потому что он сказал мне, что, когда увидел тебя, ему показалось, что вся его жизнь перевернулась у него в груди. Я думаю, именно поэтому он так сильно ненавидел тебя, чтобы побороть другие эмоции. — Я ничего не говорю, но у меня снова сжимается горло, и я борюсь с этими странными слезами в уголках глаз.

— И каковы будут последствия для него?

Зейд кивает на мой четвертак.

— Загадай желание, — говорит он мне, и я крепко сжимаю четвертак в ладони, а затем бросаю его в воду. Я бы сказала вам о своём желании, но, если бы я это сделала, оно могло бы не сбыться, а оно итак настолько невероятно, что я не осмеливаюсь рисковать ни одним шансом, который у меня может быть на это. — Наказание Тристана в том, что он должен... переспать с Лиззи.

Когда Зейд замолкает, его голос становится далёким и металлическим, я знаю, что сейчас произойдёт.

— Нет.

— Марни, я знаю, что это убивает его, но он должен это сделать. Он должен. Если он не выполнит условия пари, тогда Лиззи может сказать Харпер, что она нарушила своё. Представь себе это, Харпер Дюпон с ружьём или арбалетом. Марни, это вопрос жизни и смерти.

— Нет. — Я встаю, ветерок треплет розовое платье, которое я надела этим утром.

Согласно моему календарю, сегодня день Зейда, но я должна найти Тристана.

— Единственный человек, с которым он когда-либо спал и который ему небезразличен — это ты. Это просто секс, и я бы сделал то же самое, если бы пришлось, чтобы спасти тебя.

Лиззи притворилась, что она на нашей стороне, участвовала в пари в Клубе, а затем намеренно нарушила соглашение и бросила его мне в лицо. Нет. Она не может заполучить Тристана. Я... Я бы предпочла рискнуть с винтовкой.

Я поворачиваюсь и начинаю бежать, Зейд прямо за мной. Он обхватывает меня за талию своими татуированными руками и отрывает от земли.

— Марни, прекрати. Это должно быть сделано. Так и должно быть. — Я тычу его локтем в живот, и он хрюкает. Несмотря на то, что это не такой уж сильный удар, он отпускает меня, потому что я слишком сильно сопротивляюсь, и я знаю, что он не хочет причинить мне боль. Я стучу в дверь третьей башни, а затем ударяю кулаком по кнопке вызова лифта, глаза наполняются слезами.

Это может происходить прямо сейчас. Он мог бы быть внутри неё. Он мог бы...

Он мой.

Эта мысль пронзает остальные мои мысли, как стрела, и я стою там, учащённо дыша, пока лифт тянется, чёрт возьми, не торопясь.

— Ты в порядке? — спрашивает Миранда, появляясь рядом со мной. Я думаю, она может сказать по моему лицу, что это определённо не так.

— Нет.

Сейчас я тяжело дышу и, кажется, не могу заставить свой рот произносить слова. Вместо этого Зейд поворачивается к Миранде, чтобы объяснить.

— Дела Клуба... — он замолкает, когда Миранда упирает руки в бока. Он разочарованно вздыхает, но мы оба знаем, какой убедительной может быть Миранда. — Тристан должен трахнуть Лиззи из-за пари.

— Что?! — ревет Миранда, а затем забирается с нами в лифт, как только двери открываются. — Что ты имеешь в виду, говоря, что Тристан должен трахнуть Лиззи?

— Это так, или Марни, блядь, умрёт, — кричит Зейд, и я могу сказать, что он срывается. — Это просто... секс.

— Как ты можешь так говорить после того, как был с Марни? Мог бы ты трахнуть другую девушку прямо сейчас? Смог бы? — Миранда бьёт его, но Зейд просто поднимает руки, как щит, и позволяет ей это сделать. — Я знала, что должна была сделать её своей девушкой и отправить всех остальных в глубины ада. Я так и знала. Вы монстры, вы все монстры.

— Я просто хочу увидеть, как она переживёт выпускной, — шепчет Зейд, когда дверь открывается, и я мчусь к квартире Тристана, колотя кулаками по двери.

Я полностью осознаю, что с того дня в коридоре прошли недели, что дело, возможно, уже сделано.

Но... это почему-то кажется срочным.

После нескольких минут стука дверь, наконец, открывается, и вот он, стоит там в своей полной чёрной униформе и смотрит на меня сверху вниз серыми глазами.

— В чем дело, Работяжка? Я занят. — Я собираюсь протиснуться мимо него, но он останавливает меня, хлопнув ладонью по дверному косяку. Вот тогда я понимаю, что всё плохо, что ему есть что скрывать. — Убирайся отсюда, Марни. — Тристан поднимает голову, видит стоящего там Зейда и шипит себе под нос. — Ты должен был держать её

сегодня подальше отсюда. Неужели ты слишком глуп даже для такой простой задачи?

Я низко пригибаюсь и смотрю мимо Тристана только для того, чтобы увидеть Лиззи, стоящую там в синем купальном халате.

Нет, нет, слишком поздно.

Я отпихиваю Тристана с дороги и врываюсь в квартиру, приближаясь к Лиззи и всерьёз подумывая о том, чтобы вlepить ей пощёчину по её глупому удивлённому лицу. *Никакого насилия, Марни. Никакого насилия.*

— Я сказала, никаких издевательств в моей школе, а то, что ты сделала со мной, было актом издевательства.

— Ты заслуживала того, чтобы знать...

— Чушь собачья! — я кричу, и она съёживается. В конце концов, она действительно слабая, Лиззи Уолтон. — Чушь собачья.

— Марни, убирайся отсюда и сходи на свидание с Зейдом или ещё куда-нибудь, — говорит Тристан, останавливаясь рядом со мной. Я не могу смотреть на него. Я не могу. Я просто не могу.

— Ты рассказала мне о пари, так что у тебя есть рычаги воздействия на Тристана. Просто признай это. Ты не можешь смириться с тем, что проиграла. — Лиззи отворачивается и закрывает свои янтарные глаза. Её волосы выглядят взъерошенными, и кажется, что под халатом она обнажена. Неужели я пришла слишком поздно? Неужели всё уже закончилось?

— Марни, нам пора идти, — говорит Зейд, но я тоже игнорирую его.

— Вы... уже спали вместе? — спрашивает Миранда, указывая между Тристаном и Лиззи. Похоже, она слишком расстроена из-за этого. Я понимаю, что она на моей стороне, но как будто в этом есть что-то большее. — Вы, ребята, только что закончили трахаться?

— Это к лучшему, Марни, — произносит Тристан, но его лицо такое пустое. Я вижу это даже под его жестокой маской. Он закрывается.

— Ты. Блядь. Трахнул. Её? — шепчу я, ненавидя себя за то, что он мне не отвечает. Почему он, блядь, мне не отвечает?

Виндзор, Зак и Крид врываются в дверь мгновение спустя, и Тристан тихо ругается, отворачиваясь и проводя пальцами по своим тёмным волосам.

— Чёрт возьми, — бормочет Винд, когда видит меня, и всё моё тело напрягается. Он знал. Зейд знал. Они все знали. Они тоже хорошо постарались, скрывая это от меня.

— Тристан, посмотри на меня, — говорю я, но когда он это делает, на его лице отражается гнев.

— Я трахнул Лиззи, — произносит он холодным голосом.

— Ты лжёшь, — говорю я, а затем громче. — Ты лжёшь.

— Я тоже хотел это сделать. Ты думаешь, я когда-нибудь был бы счастлив с таким благотворительным делом, как ты?

Вау.

Он действительно старается изо всех сил, это дерьмовый спектакль. Но он забывает, что я видела его насквозь в уборной, и тем более, когда мы заснули в объятиях друг друга той ночью.

Я на это не куплюсь.

Я подхожу к нему и кладу руки ему на грудь.

— Ты думаешь, ложь, чтобы защитить меня, сработает? Этого не произойдёт. Я не хочу,

чтобы твоя ложь служила щитом от плохого. Я хочу только тебя. — Я приподнимаюсь на цыпочки и крепко целую его в губы. Я целую его так собственнически, как никто из других парней никогда не целовал меня. Когда Тристана начинает трясти, и его руки сами собой поднимаются, чтобы коснуться моих, я понимаю, что поймала его с поличным. Я слегка отстраняюсь и смотрю ему в глаза. — Ты трахнул её? — повторяю я.

Тристан пристально смотрит на меня, в его серых глазах борются эмоции.

— Ещё нет, — наконец шепчет он, и я чувствую огромный прилив облегчения, когда обвиваю руками его шею.

И вот тогда я узнаю неоспоримую истину: я не смогу отказаться от Тристана Вандербильта в конце этого года.

Я не знаю точно, что это значит в целом, только то, что я не могу не быть с ним.

Я не могу.

— Но я должен, Марни. Я сделаю всё, чтобы ты была в безопасности. Даже засуну свой член в какого-нибудь жалкого отброса жизни, который не может понять намёка. Я покончил с тобой, Лиззи. Всё. Я покончил с тобой в тот самый момент, когда впервые увидел Марни.

— Остановись, — шепчу я, прикладывая руку к его губам — губам, которые, бесспорно, принадлежат мне — и поворачиваюсь, чтобы посмотреть через плечо. Лиззи сейчас рыдает, опускается на пол в своём халате, а потом просто сидит там, в полном одиночестве, в то время как остальные из нас смотрят на это.

Мне жаль её в этот момент, правда, очень жаль.

Миранда опускается рядом с ней на колени и кладёт руку на плечо Лиззи. Её лицо всё ещё напряжённое и сердитое, но, возможно, как и я, она видит, насколько на самом деле слаба Лиззи Уолтон внутри. *Правило шестое: Знай, когда нужно остановиться.*

— Какого хрена ты её утешаешь? — требует Крид, подходя и становясь рядом со своей сестрой. Его голубые глаза холодны и жестоки, они полуприкрыты. — Она была против нас с самого начала. Нахуй эту сучку.

— Крид, хватит, — говорит Миранда. — Да, она была неправа, но... она также просто сбита с толку, глупа и... влюблена в того, кого у неё никогда не будет. Это дерьмо сводит людей с ума. — Долю секунды спустя Майрон Тэлбот врывается в дверь, его лицо — маска дикой ярости.

— Ты спал с ней? — спрашивает он, глядя на своего лучшего друга так, словно расчленил бы его, если бы ответ был утвердительным. — Спал?!

— Нет. — Голос Тристана звучит на одной-единственной мягкой ноте, а затем он просто впадает в ступор, сядя на кухонный пол. Я сажусь рядом с ним и обвиваю руками его шею, чертовски по-собственнически.

— Слава богу, — ворчит Майрон, подходя и опускаясь на колени перед Лиззи. — Ты ничего от меня не скрываешь. Ты не лжёшь мне.

— Майрон, я люблю его.

— Ну и что? — Майрон шипит, и я понимаю, что, хотя мои парни, возможно, насквозь пропитаны жестокостью, этот человек буквально сделан из неё. — Он влюблён в Марни. А я влюблён в тебя. — Он обхватывает ладонями её лицо, но она резко отводит взгляд и отказывается встречаться с ним взглядом.

Майрон встаёт и тянет Лиззи за собой, заключая её в объятия.

— Вы двое — идеальная пара — вы можете соответствовать бредням друг друга, — огрызается Крид, скрещивая руки на груди.

— Осторожнее. Ты мне не нравишься. И твоя девушка мне не нравится. Единственные люди в этой комнате, которые мне небезразличны — это Тристан и вот эта девушка. — Он поднимает её, но Лиззи просто утыкается лицом ему в шею. — Считай, что твой долг исполнен, — говорит Майрон Тристану, поглядывая в его сторону. — Старая услуга от друга.

— Чего ты хочешь взамен, Майрон? — спрашивает Тристан, и его голос звучит чертовски устало. — Ты всегда хочешь чего-то взамен.

Майрон ухмыляется, сверкая зубами.

— Крови, — говорит он, и я вся дрожу. — Я хочу крови.

Кажется, я не могу слезть с коленей Тристана. Я слишком сильно дрожу, думая о том, что он спит с Лиззи в какой-то ошибочной попытке спасти меня.

— Ты меня так сильно напугал, — шепчу я, прижимаясь к нему, пока Виндзор заваривает нам всем чай, а Зейд сидит в кресле, обхватив голову руками.

— Мне жаль, что мы не сказали тебе раньше, Марни. Мне жаль. Мне так чертовски жаль.

— Вы все просто пытаетесь сделать всё возможное, чтобы защитить меня, — говорю я, резко выдыхая. Я даже не могу начать описывать, какое я испытываю облегчение от того, что добралась сюда вовремя. А история с Майроном и Лиззи? Совершенно сногсшибательно. Но, чёрт возьми, я надеюсь, что она влюбится в него и оставит Тристана в покое. — Но вы, парни, должны начать рассказывать мне всякую подобную чушь, по правилам это «Бесконечности» или нет.

— Иногда нарушение правил клуба — это вопрос жизни и смерти, — говорит Зак, выдыхая и проводя ладонью по волосам. Он наблюдает, как я прижимаюсь к Тристану с мрачным выражением лица, как будто думает, что это всё — я приняла решение.

Я решаю ответить на этот вопрос, снимаю руки с шеи Тристана и встаю. Миранда наблюдает за мной, а затем извиняется, легонько чмокает меня в щеку, прежде чем выйти из квартиры, одними губами прошептав «Позвони мне» прежде чем закрыть дверь.

— В духе неизменной честности я просто... Я хочу сказать, что приму своё решение в день выпуска.

— Решение? — спрашивает Крид, как будто не уверен, что понимает, к чему я клоню.

— Чтобы... выбрать одного из вас, — шепчу я, мой голос грубый и надломленный. — Я знаю, что должна вам, ребята, по крайней мере, это. Нечестно с моей стороны продолжать в том же духе, особенно когда мы все принимаем решения о колледжах. Я не хочу, чтобы вы все последовали за мной в Борнстед, ожидая чего-то...

— Никто здесь не заставляет тебя делать выбор, — произносит Крид, отводя взгляд. Несмотря на то, что он говорит, что ненавидит чай, он берёт чашку, когда Виндзор её подаёт. — Марни, ты делаешь его сама. Мы все здесь ради *тебя*. Нам не может быть насрать ещё меньше на то, что происходит друг с другом.

Я улыбаюсь и качаю головой.

Я не знаю, осознали ли они это уже, и мне бы очень не хотелось сообщать эту новость, но... они друзья, все пятеро. Так и есть, это правда. Шокирующе, я знаю. Такой скандал.

Оборачиваясь, чтобы посмотреть на Тристана, я вижу, что он смотрит в окно, выражение его лица отстранённое и хрупкое, как будто оно может разбиться вдребезги в любой момент. Он привык бросаться всем телом, чтобы получить то, что хочет. Я думаю, до него просто дошло, что он больше не может этого делать, что ему не следовало делать этого с самого начала.

Кстати... Завтра я нацелилась на Киару Сяо.

Я устала ждать.

Гарпии... У меня на них особые планы. Но остальным из «Харпер и Ко» пора уходить.

— Я люблю вас, парни, — шепчу я, слова звучат мягко и приглушённо в напряжённой темноте квартиры. Я говорю это в первый раз, и, может быть, это отговорка — говорить это им всем сразу, но... теперь они как семья.

— Мы тоже тебя любим, — отвечает Крид, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, и вздыхает. — И... мы сожалеем.

Я улыбаюсь. Мне нравится использование слова «мы» — больше, чем я могу себе представить.

— Извинения приняты. Просто... перестаньте принимать решения, не поговорив сначала со мной. Я не боюсь Клуба. — Я кладу руку на свою татуировку и выдыхаю. — У нас осталось всего несколько месяцев. Давай возьмём из них всё, что в наших силах, хорошо? — Я снова сажусь на диван и закрываю глаза.

Все эти парни думают, что я нуждаюсь в защите... но я думаю, что они тоже нуждаются в моей защите.

— Мне жаль, Черити, — снова шепчет Зейд, но на самом деле ему меньше всего есть за что извиняться. Если бы он не сказал мне... и я бы застала Тристана и Лиззи? Я могла бы убить её.

— Больше никаких извинений. Можем мы, пожалуйста, просто включить ром-ком и потусоваться вместе — без Лиззи?

— Больше никакой Лиззи, — соглашается Тристан, вставая и направляясь в свою комнату. Он возвращается со свёртком одежды, раздавая другим парням спортивные костюмы, свободные рубашки и майки. — Вот. Одолжи какую-нибудь пижаму и устраивайся поудобнее. У меня такое чувство, что наша девушка сегодня никого из нас за дверь не выпустит.

— Чертовски верно, — отвечаю я, и на моих губах появляется улыбка.

В ту ночь я сплю лучше, чем за весь год.

Мне надоело играть в игры.

На следующее утро я беру с собой Миранду и Эндрю и забираю из Столовой нескольких своих новых друзей-первокурсников. Не требуется много усилий, чтобы побудить их потусоваться в беседке Харпер, той маленькой нише, которую она выбрала для себя и своих закадычных друзей.

Киара любит приходить сюда перед занятиями и заниматься йогой.

Я знаю, что, увидев этих первокурсников на её месте, она безмерно разозлится.

А раз задира, то всегда остаётся задирой.

— Я согласна, — говорю я директору Коллинз, когда мы вместе идём по дорожке под предлогом обсуждения университетов. Она тоже училась в Борнстедде. — Важно посетить кампус, прежде чем принимать окончательное решение; я решила, что мы отправимся туда на весенние каникулы.

— Продуктивное использование каникул, — говорит она, одобрительно кивая, её кожа слегка морщится, когда она улыбается мне и поправляет очки. — Я признаю, Марни, я забеспокоилась, когда ты начала тусоваться с Идолами. Я, конечно, никак не ожидала, что ты сама станешь Идолом. — Я приподнимаю брови, слушая её откровенное обсуждение студенческой политики, но, с другой стороны, эта женщина не глупа. Традиции Голубой Крови в Академии Бёрберри насчитывают более ста лет. Конечно, персонал знает об этом, точно так же, как они знают о Клубе Бесконечности. Я бы не удивилась, узнав, что некоторые из них даже являются членами клуба.

— Убирайся отсюда *на хрен!* — огрызается Киара, хватая первокурсницу за галстук и выталкивая её из беседки с такой силой, что она спотыкается и оказывается задницей глубоко в декоративном пруду за пределами беседки. — Я видела, как ты пускала слюни на Джейсона, жалкая шлюха.

— Я его и пальцем не тронула! — кричит в ответ девушка, и я чувствую лёгкий укол вины. Возможно, я выбрала именно этих первокурсников, зная, что одна из них флиртowała с новым бойфрендом Киары, Джейсоном Маррином. — И это *он* пригласил меня на свидание.

— Ты сука, — рычит Киара, подбегая к младшей девочке и со всей силы ударяя её по лицу.

— Мисс Сяо! — кричит директор Коллинз, широко раскрыв глаза. Она отворачивается от меня и убегает в том направлении, в то время как Киара оглядывается по сторонам и бормочет, пытаясь придумать оправдание своему поведению.

Но хм.

Эта политика абсолютной нетерпимости к издевательствам всё ещё действует.

Хорошо, что я подсунула несколько записок, которые Киара писала Харпер, под дверь кабинета директора. Однако я убедилась, что никто из них никоим образом не причастен к её величеству. Я не готова к тому, что она пойдёт ко дну, особенно из-за такого незначительного нарушения.

Хотя... Я думаю, угрожать убить кого-то за то, что он якобы спит с твоим парнем, довольно хреново.

Я продолжаю идти, направляясь обратно в часовню как раз к завтраку.

Когда я прихожу в столовую, Лиззи уже ждёт меня.

О, чёрт возьми.

— Я не могу поверить, что ты пыталась шантажировать Тристана, чтобы он трахнул тебя. Ты жалкая. — Крид кружит вокруг Лиззи, как акула. На самом деле, все парни окружают её, и по её лицу текут слёзы. Честно говоря, то, что она пыталась сделать, было выше всяких похвал, но я же сказала — никаких издевательств, не так ли?

— Она пустая трата жизни, — говорит Тристан, прищурился глазами. — Ты нравилась мне как друг, а ты использовал мою любовь к Марни против меня. Разве ты не видишь, какая ты жалкая?

— Парни.

Я иду по каменному полу, стуча каблуками, и останавливаюсь рядом с ними.

— Марни, — произносит Зак, отступая назад, словно признавая, что теперь моя очередь говорить.

Мои глаза встречаются с янтарными глазами Лиззи.

— Думаю, тебе следует вернуться в Подготовительную Школу Ковентри, — говорю я, и у неё отвисает челюсть. — Возвращайся туда и общайся со своими старыми друзьями. Ты здесь закончила.

— Но я...

— Нет. — Я обрываю её и смотрю прямо в лицо. — Ты здесь закончила. Возвращайся домой.

Дверь позади нас распаивается, и входит Миранда, а за ней по пятам следует Майрон Тэлбот. Она хватает меня за руку и сжимает, что, как я могу только предположить, является чем-то вроде предупреждения. *Не связывайся с девушкой, которая нравится Майрону, или он уничтожит тебя.* Такое ощущение, что именно это она и пытается сказать.

Тем временем Эндрю зарывается в свою овсянку и держится от всего этого подальше. Разумный выбор. Хотела бы я сделать то же самое.

— Вы, ребята, можете присесть, — говорю я своим парням, и хотя Виндзор искоса смотрит на Майрона, как будто он вполне охотно встал бы между мной и ним, если бы понадобилось, он слушается меня. На этот раз.

Все пятеро парней садятся за высокий стол и устраиваются поудобнее. Крид поставил один ботинок на сам стол, что, знаете ли, можно было бы счесть дурными манерами, но я всё равно нахожу это милым. Я отрываю от них взгляд и смотрю на Лиззи Уолтон.

— Я пыталась сделать всё по-честному. Несмотря на то, что я была влюблена в Тристана Вандербильта с первого курса, несмотря на то, что я вытерпела от него столько дерьма. Я хотела предоставить ему привилегию сделать честный и непредвзятый выбор, но... ты не такая милая, какой притворяешься, правда ведь?

Она просто смотрит на меня своими янтарными глазами, её лицо удручённое, изрезанное осколками и острое, как битое стекло.

— Сказать по правде, я приехала сюда только из-за Тристана. Я имею в виду, ты мне нравилась, Марни, я хотела быть твоей подругой, но не думаю, что смогу. Не тогда, когда у тебя есть он. — Она указывает в сторону высокого стола, а затем вздыхает, протягивая руку, чтобы пригладить ладонями свои тёмные волосы. — Я могу уехать к пятнице...

Я обрываю её.

— Завтра, — говорю я, и мой голос смертельно серьёзен.

Лиззи замолкает, когда Майрон отталкивается от стены, чтобы подойти и встать рядом с ней, собственнически беря её за локоть.

— Я уйду с ней. Но я не оставлю своего лучшего друга незащищённым. Кроме того, я устал от того, что меня держат на поводке. Я знаю, у тебя есть особые маленькие правила, по которым ты должна жить, чтобы чувствовать себя лучше, и Тристан, возможно, найдёт их милыми, но, честно говоря, мне похуй. Поблагодаришь меня позже — я оставил тебе главную пчелиную матку и её сучку, чтобы ты их раздавила.

Майрон тащит Лиззи к двери, а затем останавливается, оглядываясь на нас.

У меня такое чувство, что я знаю, что он собирается сказать, ещё до того, как он это скажет.

— Не ходи за ней. Я серьёзен, как сердечный приступ. Иначе я тебя уничтожу.

— Я не буду, — обещаю я, и я это серьёзно говорю.

Мне не нужно идти за Лиззи.

У меня есть Тристан, единственное, чего она когда-либо хотела. Больше ничего нельзя сделать. Но, честно говоря, я бы предпочла никогда больше её не видеть.

Майрон выпроваживает её за дверь, и я задаюсь вопросом, будет ли он безжалостно преследовать её так же, как она преследовала Тристана, доведёт ли её до белого каления своим безумием. Мне неприятно это говорить, но... Я почти надеюсь на это? Это плохая карма?

— Я не хотела, чтобы ты ударила её или что-то в этом роде и получила по морде, — начинает Миранда, слишком усердно пытаясь объяснить. Я останавливаю её, целую в щеку, хватаю за руку и тяну к высокому столу завтракать.

Мне требуется минутка, чтобы полностью осознать то, что только что сказал Майрон.

— Подождите. А где Эбигейл и Валентина?

Эбигейл и Валентина не возвращаются в академию после того дня.

У меня даже не хватает времени выяснить, что с ними случилось, прежде чем наступает День Святого Валентина. Парни, как обычно, дарят розы, но они также дарят мне ожерелье которое, я уверена, неприлично дорогое. Я бы отказалась от него, если бы у него не было своей собственной истории.

— Оно называется «Глаз Идола», — говорит мне Крид, и я замечаю, что в центре круглого ожерелья находится драгоценный камень того же цвета, что и его глаза. Оно окружено маленькими прозрачными бриллиантами и висит на изящной цепочке. — Им владели президенты и принцы, и однажды он исчез более чем на триста лет.

— Чушь собачья, — шепчу я, но вы меня знаете, я любитель истории и чертовски заинтригована. — Он лжёт. — Я поднимаю глаза и вижу, что Зак качает головой.

— Не в этот раз. Бриллиант действительно настолько старый. В последний раз оно было на виду у общественности в восьмидесятых годах. После этого оно пропало. Если ты посмотришь на него в Интернете, то увидишь, что к этому ожерелью относятся как к неразрешимой тайне. Единственное же, что на самом деле произошло, так это то, что Клуб Бесконечности заполучил его.

— Как вы, ребята, его получили? — спрашиваю я, когда Виндзор берёт цепочку и расстёгивает её, осторожно надевая мне на шею и дразня мою кожу пальцами, когда застёгивает застёжку. Он наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо.

— Мы выиграли его в споре, как же ещё? — затем он встаёт, а я тереблю драгоценный камень и перевожу взгляд с Зейда на Тристана. Прошли недели с того ужасного дня в его квартире, когда я нашла Лиззи в синем халате, и, клянусь, теперь, когда мы все открылись друг другу, в воздухе витает какой-то катализатор.

С каждым проходящим днём я хочу их все больше.

С каждый проходящим днём я знаю, что выбор только одного из них убьёт меня.

«Я ведь не смогу выбирать, да?» — думаю я, когда мы выходим на вечеринку в саду и устраиваемся в одном из альковов за живой изгородью. Зак и Зейд приносят нам всем прохладительные напитки, и мы остаёмся там на тёплом вечернем воздухе, пока не стемнеет и не зажгутся все факелы.

Тихая музыка доносится до нас со двора, и я экспериментирую с тем, каково это — целовать одного парня за другим, один поцелуй в губы в качестве подарка на День Святого Валентина. И когда я говорю «один поцелуй», я действительно имею в виду язык и всё остальное.

Честно говоря, это волнующе. Я чувствую себя жадной, желая их всех вот так. И всё же, в то же время, мне даже не стыдно за это.

Ни капельки.

— Что он сделал? — я сижу за арфой в музыкальной комнате, мои пальцы лежат на струнах, а Тристан, Зак и Крид стоят полукругом вокруг меня. Меня так подташнивает, что, возможно, мне придётся отлучиться в уборную.

— Он выбил всё дерьмо из них обеих, — говорит Крид с напряжённым лицом. — И я не имею в виду, что он просто ударил их. Когда он сказал, что ему нравится кровь, он действительно имел это в виду. Они обе закончили со сломанными костями. Ну и он сжёг летний дом Валентины дотла. Это был дом её бабушки, со всеми её счастливыми воспоминаниями. Типа, её родители — куски дерьма, и никакие деньги никогда не вернут то, что он только что уничтожил в том пожаре.

— Он также уничтожил квартиру Эбигейл в Круз-Бэй, — произносит Тристан, глядя на меня так, словно берёт часть вины на себя. — Никто не умер, но Эбигейл была дома, лечила сломанную ногу. У неё ожоги по всей икре.

— Господи. Майрон, он что, сумасшедший? — выдыхаю я, опуская руки на колени. Я хотела отомстить, но не так. Это слишком, слишком далеко зашло.

— Они все такие, — отвечает Зак, выдыхая. — Вот почему мы так боимся. Ты удивлена этому, но мы — нет. Майрон не исключение, Марни. Он — норма.

— Что нам с ним делать? — шепчу я, потому что я в ужасе. Я не могу себе представить, как можно просто оставить такого человека, как Майрон Тэлбот, свободно разгуливать по земле. Когда они сказали, что Тристан был тем, кто держал его в узде, они и вправду говорили серьёзно, да?

— А что с ним делать? — спрашивает Крид, качая головой и пожимая плечами. — Честно говоря, ничего.

— Он рассматривал позволение ему сделать своё дело, как выплату нашего долга по несостоявшемуся пари с Лиззи, — говорит Тристан, и тогда я чувствую себя почти виноватой, ведь если бы позволила ему и Лиззи... Ничего бы этого не случилось. Разве это ужасно, что я всё равно не хочу вернуть все свои поступки обратно?

— Но с ними обеими всё будет в порядке, верно? — спрашиваю я, удивляясь, почему меня так сильно волнуют две девушки, которые буквально толкали и держали мою голову под водой, а затем заперли меня в моей комнате, в то время как их хозяйка пыталась заклеить мою плоть, как корову.

— К сожалению, — бормочет Крид, и я бросаю на него взгляд, в то время как Зак вздыхает.

— С ними всё будет хорошо. Это относительно незначительные травмы, но дело не в этом. То, что Майрон сделал с ними, скорее всего, то же самое Клуб попытается сделать с тобой.

Я встаю со своего стула, но не уверена, что сказать или сделать.

Даже если я уйду из академии, это не значит, что я буду в безопасности. Это просто означает, что я буду вдали от парней.

— Кто-нибудь хочет устроить ещё одну вечеринку с ночёвкой? — я спрашиваю, потому что признаю: я до смерти напугана.

До конца года я сплю то в одной, то в другой комнате со всеми пятью парнями рядом со мной.

Когда начинаются весенние каникулы, я совершаю короткую поездку с ребятами, чтобы осмотреть кампус университета Борнстед. Это буквально всё, о чём я мечтала, и даже больше. Стоя там, на прохладном горном воздухе, и наблюдая, как университет оживает по утрам, всё это каким-то образом кажется более реальным.

Такой будет моя жизнь.

Однажды я собираюсь стать здесь студенткой.

Моя радость длится ровно столько, сколько нам нужно, чтобы вернуться в Круз-Бей, где нас ждёт папа.

С тех пор как я видела его в последний раз, всё пошло прахом.

Я останавливаюсь в дверях и смотрю на тощего мужчину в инвалидном кресле, который когда-то был моим отцом. Мне требуется все силы, что есть у меня внутри, чтобы изобразить улыбку и войти туда, опуститься на колени рядом с ним и поцеловать его в щеку.

Позже, когда он ложится спать и у меня появляется возможность поговорить с его медсестрой, я узнаю правду.

Чарли Рид сейчас находится под наблюдением в хосписе.

Как будто... он, по сути, ждёт своей смерти.

Следующие несколько часов я провожу в ванной, стараясь вести себя тихо, поскольку меня то тошнит, то я рыдаю. К тому времени, когда наступает утро, я совершенно вымотана, но я готовлю папе кофе и смотрю с ним боевики, пока он не решает, что пора отправиться на послеобеденный сон.

Тогда я звоню Изабелле.

Удивительно, но она появляется у дома в модном красном спортивном автомобиле, который не нужен ни одному пятнадцатилетнему подростку.

— Он действительно умирает, да? — спрашивает она, подозрительно глядя на меня, пока я сижу на траве на клетчатом одеяле и обдумываю идею позвонить парням или, может быть, Миранде. Они рядом со мной, и теперь я знаю почему. На самом деле, по двум причинам. Во-первых, потому что они не хотят, чтобы я закончила так же, как Эбигейл и Валентина. И во-вторых, из-за... ну, именно этого.

— Думаю, да, — отвечаю я, потому что всё ещё не могу заставить себя произнести это. Я поднимаю взгляд на странно знакомое лицо Изабеллы и стараюсь не пугать её слишком широкой улыбкой, когда она неохотно садится рядом со мной. — Что заставило тебя передумать и прийти сюда?

Она резко отворачивается от меня, ковыряя траву у края одеяла свеженаманикюрными ногтями.

— Я видела, что случилось с Эбигейл Фаннинг, и я... Я не хочу, чтобы это была я. — Изабелла поворачивается, чтобы посмотреть на меня с таким острым страхом в глазах, который делает её меньше похожей на Харпер, а больше на испуганного ребёнка, нуждающегося в руководстве. — Все хотят попасть в Клуб. Это как... ты никто и ничто, если не являешься членом клуба. — Она опускает взгляд на свою туфлю — лабутен с красной подошвой, которой она небрежно возит по траве, хотя обувь стоит целое состояние. — Папа хочет, чтобы я присоединилась, но... Я не знаю, смогу ли я это сделать, по крайней мере пока.

Я киваю, и мы снова некоторое время сидим в тишине.

— Почему ты сказала мне, что Тристан трахался с Лиззи, когда это было не так?

Изабелла пожимает плечами и продолжает смотреть куда угодно, только не на меня.

— Ты любишь его. Я хотела причинить тебе боль. Я... не хочу быть Рид. Я Кармайкл, Марни. Я грёбаная Кармайкл, и всегда ей буду. Мне всё равно, кто на самом деле мой биологический отец.

— Так ты вымещала свой гнев на мне? — я приподнимаю бровь, и Изабелла пожимает плечами, поднимаясь на ноги и стряхивая траву со своих голых ног.

— Я думала, ты лёгкая мишень, потому что ты так стараешься во всё, что заставляешь других людей чувствовать себя дерьмово. Королева школы, лучшая в классе, встречается со всеми самыми сексуальными и богатыми парнями. Ты хорошенькая... — Изабелла замолкает, и я борюсь с желанием улыбнуться. Она назвала меня хорошенькой. Моя младшая сестра только что назвала меня хорошенькой. Теперь, если это не победа, то я не знаю, что это такое. — В любом случае, пожалуйста, не... говори ничего моему отцу, когда встретишься с ним.

— Я бы никогда этого не сделала, — обещаю я, и она кивает, глядя на дом. Больше всего на свете я хочу, чтобы она вошла и увидела Чарли, но боюсь просить. Я боюсь услышать от неё «нет», потому что тогда я могла бы возненавидеть её навсегда, а она этого не заслуживает. Она избалованная, испорченная маленькая соплячка, но я умею привносить в таких людей немного смирения. Если я делала это с парнями, то могу сделать это и с ней.

— Как ты думаешь, я могла бы хотя бы зайти и обнять его? — спрашивает она наконец, и я улыбаюсь.

Мы вместе направляемся в дом и ждём на диване, пока Чарли не встанет, и его помощник не покатит его по коридору за водой. Когда он видит нас вместе, его лицо озаряется.

— Девочки, — говорит он, и его улыбка становится такой широкой, что на лице появляются морщинки. Я клянусь, что есть молчаливое *МОИ* перед этим словом, которое он не позволит себе произнести. Я устраиваю нас всех на заднем крыльце с лимонадом, и Изабелла с Чарли действительно болтают друг с другом. Очевидно, они оба поклонники Джеймса Бонда и Индианы Джонса.

— Мой па... — начинает она, а затем прочищает горло. — У Адама много оригинальных сувениров из фильмов. Тебе стоит как-нибудь прийти посмотреть на это. Ему нравится хвастаться этим перед всеми, кто готов слушать его хвастовство. — Звучит примерно так, как надо, думаю я, держа Чарли за руку.

— Я бы с удовольствием, — отвечает он ей с самой мягкой улыбкой, а потом, позже, когда она встаёт, чтобы уйти, наклоняется, чтобы обнять его, и это самая прекрасная вещь, которую я когда-либо видела.

После того, как Изабелла уезжает, я достаю книгу, которую Чарли начал в Напе, и открываю её, чтобы мы могли почитать вместе.

— Знаешь, я уже видела, как ты заглядывал в конец, — говорю я ему после того, как мы заканчиваем, и закрываю обложку. Он смотрит на облака, плывущие по синему-синему небу, а затем задумчиво улыбается сам себе.

— Верно. Но не всегда финал является самым важным. Иногда путешествие, чтобы добраться до конца, такое же хорошее.

Несколько ночей спустя я звоню Зейду.

Я не знаю почему.

Я просто выбираю наугад одного из парней и набираю номер.

Он сразу же приезжает, медленно подъезжая на своём синем «Ягуаре» с откидным верхом к обочине, и я запрыгиваю внутрь. Мне действительно не нравится оставлять папу одного, но здесь его санитарка, и я... Мне просто нужна минута.

— Иногда, когда умирает кто-то другой, это тяжелее для окружающих, чем для них самих. — Он обхватывает руль своими покрытыми чернилами руками и ведёт машину медленно, так что ночной ветер треплет наши волосы, но не прерывает наш разговор.

— Ты говоришь о своей маме? — тихо спрашиваю я, мои руки дрожат. Я заставляю их неподвижно лежать у меня на коленях. Я переутомлена, перегружена работой и в конечном итоге вернусь в академию в плохом состоянии. Весенние каникулы точно не были освежающим опытом, но, честно говоря, я боюсь, что они закончатся.

Я боюсь, что никогда больше не увижу Чарли, если уеду.

Может быть, мне не стоит возвращаться?

— Ага. Я имею в виду, я был маленьким, так что мне не нужно было заботиться о ней, но моя бабушка заботилась. — Зейд делает паузу и смотрит на меня, подъезжая к знаку «Стоп». Наш район такой тихий, что это скорее формальность, чем что-либо ещё. Никто не приедет. — Но не моя богатая бабушка, а моя другая. Я думаю, что забота о её умирающей дочери — это то, что убило и её тоже. Или, может быть, она умерла от разбитого сердца или чего-то в этом роде. Я бы притворился крутым парнем и сказал, что не верю во всё это дерьмо, но я верю.

Я улыбаюсь ему, а затем протягиваю руку, чтобы взять его за правую руку. Он сжимает мою руку и подносит к своим губам для поцелуя.

— Кстати, как ты так быстро сюда добрался? Я думала, твой дом где-то дальше по пляжу.

— Да, э-э... — он смотрит на звёзды и снова пожимает плечами. — Я ехал, чтобы доставить подарочек в дом Бекки. Ну просто, знаешь ли, месть.

— Прямо сейчас? — спрашиваю я, прислоняясь спиной к двери. — Я чувствую, что действительно облажалась в этом году. Я была так точна во время второго курса.

— Ты ни капли не облажалась, ты просто поняла, что тебе не обязательно всё время действовать самой. Давай. — Зейд тихо выкатывает нас из маленького пригородного уголка Гренадин-Хайтс, а затем заводит двигатель, вызывая у меня этот дикий, лёгкий трепет, как на американских горках.

Мы взлетаем и направляемся в холмы, к супербогатым кварталам, которые расположены вдоль одних из самых изысканных пляжей штата.

Когда мы добираемся до дома с гигантскими железными воротами, я понимаю, что по иронии судьбы у семьи Бекки Платтер забор украшен работами моего отца. Часть меня гордится... но другая часть меня задаётся вопросом, не могла бы я вернуться сюда позже с паяльной лампой и сжечь его, может быть, взять с собой в качестве сувенира?

Зейд выходит и достаёт коробку из багажника, обходит машину сбоку и останавливается рядом со мной.

— В течение первого года Бекки встречалась с тренером по баскетболу. У меня здесь все их дурацкие любовные письма.

— Где ты их взял? — спрашиваю я, когда Зейд открывает крышку и показывает мне огромную стопку. Он ухмыляется.

— Тренер уволился примерно через полгода после начала их отношений, но *его* сын — большой поклонник Билли Кайзера. Возможно, я подкупил его пропусками за кулисы. Я знаю, тебе не нравится стыдить людей или что-то в этом роде, но здесь главное дело не в сексе. Она предоставила тренеру инсайдерскую торговую информацию. Он заработал кучу денег на этом дерьме. Её родители отправят её задницу в одну из тех военных академий, которых так боялся Тристан.

Зейд нажимает кнопку домофона, и сотрудник выходит, чтобы забрать коробку. Двое из них, кажется, знают друг друга, обмениваясь короткой болтовнёй, прежде чем парень забирает её, и мы уезжаем с визгом шин.

Зейд везёт нас на холм, паркуется, а затем достаёт предварительно свёрнутый косяк и зажигалку.

— Я знаю, ты хочешь вернуться к своему отцу, но ты также выглядишь так, словно у тебя вот-вот случится сердечный приступ от стресса. Вот. — Он передаёт мне обе вещи. Я некоторое время смотрю на них, размышляя, а потом понимаю, что если я тоже не позабочусь о себе, то действительно потеряю сознание от стресса.

Мы немного покуриваем косяк — в основном я просто кашляю и ворчу — а потом Зейд засовывает руку мне в карман, вытаскивая список, пока я тарашусь на него.

— Как ты узнал, что он был там? — спрашиваю я, и он пожимает плечами.

— Ты всё время носишь его с собой, и, честно говоря, я слишком часто щупаю твою задницу, чтобы не заметить этого. — Он возвращает его мне вместе с зажигалкой. — Я знаю, тебе всё ещё нужно заполучить Харпер, но, когда ты говоришь, что у тебя есть план, я в это верю. Сожги эту чёртову шутку, и давайте покончим с этим. В нём плохой джуджу или что-то в этом роде.

Я разворачиваю список и смотрю на имена, а затем поднимаю зажигалку и подношу к краю, наблюдая, как он горит.

Когда не остаётся ничего, кроме маленького уголка, я вытряхиваю его, пока не останется тлеющий пепел, а затем наблюдаю, как пепел от того, что осталось, уносится ветром, который дует прямо с залива.

— Хорошо, — говорит Зейд, притягивая меня ближе и прижимая к своему боку. — Теперь мы можем трахаться.

— Ты такой же неотёсанный грубиян, как Крид Кэбот, — ворчу я, но мы всё равно какое-то время зависаем в его машине, а когда заканчиваем, он отвозит меня домой, и я провожу остаток весенних каникул, держа папу за руку каждую свободную минуту.

Вернуться в Бёрберри непросто.

Я почти решаю остаться дома.

Но папа не позволяет мне этого, помогает мне собрать чемодан и сжимает моё запястье, глядя мне в лицо своими упрямыми карими глазами.

«Я буду там на твоём выпускном, Марни. Это обещание».

— Я чувствую себя такой виноватой, — говорю я Криду, когда мы сидим в столовой, и я протыкаю кусочек яйца, жёлтая жижа заливает мою тарелку. Но я даже не могу это съесть, по крайней мере, прямо сейчас. Вместо этого я отодвигаю тарелку в сторону и слегка машу Изабелле, когда она входит. Она не отвечает мне тем же, но, по крайней мере, я получаю лёгкую полуулыбку.

Нам предстоит пройти долгий путь, но мы сможем это сделать.

В конце концов, вот я сижу напротив разозлённого аристократа-нарколептика, и в его взгляде есть что-то такое, чего раньше не было. Он говорит, что это любовь, и как я могу отрицать, что это могла бы быть она? Четыре года мы боролись вместе, преодолевая всякую чушь.

А в июне всему этому придёт конец.

Выпускной, моя необходимость выбирать между парнями, месть старым Голубокровным, моё правление как королевы школы... надеюсь, не в моей жизни.

«Мы просто должны продержаться ещё несколько недель», — обещаю я своему уставшему телу, а потом отряхиваю руки.

— Ты не можешь чувствовать себя виноватой за то, что живёшь своей жизнью, Марни. — Крид изучает меня из-под полуприкрытых век, в его взгляде тот поникший пошлый взгляд, который я всегда любила. Наблюдая за ним, когда он наклоняется вперёд и ставит ножки стула плашмя на пол, опуская ботинки на деревянный помост, я знаю, что не могу потерять его. Я не могу его отпустить.

Я начинаю понимать это со всеми парнями.

Я начинаю понимать, что мой выбор... сложнее, чем я когда-либо себе представляла. Мне придётся доверять себе и позволить игральным костям упасть туда, куда они могут упасть.

— Я знаю это, но я не могу перестать задаваться вопросом, не лучше ли было бы провести моё время дома.

— После всего, ради чего ты работала, ты не можешь отказаться от этого. Разве не поэтому твой отец надрывался всю свою жизнь, чтобы отправить тебя сюда? — он, конечно, прав, но от выговора ленивца мне становится солоно на душе, поэтому я тычу его вилкой в руку. Крид улыбается с этим беззаботным выражением лица, которое делает его невероятно недостижимым.

Только... Я ведь заполучила его, не так ли?

— Ты прав. Я знаю, что больше всего на свете он хочет, чтобы я закончила школу. Это может быть его... — *Я не могу заставить себя сказать это. Его предсмертное желание.* В глубине души я знаю, что это правда. Но мои губы просто отказываются произносить эти слова.

— Давай прогуляемся, — говорит Крид, а затем встаёт и берёт меня за руку. Мы

немного прогуляемся по кампусу, а потом поднимемся в мою комнату. Теперь, когда Харпер отрезана от кровоснабжения своих любимых миньонов, она носится по кампусу с таким выражением решимости в глазах, что я чувствую, как оно отражается в моих.

Один из нас погибнет до конца года, и это буду не я.

— Знаешь, я прочитал всю твою мангу, — произносит Крид, лениво проводя пальцами по ряду корешков на моей книжной полке. — И я клянусь, твои любимые архетипы персонажей демонстрируют сильное сходство со мной и Тристаном.

— Ты думал, я шутила, когда сказала, что хочу увидеть, как он возьмёт тебя? — спрашиваю я, и Крид хмуро смотрит на меня.

— Никогда. Если уж на то пошло, то это я бы трахнул его.

Я откидываюсь на покрывало, и Крид подходит, чтобы лечь рядом со мной, ангел с белоснежными волосами и самыми светлыми глазами.

— Это бы меня тоже устроило. Только я хочу посмотреть. Это делает меня извращенкой?

— Только в определённых кругах, — растягивает слова Крид, переворачиваясь на спину и глядя в потолок. — Я ненавижу Тристана, но мне было интересно, как он уговорил столько девушек переспать с ним. Его поцелуи похожи на волшебство или что-то в этом роде?

Раздаётся стук в дверь, и мы оба замираем, пока я встаю с кровати, чтобы посмотреть в глазок, а затем осторожно открываю его. Тристан ждёт там, прислонившись к стене рядом с дверью, а затем вваливается внутрь, как будто он здесь хозяин. Он изучает Крида, развалившегося на кровати.

— Что вы двое здесь делаете? — спрашивает он ровным и мрачным голосом.

— Просто обсуждаем, как могло бы выглядеть небольшое действие между мужчинами с вами двумя.

Тристан на мгновение замирает, а затем подходит к кровати, забирается между ног Крида и дотрагивается до его лица.

— Какого хрена ты творишь?! — Криду не удаётся выбраться прежде, чем Тристан наклоняется и захватывает его губы. Это долгий поцелуй, гораздо более долгий, чем можно было бы ожидать от двух придурков, которые ненавидят друг друга. Крид ставит свой ботинок между ними и отталкивает Тристана. — Какого чёрта... — он проводит рукой по губам, когда Тристан ухмыляется и встаёт, скрестив руки на груди.

— Этого достаточно? — спрашивает он, и Крид показывает ему средний палец.

— Ты явно хотел бы, чтобы это зашло дальше, — огрызается он, и Тристан пожимает плечами, как будто он не совсем против этого. Я стараюсь не питать слишком больших надежд.

— Ты пришёл сюда по какой-то причине? — спрашиваю я, и Тристан смотрит в мою сторону, слегка наклонив голову, и его волосы цвета воронова крыла скользят ему на лоб.

— У тебя всё ещё есть та запись Уильяма, которую ты сделала? — спрашивает он, и я киваю. Мне удалось раздобыть запись, на которой мистер Вандербилт обращается со своим сыном как с мусором, называет его ублюдком, угрожает ему. Хотя видео нет, звук, с которым он шлёпает своего сына, довольно убийственный.

— А что?

— Я не хочу, чтобы он появился на выпускном и устроил из этого скандал. Он пытался приехать сюда и убедить меня поехать с ним на осенние каникулы. Но я не выполняю его

требований, и я устал от того, что меня бьют. Пришли мне файл, хорошо? Я отправлю это по электронной почте его новой жене.

Я снова киваю, и Тристан натянуто улыбается, дерзко подмигивая Криду, прежде чем уйти, тем же путём, каким пришёл, и закрыть за собой дверь. Чёрт. И тут я подумала, что эти двое могут быть очень порочными и развратными. *Может быть, позже, в университете Борнстеда или ещё где-нибудь.*

Не то чтобы я на это рассчитывала.

Как только я сообщу им о своём выборе, один или все они могут изменить своё мнение о том, где они хотят учиться.

Я снова сажусь на кровать, и Крид снова проводит пальцами по моему бедру, как однажды в библиотеке. Только на этот раз мы вместе в моей комнате, и вокруг никого нет, чтобы увидеть. Я беру его за руку и направляю его пальцы к застёжке одной из подвязок, заставляя его расстегнуть её, так что чулок обхватывает мою икру и оставляет ногу обнажённой.

— Знаешь, я тут подумала... раз уж у нас был наш первый раз вместе...

— Как я мог бы об этом забыть? — он мурлычет, притягивая меня в свои объятия и целуя с таким ленивым видом важности, как будто у него для этого есть всё время в мире. Может быть, так и есть? Кто знает? — И что с этим? Тебе нужно ещё раз повторить основы?

— На самом деле я думала, что мы могли бы заняться чем-то новым. — Я встаю, достаю голубое платье, которое он прислал мне на первом курсе, и раздеваюсь, чтобы надеть его на себя. Крид жадно наблюдает за мной, проводя языком по нижней губе, когда я поворачиваюсь к нему, опускаю руку и расстёгиваю его чёрные брюки. Когда я опускаюсь ниже и прижимаюсь ртом к его твёрдому стволу, он определённо не протестует.

Выпускные экзамены для студентов четвёртого курса Подготовительной Академии Бёрберри считаются одними из самых сложных в стране, наравне с академическими стандартами большинства университетов. Я уверена, что всё испортила, когда Крид и Миранда стучат в дверь Зака, пробуждая нас обоих от очень важного сна. Мы все так переутомлены, как всегда в это время года, что сон просто необходим.

— Ты сделала это, — говорят близнецы одновременно, когда вместе входят в квартиру, а затем свирепо смотрят друг на друга. Они не часто говорят вот так в унисон.

— Сделала что? — спрашиваю я, подавляя зевок, чувствуя себя в этот момент немного похожей на Крида. Жаль, что моя усталая, бескостная задница не может элегантно развалиться на мебели, как этот высокомерный белокурый сопляк передо мной.

— Ты победила Тристана, — говорит мне Крид, и в его голосе слышится что-то вроде злобного ликования при виде того, что его соперник опустился на ступеньку ниже.

— Что?!

Я кричу так громко, что подбегает Зак, на нём низко надвинутые спортивные штаны, глаза сузились до щёлочек.

— Лучше бы это было вопросом жизни и смерти, — бормочет он, но я уже хватаю его толстовку и натягиваю её поверх майки. Спускаясь на первый этаж, мы хватаем Зейда, Тристана и Виндзора, а затем направляемся в холл часовни, чтобы в последний раз посмотреть рейтинг классов.

Харпер там, но я не обращаю на неё внимания. Она не сможет причинить мне вреда в такой большой толпе. Кроме того, у нас осталось всего несколько дней до выпускного, и я начинаю задаваться вопросом, не сдалась ли она окончательно.

Я должна была бы знать её лучше.

Толпа расступается, чтобы пропустить Голубокровных, и мы все собираемся вокруг, чтобы посмотреть на список.

Вот и я.

Лучший ученик класса, произносящий прощальную речь на выпускном.

Я бросаю взгляд на Тристана, чтобы посмотреть, не разозлился ли он, но он на самом деле... улыбается?! Типа, это настоящая улыбка, настоящая и неподдельная.

— Я никогда в жизни не был так счастлив проиграть, — говорит он, и тогда я обнимаю его и целую. И не только его, но и всех остальных. Виндзора, Зейда, Крида, Зака.

— Я чувствую, что должен приготовить нам по порции...

— Не говори этого, — перебивает Крид, прикладывая два пальца к виску. — Никому не нужна твоя кипячёная вода с растениями.

— Я собирался сказать «коктейлей», но поскольку ты только что оскорбил национальный напиток моей родины, я должен надрать тебе задницу, прежде чем подавать их. — Виндзор бросает на меня взгляд и ослепительно улыбается. — Коктейль для вас, миледи, поскольку я больше не могу подавать вам девственный напиток.

— Умора, — растягиваю я, закатывая глаза, но всё равно позволяю ему взять меня за руку и протащить сквозь толпу. В типичной для академии манере сегодня вечером состоится вечеринка, но это не наша вечеринка. На самом деле, её устраивают некоторые очень многообещающие первокурсники.

Мы посещаем её всей группой: я, мои парни, Миранда и Эндрю.

Я так довольна самой вечеринкой и общим духом товарищества среди студентов, что дарю одной из девушек свой звёздный скипетр с подсветкой.

— Получай удовольствие, будучи Идолом, — шепчу я, поворачиваясь и уходя, вся толпа замирает в задумчивости, наблюдая за моей маленькой группой, когда мы выходим с вечеринки, в последний раз надевая нашу полностью чёрную форму четвёртого курса.

Я только что получила корону, и это чертовски приятно, как будто с моих плеч свалился груз.

Завтра я увижу Чарли.

Завтра я смогу произнести свою речь, отомстить, и как только пробьёт полночь, я буду похожа на Золушку на балу. Однако вместо того, чтобы потерять свою магию, я вырвусь из лап Клуба Бесконечности ценой своей жизни.

Я кладу руку на свою татуировку в виде перечёркнутой бесконечности, сажусь за руль «Мазерати» и направляюсь обратно в кампус.

Все пятеро парней проводят ночь в моей комнате, и на нас точно нет одежды.

Они не прикасаются друг к другу, но позволяют мне прикоснуться к ним, одному за другим, прокладывая себе путь, пока я не вспотею и не обессилю, и не засну в куче, с которой мне никогда не захочется расставаться.

Никогда.

Последний учебный день наступает гораздо быстрее, чем я ожидала, оставляя меня в этом вихре, где я всегда спешу от одного дела к другому, будь то проект, выступление оркестра или крайний срок получения стипендии. Такое чувство, что я, возможно, никогда больше не смогу дышать.

До тех пор... Пока мне это не удаётся.

Всё останавливается, но не так, как будто буря миновала, скорее, как будто я нахожусь в эпицентре всего этого.

— Ты выглядишь намного сексуальнее в своём выпускном платье, чем я, — хнычет Миранда, поправляя свои великолепные светлые волосы вокруг лица и доказывая, что это определённо неправда. Она выглядит прекрасно, как и всегда. В другое время или в другом месте мы, вероятно, были бы родственными душами.

Ага.

Я бы определённо добавила её в свой гарем.

Кстати, о гаремах... Моё сердце бешено колотится в груди, когда я сажусь на край кровати и думаю о решении, которое приняла на прошлой неделе. С тех пор оно преследует меня, но в глубине души я знаю, что это правильный выбор. В первый год, когда я получила те три коробки, наполненные блестящими платьями, я выбрала одно. И я пожалела, что сделал это. Не потому, что Зейд был неправильным выбором, а потому, что Крид и Тристан были бы такими же правильными выборами.

Мой выбор теперь остаётся прежним: я либо выбираю их всех..., либо не выбираю ни одного из них.

Это то, что я решила, хотя оба пути могут привести меня в одно и то же место. Они могут послать всё к чёрту и уйти, но, по крайней мере, это будет их выбор.

— Ты в порядке? — спрашивает Миранда, когда Эндрю выходит из ванной, надевая шапочку и разглядывая себя в зеркале. Он слишком взволнован своей завтрашней поездкой в Коннектикут, чтобы думать о чём-то ещё. Он отправится на встречу со своим другом по переписке по электронной почте, хотя я всё ещё не уверена, что это хорошая идея. Я действительно преследовала этого чувака, какого-то парня по имени Росс из Академии Адамсона для мальчиков. Место кажется приличным, хотя я читала в Интернете, что однажды в кампусе умерла девушка, когда они пытались интегрировать студентов. Жутко.

— Я в порядке, — отвечаю я, моргая, чтобы вывести себя из ступора, и смотрю на неё. В волосах у меня свежее розовое золото, новая, очень короткая и очень острая причёска, а между грудей у меня висит ожерелье «Глаз Идола». Папин браслет-оберег у меня на руке, и я засунула кое-что от каждого парня в карманы джинсов, которые на мне надеты под чёрной мантией. — Правда.

— Ты как будто собираешься на похороны, а не на выпускной, — говорит Эндрю, и тогда Миранда бросает на него тяжёлый, пронзительный взгляд, чтобы он заткнулся.

У Чарли... не всё хорошо. На самом деле, настолько нехорошо, что я до сих пор не знаю, стоит ли ему вообще приходить сегодня. Я сказала ему, что заберу свою шапочку, мантию и диплом домой, и мы могли бы провести нашу собственную церемонию на заднем дворе, но он этого не захотел.

Дженнифер согласилась поехать с ним вместе с его санитаркой. Папа сказал мне в

своём последнем сообщении, что увидеть, как его маленькая девочка заканчивает школу, было кульминацией его жизненных целей. Мне это не понравилось. Но как я могла отказать ему после этого?

— Пошли, — говорю я, вставая и направляясь к двери. Все парни ждут, развалившись по-разному в коридоре. Крид прислоняется к стене, в то время как Тристан стоит прямо и во весь рост; Зейд покачивает головой в такт единственному наушнику в ухе и улыбается мне, в то время как Зак улыбается, но держит свои большие руки скрещёнными на груди. Виндзор протягивает мне букет цветов.

— Это от всех нас. Каждый из нас выбрал свой сорт цветов для добавления в букет. Было решено, что пять гигантских букетов цветов просто не подойдут. — Я улыбаюсь и обнимаю его, зная, что они все ждут сегодняшней вечеринки, чтобы мы могли поговорить о наших планах.

Конкретно, моих планах.

Они все ждут, когда я сделаю выбор.

— Спасибо, — молвлю я, и это действительно так. Я оглядываюсь на дверь в свою комнату, старую кладовку уборщика, превратившуюся в мини-дворец, и думаю обо всех тех удивительных временах, которые мы там проводили, о фильмах, которые мы смотрели, чае, который мы пили, сексе... О Боже, этот секс.

Как это может быть на самом деле? Конец четырёх долгих лет. Конец издевательствам, пари и романтике.

— Прощай, бордель, — шепчу я, чувствуя, как слёзы щиплют глаза. Я проталкиваюсь вперёд и выхожу за двери, забирая с собой своих друзей. Идолы, представители Голубой Крови, подлые богачи, элита школы. Это мы сейчас, здесь, вместе в наш последний день в качестве студентов Подготовительной Академии Бёрберри.

— Будь настороже, — шепчет Виндзор, когда мы направляемся к ожидающим лимузинам и садимся в них.

— Сейчас мы на финишной прямой, но мы ещё не выиграли игру, — соглашается Зак, глядя в окно.

Я проверяю свой телефон: у нас ещё есть около двенадцати часов до того, как это ужасное пари в Клубе отойдёт на второй план.

Ещё двенадцать часов, чтобы пережить самых страшных хулиганов, с которыми я когда-либо сталкивалась или ещё столкнусь.

Двенадцать. Чёртовых. Часов.

Мы выходим из лимузина рядом с футбольным полем, где проходит церемония вручения дипломов, и я благодарю всех богов или богинь, которые меня выслушают, за то, что это происходит не в амфитатре, где я провела конец своего первого года, подвергаясь унижениям.

Харпер несётся по полю со своими родителями на буксире, смеющаяся, улыбающаяся. Они выглядят такими нормальными, но я не позволю себе забыть, что её родители — старшие члены Клуба Бесконечности. Они вполне могут быть одними из тех, кто подталкивает своего собственного ребёнка к совершению убийства.

— Я не могу поверить, что мы так и не добрались до этой сучки, — ворчит Зейд, и Зак хмыкает в знак согласия.

— Никогда не говори никогда, — шепчу я, когда мы находим свои стулья, а затем слоняемся вокруг в ожидании начала церемонии. Я пока не вижу папу в зале, но он

предупредил меня, что может опоздать. Я отправляю быстрое сообщение, чтобы узнать, где он, и он отправляет ответное: «*Время прибытия через двадцать минут*».

Двадцать минут, да?

Это будет непросто; он может пропустить начало моей речи. Но я не могу откладывать, по крайней мере, с тем, что я запланировала. Всё сводится к выбору времени. *Харпер Дюпон, сегодня вечером ты пойдёшь ко дну.*

— Он будет здесь, — говорит Зак, протягивая руку, чтобы поправить мою чёрную шапочку, кисточка которой раскачивается туда-сюда перед моим лицом. Я отбрасываю её в сторону и пытаюсь успокоить свои нервы.

Сегодня важный день. Безумно. Я планировала это весь год, не рассказывая об этом ни единой живой душе.

Чертовски горжусь собой за это.

— Знаю, — отвечаю я, позволяя Заку ещё раз обнять меня. Он так чертовски хорош в объятиях, что я не могу устоять. — Я знаю, что так и будет. Я просто беспокоюсь о нём.

— Я больше беспокоюсь о тебе, — говорит Зак, оглядываясь через плечо, когда миссис Амбертон подходит и встаёт рядом с нами, протягивая красно-белую ленту с чёрным словом, нацарапанным курсивом по всей длине.

— Поздравляю, Марни, — говорит она, когда я беру свою прощальную ленту и наблюдаю, как она подходит, чтобы вручить Тристану его приветственную. — И вас тоже, мистер Вандербилт. — Миссис Амбертон отступает назад, её оранжевые кудри собраны в некое подобие причёски, и она нежно улыбается мне. Она всегда была милой, безусловно, одна из моих любимых учительниц, но она была слишком слаба, чтобы защитить меня от хулиганов. Я всегда буду помнить об этом, что я должна была быть достаточно сильной, чтобы защитить себя. Это хороший жизненный урок, который нужно усвоить, не так ли?

— Спасибо, — говорю я ей, и мы слегка обнимаемся, пока зрители заполняют трибуны, ряды за рядами лучших представителей общества и самой элиты. Принцесса Александра там вместе с Кэтлин Кэбот и её мужем (Кэтлин машет мне рукой, и я могу сказать, что она чертовски горда). Чёрт, появляется даже Билли Кайзер, и удивление Зейда отражается на его лице.

Робин Брукс сидит в дальнем конце со своей дочерью Келси, и я могу только предположить, что двое сурово выглядящих мужчин рядом с ними — отец и дедушка Зака.

К счастью, я нигде не вижу Уильяма Вандербилта.

— Его здесь нет, — говорит Тристан, вздыхая с облегчением. — Спасибо, чёрт возьми, за это.

— В тебе нет даже маленькой частички, которая хотела бы, чтобы он был здесь? — спрашиваю я, и Тристан смотрит на меня с таким суровым выражением лица, как будто он никогда в жизни не был более серьёзным.

— Единственный человек, о котором я забочусь, находясь здесь — это ты. Вот и всё. Мне больше ничего не нужно. — Он бросается на своё место, как будто у него плохое настроение или что-то в этом роде, но я знаю, что это просто нервы. Он беспокоится обо мне. Все парни волнуются. Целый год они работали над тем, чтобы защитить меня от очень реальной угрозы. В течение целого года это работало.

Сегодня последний день, финальная схватка.

Всего двенадцать грёбаных часов...

Мою арфу вкатывают на сцену, и нас всех проводят на наши места, чтобы мисс Фелтон

могла начать свою речь, поблагодарив выпускников, школьный совет и так далее, и тому подобное. Как только она заканчивает, объявляют обо мне, и толпа должным образом приветствует меня, чего они точно не делали в течение первого года.

Я выхожу на сцену и играю специальную аранжировку, которую я написала на основе стандартной выпускной песни *Pomp and Circumstance* (прим. *Pomp and Circumstance* — торжественный и церемониальный марш). Мои пальцы перебирают струны, и мои глаза закрываются, когда остальная часть оркестра поддерживает меня с поля, расположенного прямо перед помостом.

Музыка пронизывает меня насквозь, и я открываю глаза, встречаюсь взглядом с Тристаном, испытывая тот особенный прилив уверенности, который всегда охватывает меня, когда он рядом, пока я играю. Виндзор — следующий парень, с которым я встречаюсь взглядом, уверенно играющая на своём инструменте, зная, что, по крайней мере, на данный момент, по крайней мере, прямо здесь, всё будет хорошо.

Мой взгляд поднимается и сканирует толпу, и я нахожу Чарли в первом ряду, он сидит в инвалидном кресле в шляпе и плотном пальто, несмотря на то, что на улице солнечно. Дженнифер находится справа от него, а его санитарка стоит чуть в стороне, слева от него. Он машет мне флажком Бёрберри, когда замечает, что я смотрю, и я улыбаюсь.

«Не думай о том, каким худым он выглядит», — говорю я себе, потому что папе было так важно увидеть этот момент, что он проделал весь этот путь сюда, несмотря на то, что он болен. Я не буду всё это портить для него.

Мой взгляд возвращается к остальным моим парням, и мне интересно, как долго они ещё будут моими мальчиками, после того как я сообщу им о своём окончательном решении.

Зейд сжимает кулак, а затем прижимает ладони ко рту, чтобы выкрикнуть что-то ободряющее. Крид откидывается на спинку стула, но на его лице улыбка кота, который получил свои сливки. Только я почти уверена, что в этом сценарии, сливки — это я. Зак последний, но не потому, что у меня в голове есть какой-то рейтинг для этих парней. Как бы я могла? По сравнению с ними это всё равно что сравнивать яблоки с апельсинами. Каждый из них занимает свою нишу в моём сердце. А Зак Брукс, он как уютный плюшевый мишка-телохранитель. Только... не говорите ему, что я так о нём думаю.

Я заканчиваю своё выступление и принимаю аплодисменты толпы, прежде чем подняться на трибуну и взять микрофон. Пришло время произнести мою прощальную речь. Хорошо, что я готовилась к этому моменту с тех пор, как мне исполнилось двенадцать.

— Добро пожаловать, друзья, семья и любимые. От имени студентов Подготовительной Академии Бёрберри я хочу поприветствовать вас здесь сегодня, чтобы отпраздновать окончание целой эпохи. — Я делаю глубокий вдох и вздёргиваю подбородок. Я не читаю по карточке; я достаточно практиковалась, чтобы в этом не было необходимости. — В течение четырёх лет ученики этой школы боролись изо всех сил, чтобы достичь того, чем они являются сегодня. И теперь, в этот великолепный солнечный калифорнийский полдень, мы все получаем по своим заслугам. — Студенты сходят с ума, но я почти уверен, что только мои ребята, Миранда и Эндрю, улавливают скрытые намёки в моей речи.

Я занимаю отведённое мне десятиминутное время цветистыми словами о будущем, а затем спускаюсь вниз, чтобы занять своё место в аудитории. Тристан следующий, и я не удивлена, увидев, что он столь талантливый оратор, как и талантлив во всём остальном. Его слова действительно поднимают настроение, и я ловлю себя на том, что хлопаю как сумасшедшая вместе со всеми остальными.

В то время как молодёжный оркестр во второй раз за день играет «Rom and Circumstance», мисс Фелтон и толпа сотрудников академии, включая мистера Кастора, миссис Амбертон и мисс Хайленд, поднимаются на сцену и начинают приглашать студентов забрать свои дипломы.

Порядок полностью основан на ранжировании по классам, просто последняя маленькая колкость, чтобы пристыдить нас всех и заставить делать всё, что в наших силах. Но я всё устроила так, что Харпер Дюпон, которая, что достаточно шокирующе, вошла в десятку лучших в нашем классе, оказалась последней.

Абсолютно. Последней.

Она с трудом сдерживает хмурый взгляд, когда берёт свой диплом у мисс Фелтон, пожимает ей руку и направляется через сцену, ненадолго останавливаясь перед массивным гербом Подготовительной Академии Бёрберри, чтобы её мог сфотографировать профессиональный фотограф, нанятый специально для этого случая.

Как только она останавливается там, белозубо улыбаясь, рыжие волосы блестят на фоне чёрного платья, я достаю из кармана телефон и нажимаю кнопку.

Видеоэкран, который использовался против меня во время первого курса, с опережением графика опускается на импровизированную сцену, и затем начинает играть мой шедевр.

Здесь есть все подлости, которые когда-либо совершала Харпер, и которые я смогла заснять, записать в звуковом сопровождении или сфотографировать. У меня не возникло проблем с получением ещё более изобличающих улик от других студентов. Ну эй, я ведь Королева школы, а Харпер Дюпон — просто хулиганка.

— Что за чёрт? — спрашивает она, оборачиваясь, когда начинают воспроизводиться ужасные кадры. Вот она, в лесу, ругает девчонок на вечеринке, даёт пощёчину своей предполагаемой лучшей подруге Бекки, кричит на Джона и Грега, и, наконец... вот она, пытается заклеить меня горячим утюгом в моей комнате в общежитии.

Боже, благослови камеры слежения.

— Папа, сделай так, чтобы это прекратилось! — Харпер кричит, а кадры просто продолжают крутиться, крутиться и крутиться. Там было так много отборного материала, что мне приходилось выбирать, какие фрагменты использовать. Это были трудные решения для принятия. Толпа ропщет и ахает, шёпот проходит за поднятыми руками. Весь Клуб Бесконечности увидит принцессу Дюпон в её худшем проявлении. Я уверена, что деловым партнёрам её родителей не нравится видеть, как их собственных детей избивает и издевается над ними избалованная, гнилая маленькая соплячка. — Папа!

Мистер Дюпон спускается по ступенькам так быстро, как только может, пыхтя и отдуваясь, пока персонал пытается взять под контроль видеоэкран. Дело в том, что в то время как Харпер была занята запугиванием людей весь год, я была занята тем, что заводила дружбу со столькими студентами, со сколькими могла, включая ребят из интеллектуального клуба.

Теперь она открыто плачет, пока продолжается воспроизведение моего монтажа.

— Боже милостивый, ты великолепна, — благоговейно шепчет Виндзор, когда сверху падают красные, чёрные и белые воздушные шары, удерживаемые в сетке, чтобы отпраздновать окончание церемонии. Только... это больше не воздушные шарики. Я попросила студентов из команды по планированию мероприятий наполнить презервативы конским навозом, любезно предоставленным конноспортивным клубом. Они забрызгивают

Харпер, когда она кричит, покрывая самого красивого школьного тирана в буквальном смысле дерьмом.

— Итак, как именно это связано с правилом повесить её на её собственной верёвке? — шепчет Крид, его глаза блестят от возбуждения.

— Ну, ты привлекаешь больше мух мёдом... и больше лошадиного дерьма тем, что ведёшь себя как задиристая мудачка. Харпер Дюпон разозлила почти каждого ученика в этой школе. Я попросила о помощи, и я её получила. Другие студенты были более чем нетерпеливы. — Я пожимаю плечами, потому что, возможно, если я хоть немного и переступила свои границы, это того стоило.

— Играйте музыку! — кричит мисс Фелтон, и «Pomp and Circumstance» включаются в третий раз, заглушая записи кричащего голоса Харпер, когда персонал вытаскивает её из моря кашек, с прилипшим к уху презервативом, и тащит вниз по ступенькам.

«Это будет больно, но оно того стоит», — говорю я себе, вставая и подбегая к её рыдающей фигуре.

— О боже мой, ты в порядке? — спрашиваю я, прикрывая рот руками и стараясь не рассмеяться над покрытой дерьмом серьгой в виде презерватива, которую она носит. Харпер отводит кулак и сильно бьёт меня, прямо в лицо. В зале раздаётся шум, когда её снова заставляют подчиниться, и я борюсь с желанием слизнуть кровь со своей губы. Её рука была относительно чистой, но, знаете, лошадиное дерьмо и всё такое.

Парни подбегают, чтобы окружить меня, и я беру у Тристана носовой платок, чтобы вытереть лицо.

— Грёбаная Работяжка, кусок дерьма! Шлюха! Шлюха! — Харпер продолжает рыть себе могилу, когда её уводят, а я снова выхожу на сцену, поднося микрофон к губам.

— Ещё раз, от имени студентов Академии Бёрберри... — начинаю я, пытаюсь скрыть неподдельное удовольствие в своём голосе. Но потом я замечаю папу, который наклоняется вперёд в своём инвалидном кресле и падает на тротуар, когда Дженнифер и сиделка пытаются ему помочь.

Крик вырывается из моего горла, когда эта дурацкая музыка просто продолжает играть, и я спрыгиваю с платформы, при этом причиняя боль запястью, мои колени зарываются в траву и пачкают моё платье грязью. Я мчусь вперёд, снова цепляя ткань за край одного из стульев, когда мчусь к ступенькам и поднимаюсь по ним, моя рука скользит по перилам.

— Папа, нет, — всхлипываю я, когда люди обступают нас, врач объявляет о себе, прежде чем оттолкнуть меня в сторону. Теперь я плачу и дрожу, пытаюсь добраться до Чарли, но меня отталкивают в сторону. Парни появляются в одно мгновение вместе с Мирандой и Эндрю.

— Я уже вызвал скорую, — говорит Зак, тяжело дыша и придерживая меня, чтобы врач и санитарка могли заняться папой.

«Он умирает, да?» — думаю я, когда шок накатывает на меня волной, и это тревожное оцепенение охватывает меня.

Если бы нам пришлось ждать скорую помощь из города, прошло бы больше часа, прежде чем они добрались бы сюда. Из-за масштабов мероприятия академии требовалось иметь на месте пожарную машину, скорую помощь и две патрульные машины. Одна из них уже выезжает на поле, и Харпер сажают на заднее сиденье. Всего через несколько минут прибывают другие машины скорой помощи, Чарли укладывают на носилки и кладут в кузов машины скорой помощи.

— Я хочу поехать с ним! — кричу я, но там уже слишком много медицинских работников, чтобы я могла поместиться.

— Я возьму машину, — говорит Виндзор, кладя руку мне на плечо. Он смотрит на других парней, и я смутно осознаю, что Тристана почему-то не хватает. — Сейчас вернусь. — Он убегает, когда я начинаю падать на землю, пойманная Кридом с одной стороны и Зейдом с другой, мои глаза следят за движением машины скорой помощи, которая с грохотом отъезжает, воя сиреной.

Моё выпускное платье — и моё сердце — разорваны в клочья.

Я чувствую, что тону в печали, когда ближайший ко мне офицер в форме хватается за локоть. Зак бросает на него неодобрительный взгляд, но я этого почти не замечаю. Всё, о чём я могу думать, это *нет, нет, нет, только не мой папа, пожалуйста, не забирай моего папу.*

— Мисс? — полицейский трясёт меня, и я тупо моргаю в его сторону, холодные волны шока прогоняют то небольшое количество адреналина, которое я получила от своего трюка с Харпер. *Где Тристан?* Мой затуманенный мозг задаётся вопросом, когда я оглядываюсь вокруг, на мгновение сбита с толку. *Где Виндзор?* Ой. А, да. *Он... он пошёл за машиной.* У меня так сильно трясутся руки, что зубы стучат. Я всё равно протягиваю руку и хватаю свою шапочку, размазывая повсюду кровь. Почему-то мне кажется, что я порезала тыльную сторону ладони, когда пробежал мимо стула мисс Фелтон.

— Она в шоке. — Говорит один из моих парней, но я не уверена, кто именно. Всё, о чём я могу думать, это: *будет ли папа жить?* Я почти уверена, что уже знаю ответ на этот вопрос, но отказываюсь в это верить. Я не могу. Я просто не могу. Чьи-то руки поднимают меня на ноги, и я слышу, как люди сплетничают и болтают вокруг меня.

Хотя, чёрт с ними. К чёрту их всех. Сейчас моя единственная забота — как можно быстрее добраться до больницы.

— Мы можем поехать с ней? — спрашивает Крид. По крайней мере... Я думаю, это Крид. Моё зрение сузилось до узкого туннеля, и у меня кружится голова.

— Это её отец, верно? Боюсь, в таком случае мы сможем отвезти только её, но мы хорошо о ней позаботимся, — объясняет офицер, а затем меня направляют к полицейской машине. Прежде чем забраться внутрь, я встряхиваю головой, чтобы стряхнуть остатки путаницы, и оглядываюсь на парней, тех, кто всё ещё рядом со мной. Тристан ушёл. Виндзор, похоже, тоже пропал. Я ещё раз напоминаю себе, что он просто пошёл за машиной. *Но где, чёрт возьми, Тристан?*

Извините, я уверена, что в моих словах нет никакого смысла. Я просто... Прямо сейчас я в шоке.

— Куда мы направляемся? — один из полицейских открывает мне заднюю дверь, и я остаюсь. —

— Мы доставим тебя в больницу с включёнными сиренами, — говорит он мне, и я киваю, потому что в этом есть смысл, даже в том запутанном состоянии паники, в котором я сейчас нахожусь.

— Мы будем прямо за тобой, — заверяет меня Зейд, его хватка крепкая, но непоколебимая. — Прямо за тобой.

Мой последний великий акт мести завершён, и я даже не успела насладиться им. И у меня были планы поговорить с парнями сегодня вечером, сообщить им о моём окончательном решении. Всё начинало складываться воедино, а теперь... Я никогда не была

так несчастна. Мне никогда ещё не было так больно. Как такое могло случиться с Чарли? Это намного хуже, чем то, от чего я страдала в первый год. Гораздо, гораздо, намного хуже.

Космическая шутка.

Средний палец от Вселенной.

— Вы будете прямо за мной... — повторяю я, а затем забираюсь в полицейскую машину. Красно-синие сирены окрашивают зрителей в разные цвета, включая парней, которых я только что оставила позади. Я бы всё отдала за то, чтобы хотя бы один из них поехал со мной, но папа должен быть моим главным приоритетом. Однако я смогу добраться до него быстрее всего, и именно этим шансом я и пользуюсь.

Когда мы выезжаем со стадиона и направляемся вниз по склону, я лезу в карман за телефоном и понимаю, что, пытаясь добраться до Чарли, я порвала платье и каким-то образом потеряла его.

Конечно же.

Блядь.

Ближайшая больница находится... Боже, это примерно в часе езды отсюда. Поскольку я чувствую, что меня вот-вот стошнит, я наклоняюсь и кладу голову между колен. Делая медленные вдохи, мне удаётся взять свой бешеный пульс под контроль. У офицеров, конечно, есть их телефоны. Я подожду немного, а потом попрошу их позвонить для меня в больницу.

Оконное стекло прохладное, когда я прислоняюсь к нему головой, закрывая глаза от темно-зелёных деревьев, проплывающих мимо размытым акварельным пятном. Шок от того, что мой отец, человек, который вырастил меня, самая большая любовь в моём сердце, рухнул, должно быть, действительно подействовало на меня. То ли я засыпаю, то ли просто теряю счёт времени, я не уверена, но, когда я открываю глаза и сажусь, я понимаю, что мы движемся в неправильном направлении.

— Разве больница не к западу отсюда? — я не совсем специалист по местности, но, судя по горам и дороге, могу сказать, что мы определённо направляемся не обратно в город. Какого чёрта? Сирены тоже больше не включены, что странно. Это беспокоит. Очень, очень тревожно.

— Мы доставим вас туда, не волнуйтесь, — говорит мне офицер на пассажирском сиденье, но его голос звучит не очень обнадеживающе. Чем дальше мы едем, тем больше я беспокоюсь.

Именно тогда я вижу впереди заброшенное казино, и моё сердце подскакивает к горлу.

Колеса машины скрипят по гравию, когда я чувствую, как первые волны настоящей паники подступают к моему горлу. Ещё не полночь, даже близко нет. Я всё ещё могу умереть сегодня. Я могла бы, чёрт возьми, умереть.

— Что мы здесь делаем? — шепчу я, мой голос охрип от беспокойства за Чарли, а теперь и за себя тоже. Я не смогу помочь своему отцу, если умру. Офицеры игнорируют меня и вылезают, открывая заднюю дверь и с силой вытаскивая меня наружу. Они с силой толкают меня на гравий, и я спотыкаюсь, протягивая руки, чтобы удержаться.

Я стискиваю зубы от боли, причиняемой камнями, вонзающимися в мою плоть и ладони. Поднимаясь на колени, я оглядываюсь через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, как офицеры забираются обратно в свою машину и уезжают.

Чёрт.

Двое полицейских в форме и со значками на служебной машине только что отвезли

меня в принадлежащее Клубу Бесконечности, заброшенному казино в центре индейской резервации. Оно со всех сторон окружено милями нетронутого леса, обширными участками охраняемых национальных парков и территорий штата, насколько хватает глаз.

Звук шагов, шаркающих по гравию, привлекает моё внимание.

И вот она, Харпер Дюпон, с Джоном Ганнибалом и Грегори Ван Хорном по обе стороны от неё.

По крайней мере, у неё было время смыть с себя всё то дерьмо, но её лицо по-прежнему такое же уродливое, как и всегда.

— Привет, Марни Рид, — говорит Харпер, и её губы изгибаются в улыбке. Джон держит бейсбольную битку, а Грег — толстый моток верёвки.

У меня нехорошее предчувствие по этому поводу.

Я изо всех сил пытаюсь подняться на ноги так быстро, как только могу, отступая на несколько шагов, когда Харпер неторопливо направляется ко мне, явно всё ещё испытывая ярость после сегодняшнего дня.

— Правила Клуба Бесконечности, — заявляет она, улыбаясь. — Твои друзья проделали хорошую работу, убедившись, что мы не сможем никого нанять для твоего наказания. Марни Элизабет Рид может пострадать только от рук студента... — Харпер умолкает со смиренным вздохом, перебрасывая несколько своих кроваво-красных пряжей через плечо. — И тогда пострадать от рук студента, она должна. — Она указывает на меня подбородком, и двое её мальчиков-игрушек бросаются вперёд.

Они, кажется, очень шокированы, увидев, как я бегу прямо к ним и между ними, направляясь в казино, а моё испорченное выпускное платье развевается у меня за спиной. Моё запястье болит из-за падения с помоста, и по моей ладони течёт горячая, влажная кровь.

Ни за что на свете я не позволю Клубу Бесконечности победить, не тогда, когда я так близка к этому. Так чертовски близка.

Я заворачиваю за угол и взлетаю по ступенькам через заднюю дверь...

Только для того, чтобы наткнуться на гнездо Голубокровных.

И когда я говорю: «Голубокровные», я имею в виду настоящих Голубокровных, тех, кто из моего списка мести.

— Марни, — говорит Тристан, оборачиваясь, чтобы посмотреть на меня. Он улыбается, и моё сердце превращается в лёд и разбивается вдребезги в груди.

Какого хрена он здесь делает?

Дело в том, что он уже однажды пробовал это на мне, *притворяться плохим парнем*. Сейчас я слишком доверяю ему, чтобы поверить, что он замысливает что-то иное, кроме как пытается спасти мою задницу. Наши глаза встречаются, и я вижу страх, спрятанный глубоко в его душе.

Он открывает свой прекрасный рот и произносит всего одно слово.

— Беги.

Я не колеблюсь ни секунды, прежде чем сделать это, мельком замечая, как Тристан берет в руку бейсбольную битку и замахивается ею в лицо Джону, когда тот входит через заднюю дверь.

— Грёбанный предатель! — Грег кричит, когда бита попадает в цель с ужасающим звуком хрустящей кости. Завязывается борьба, Грег врзается в Тристана, и они вдвоём падают на пол, размахивая кулаками. Я перестаю бежать и резко останавливаюсь за прилавком, заставленным видеоэкранами с мёртвыми глазами, их посетители давно ушли,

их место заняли опавшие листья и сосновые иголки.

Лишь один Тристан против дюжины Голубокровных.

Я не знаю, почему и как он сюда попал, но... Я не могу оставить его.

— Ты действительно думал, что мы позволим крестьянке разрушить наши жизни и не вернёмся, размахивая кулаками? — спрашивает Киара, тяжело дыша. В руке у неё нож. Нож. Я думаю, они не отпустят меня отсюда живой. *«Я имею в виду, что старшие члены Клуба Бесконечность хотят твоей смерти. Точка. Им всё равно, как и почему»*. Слова Лиззи эхом отдаются в моей голове, когда адреналин бурлящей волной захлёстывает меня. Эти куски дерьма встают между мной и моим отцом.

Не умирай, Чарли, я дышу, не умирай. Мне нужно быть там. Мне нужно убираться отсюда.

Девушки по другую сторону прилавок обмениваются взглядами, а затем две из них обходят прилавок с обеих сторон — Эбони и Мэйлин, если быть точной — в то время как Киара и Анна начинают перелезать через сам прилавок. Я бросаюсь на Мэйлин, толкая её так сильно, что она отшатывается назад и ударяется об один из других прилавков, переворачиваясь и перелетая через него на другую сторону.

Я хватаю отброшенную Джоном битую и замахваюсь ею на Грега, сбивая его с Тристана. Однако это лишь временная мера. Похоже, что их слишком много... а нас только двое.

— О, чёрт возьми, — огрызается Харпер, вытаскивая пистолет из своей сумочки. — Я знаю, Лиззи проболталась, так что к чёрту это *дерьмовое правило с оружием дальнего действия*. Знаете, я позволила вам вставить туда этот пункт только потому, что знала, что один из вас неизбежно расскажет ей. После того, как я застрелю её, ты сможешь винить себя в её смерти. — Она направляет на меня пистолет, в то время как Тристан вскакивает на ноги, хватая меня за руку и дёргает вперёд, в то время как Харпер делает свой первый выстрел. Она стреляет мимо, но это не значит, что она единственная, у кого есть оружие. Или что она снова промахнётся.

Тристан ведёт меня в танцевальный зал и лихорадочно оглядывается по сторонам, пульс на его шее бьётся как сумасшедший.

— Нам нужно выбраться наружу, — шепчу я, и он смотрит на меня сверху-вниз широко раскрытыми серыми глазами.

— Здесь их тринадцать, некоторые снаружи. Нам нужно быть осторожными. — Он снова тянет меня вперёд, и мы направляемся к двери для сотрудников, когда Харпер входит в комнату, делая ещё пару выстрелов в нашем направлении. Пока мы бежим, куртка Тристана растёгивается, и я вижу, что у него тоже есть пистолет.

Ёбанный ад.

Мы выходим на улицу, в быстро остывающий вечерний воздух, и я со страхом осознаю, что скоро здесь стемнеет. Темнота, леса, бесконечные возможности для жестокости.

Они действительно хотят убить меня, правда ведь?

Я не думаю, что честно и по-настоящему верила в это до сих пор.

Наши ноги скользят по гравию, когда мы огибаем здание, направляясь мимо кирпичных стен и проёма, ведущего к ипподрому. Как только мы преодолеем его, останется только густая листва и колючки ежевики. Невозможно двигаться и в то же время оставаться спокойными.

Мы выбираем скорость.

Когда мы, спотыкаясь, выбираемся из кустов на другой стороне, я вижу почти сухой

бассейн. На самом дне немного коричневой воды, вероятно, полной личинок комаров. Я не знаю, почему в этот момент я замечаю такую маленькую, глупую деталь.

Должно быть, это шок от того, что Чарли потерял сознание.

От размышлений о том, может ли он быть мёртв.

О том, что я оказался в ловушке ночного кошмара.

Мой первоначальный список для мести выжжен у меня в мозгу: *Харпер, Бекки, Анна, Эбони, Грег, Эбигейл, Джон, Валентина, Сай, Мэйлин и Джален* Киара и Илеана были добавлены позже, но они тоже здесь. Несколько пострадавших сторон — Эбигейл, Валентина и Джален — похоже, включили в игру нескольких своих новых друзей-парней. Почти уверена, что я узнала Джейсона, как-его-там, сзади. Это безумие.

Грег и Сай выскакивают из ближайших к нам кустов, врезаются в плечо Тристана и сбрасывают его в сухой бассейн. Его хватка выскользывает из моей, и я вскрикиваю как раз перед тем, как Сай зажимает мне рот ладонью. Я *сильно* прикусываю, и он тоже толкает меня вперёд. Мои ноги скользят по краю бассейна, но он хватает меня за короткие волосы и тянет назад.

— Если ты причинишь ей боль, я пристрелю тебя к чёртовой матери, и мне будет всё равно, если Клуб убьёт меня за это! — Тристан кричит, поднимаясь на колени. Он съёживается и хватается за правую руку, как будто боль почти невыносима.

— Сделай свой лучший выстрел! — Грег кричит в ответ, его смех звенит в золотом послеполуденном свете. Птицы разлетаются в разные стороны, но они здесь единственные свидетели. — Я говорил Харпер, что ты полон дерьма, что ты никогда не примешь её обратно. Какого хрена она позволила тебе пойти с нами, выше моего понимания.

— Я знала, что он был полон дерьма, — произносит Харпер, появляясь с пистолетом в правой руке. Она подходит к краю бассейна, свирепо глядя вниз на Тристана, который тоже вытащил своё оружие. Это всё, что он может сделать, оказавшись в ловушке там, внизу, с повреждённой рукой. Ступени, ведущие из бассейна, рассыпались в прах. — Он был одержим этой крестьянской сучкой с самого начала. Дело в том, — Харпер наклоняется, кладя руки на колени, — что с твоим наследием покончено, Вандербильт. Твой отец, так или иначе, не заботится о тебе. И теперь, когда ты взял с собой пистолет на поножовщину, что ж, мне будет достаточно легко объяснить твою смерть.

Тристан нажимает на спусковой крючок своего оружия, и пуля пробивает плечо Харпер, заставляя её закричать. Он собирается сделать ещё один выстрел, но Грег хватается за бортик бассейна и опускается рядом с ним. Эти двое вступают в борьбу за оружие, в то время как я вскакиваю на ноги и замахиваюсь Саю в лицо. Мой кулак попадает в цель, и он хрюкает, но это вряд ли имеет значение. Остальная часть группы появляется из густой листвы.

Просто их слишком много, а нас слишком мало.

— Господи, — кричит Харпер, дотрагиваясь рукой до плеча и глядя на малиновый цвет своей крови со смесью шока и отвращения. — С меня хватит этого дерьма. — Она поворачивается ко мне и поднимает своё оружие, в то время как я в ужасе наблюдаю, как Грег толкает Тристана, заставляя его споткнуться. Почти уверена, что последний прямо сейчас он дерётся со сломанной рукой, кровь стекает по его голове сбоку из того места, где он изначально упал в бассейн.

— Нет! — я кричу, но Илеана и Бекки хватают меня за руки и оттаскивают назад, Джейсон и Анна приходят им на помощь.

— Отведите её в сарай около пруда, — приказывает Харпер, и бывшие Голубокровные тащат меня вниз по тропинке, пока я кричу и отбиваюсь, оставляя Тристана позади.

Харпер открывает дверь связкой ключей и приглашает группу внутрь. Они опускают меня на землю рядом с балкой от пола до потолка, и Эбони связывает меня с помощью кого-то из парней.

— Харпер, здесь люди, — говорит один из громоздких безликих парней, и она чертыхается себе под нос.

— Иди разберись с этим; я всё равно здесь почти закончила, — огрызается она, и остальные уходят, оставляя Харпер, Бекки и Илеану позади.

— Ты всё ещё можешь отказаться от этого, — говорю я ей, тяжело дыша, мои плечи горят от того, что мои руки привязаны сзади к столбу. — Ты ещё не утратила возможности искупления, Харпер.

— Закрой свой грёбанный рот, — велит она мне, ударяя меня пистолетом по лицу с такой силой, что я вижу звёзды. — Я просто пытаюсь решить, должна ли я сначала пустить тебе пулю в лоб или посмотреть, как ты сгораешь заживо.

— Мы действительно это сделаем? — спрашивает Бекки, поглядывая на меня со слегка неуверенным выражением на лице. — Я имею в виду... убить кого-то — это своего рода большое дело.

— У нас есть разрешение Клуба на это, — огрызается Илеана, и либо её лифчик набит, либо ей уже поставили новый имплантат. — Не похоже, что у нас будут неприятности. В любом случае, кого волнует какая-то случайная стипендиатка? Разве у её отца нет рака или чего-то в этом роде? Как будто он пробудет здесь достаточно долго, чтобы поднять шум по этому поводу.

— Не знаю, смогу ли я это сделать, — начинает Бекки, и тут Харпер просто выходит из себя.

— Ты хочешь стать жалкой киской? — кричит она, и в глубине души я знаю, что, если бы Миранда была здесь, она прочитала бы лекцию об использовании термина «киска» в таком уничижительном смысле. Забавно, что приходит в мой мозг во времена крайнего напряжения и шока. Мне почти кажется, что я парю вне своего тела, наблюдая, как весь этот сценарий разворачивается в другом измерении. — Тогда убирайся к чёрту! Мы с Илеаной позаботимся об этом.

Бекки выбегает из сарая со слезами, текущими по её лицу, но она не пытается их остановить.

Вместо этого я в ужасе наблюдаю, как Харпер передаёт пистолет Илеане, а затем берёт красный бензобак. Она начинает разливать бензин вокруг меня, а затем оставляет след, который заканчивается возле двери. Я удивлена, что она не окатила меня им, но потом я понимаю, что она, вероятно, сначала хочет увидеть, как я страдаю как можно сильнее.

Харпер Дюпон определённо психопатка.

В этом нет никаких сомнений.

— У тебя есть спички? — спрашивает она, протягивая руку к Илеане.

Я борюсь со своими путами, задыхаясь от усилий.

— Харпер, ты же не хочешь этого делать, — говорю я ей, но она игнорирует меня, улыбаясь, чиркает спичкой, и воздух наполняется запахом серы. Она задувает её красивыми губками, а затем пятится к двери, а Илеана плетётся за ней по пятам.

— Прощай, Работяжка. Было приятно познакомиться с тобой. — Харпер зажигает ещё

одну спичку, и тут появляется Крид, хватая её за запястье и дёргает назад с такой силой, что пламя гаснет.

Следующим появляется Зак и отталкивает Илеану, как будто она главный игрок футбольной команды соперника. Она летит, к сожалению, не в пруд, но в конце концов врежется в этого парня Джейсона, когда он выходит из-за угла. Они оба падают ничком, а Джон следует за ними, всё ещё истекая кровью, но снова держа в руках бейсбольную битку. Он замахивается ей на Зака, но мой парень-футболист успевает схватить оружие, чтобы оно не попало в цель.

Фары автомобиля освещают сцену, когда он останавливается прямо за кольцом деревьев, и Зейд с Виндом выпрыгивают из него. Виндзор за рулём, что, если вдуматься, довольно удивительно. Ведь... ну, до сегодняшнего дня он боялся садиться за руль.

Я полагаю, это означает... что он был готов преодолеть свой страх, чтобы спасти меня?

— Отвали от моей девушки, — говорит Зейд, его выпускная мантия давно сброшена, его татуированные руки блестят в свете автомобильных фар.

— Иди ты нахуй, — ухмыляется Харпер, ударяя Крида локтем в лицо. Она бежит к сараю, но он прямо за ней, опрокидывая её в бензин, пока они вдвоём борются за спички.

Виндзор и Зейд помогают Заку подняться с земли, и они втроём отбиваются от наплыва Голубокровных, когда Крид, наконец, отбрасывает Харпер к стене, прячет спички в карман и подбегает ко мне. Он достаёт из сумки с книгами, висящей у него на плече, что-то похожее на кухонный нож и перерезает верёвки.

— Серьёзно? Ты думаешь, что сможешь выбраться отсюда с этой сучкой? — спрашивает Харпер, доставая из кармана зажигалку. Крид игнорирует её, освобождая меня от пут и рывком поднимая на ноги. Он тянет меня к одному из разбитых окон, пока Харпер зажигает пламя.

— Ты тоже сгоришь! — Крид кричит ей в ответ, а потом, поскольку он весь в бензине, я выталкиваю его из окна, прежде чем он успеет заставить меня уйти первой. Он спотыкается и падает с края, когда Харпер бросает зажигалку на пол, и всё помещение вспыхивает, как в аду.

Я задыхаюсь от внезапного прилива жара, но Крид уже хватая меня за руки и вытаскивает наружу, заставляя упасть на траву.

— Нам нужно выбраться отсюда, — говорит Зак, тяжело дыша, когда останавливается рядом с нами и помогает нам обоим встать.

— Не без Тристана, — огрызаюсь я, а затем поворачиваюсь и убегаю в лес, обратно в направлении бассейна.

Сцена, на которую мы натываемся, ужасна: Тристан на коленях, из его головы течёт кровь, глаза закрыты. Грег приставил пистолет к его лбу.

Возможно, у нас есть секунды, чтобы спасти его. Секунды.

Не раздумывая, я спрыгиваю с края и врезаюсь в Грега. Раздаётся выстрел, но я не знаю, попал ли он в Тристана или нет. Я не видела.

Другие парни в одно мгновение оказываются в бассейне, оттаскивая Грега от меня.

Зейд и Зак удерживают его неподвижно, в то время как Виндзор отстраняется и бьёт засранца по лицу так сильно, как только может, роняя его, как мешок с камнями.

Крид помогает мне выбраться из мутной воды, и я оглядываюсь, чтобы увидеть Тристана, изо всех сил пытающегося подняться на ноги. Пуля застряла в стене прямо за его головой, но он жив. Жив. Он, блядь, жив. Мы оба.

— Нам нужно убираться отсюда и бежать к «Мазерати», — инструктирует Виндзор, и мне приходится на мгновение задуматься, прежде чем я вспоминаю, что у пруда остановился не мой розово-золотой кабриолет с откидным верхом, а синий «Ягуар» Зейда. — Мы привезли две машины, на всякий случай. Я полагаю, они уже прокололи шины у другого автомобиля.

Виндзор и Зак помогают Тристану выбраться из бассейна, в то время как Крид и Зейд делают то же самое для меня.

Затем мы бежим во всю силу к старому дереву, которое является такой достопримечательностью, что мы видим его нарисованным на фоне оранжево-жёлтого неба. Если бы оно не возвышалась так высоко над всем остальным, мы, возможно, даже не знали бы, как отсюда выбраться.

Огонь сейчас распространяется от сарая для технического обслуживания и по деревьям, пользуясь сухой летней жарой, чтобы охватить пламенем всё. Вскоре это, вероятно, перерастёт в полномасштабный лесной пожар.

Чёрт возьми, Харпер!

Мы забежали на парковку только для того, чтобы обнаружить, что нас ждут несколько представителей Голубой крови, включая Джона Ганнибала.

— Вы так просто отсюда не выберетесь, — говорит он, направляя пистолет Харпер в нашу сторону. Он нажимает на спусковой крючок, и пуля попадает в гравий у наших ног.

— Нет, я думаю, что так и будет, — поправляет Виндзор, вытаскивая револьвер из-под своего пиджака. — Я застрелю тебя. Просто знай это. Легче попросить прощения, чем разрешения, не так ли? Держу пари, Клуб совсем забыл бы о тебе, если бы я заплатил им достаточно. Ты просто не настолько важен, Джон Ганнибал.

Джон стискивает зубы, но не бросает оружие, пока Тристан не делает шаг вперёд, всё ещё сжимая его руку.

— Знаешь, почему вы все сразу же с радостью вернулись? — спрашивает он, и его голос эхом отдаётся в тихом пустом пространстве. — Это потому, что я Король Академии Бёрберри, и я всегда им буду. А теперь убирайся на хрен с дороги, иначе электронные письма, которые мы отправим сегодня в полночь, разрушат бизнес твоей семьи так, как ты себе и представить не мог. Если тебе нравится быть бедным, во что бы то ни стало, дерзай.

Оба пистолета опущены, аккуратно и медленно. И вот тогда я слышу крик.

— Где Харпер? — спрашиваю я как раз перед тем, как Бекки, спотыкаясь, выходит из-за деревьев.

— Харпер была сожжена. Это, типа, действительно, действительно чертовски хреново, — всхлипывает она, и остальные мгновение смотрят друг на друга, прежде чем некоторые бросаются вслед за Бекки обратно в лес.

— Мы могли бы помочь, но, может быть, будет лучше, если мы вызовем пожарных? — Крид растягивает слова, и Зейд кивает.

— Да, давайте убираться отсюда к чёртовой матери, пока ещё можем. — Он наклоняется, чтобы взять меня за руку, и мы выходим за ворота и направляемся к «Мазерати». Если вам нужно объяснение, почему машина Зейда осталась здесь, то я уверена, что деньги могли бы позаботиться об этом. Я не собираюсь торчать здесь и пытаться сдвинуть её с места.

«Мазерати» катится по дороге, и когда я бросаю взгляд через заднее сиденье: языки пламени лижут тёмное небо. Вдалеке я слышу вой сирен, но им потребуется некоторое

время, чтобы добраться сюда. А пока мы направляемся в больницу и к Чарли.

«*Пожалуйста, пусть с моим папой всё будет в порядке*», — думаю я, откидываясь на спину Крида, и его руки обнимают меня. «*Пожалуйста, пусть с ним всё будет в порядке*».

Чарли Рид не умирает в ту ночь.

Вместо этого он живёт ещё много ночей после этого. Немного, но достаточно, чтобы мы как следует попрощались, достаточно, чтобы, когда придёт время, я была рядом с ним, наши пальцы переплелись. Я рядом, когда он улыбается в последний раз, когда он смотрит на меня и говорит, что любит меня.

— Мне страшно, Марни, — молвит он, но я прижимаюсь щекой к его щеке, слёзы текут по моим щекам и капают на подушку под его головой.

— Не нужно. Я здесь. Я всегда буду здесь, — шепчу я, и когда он, наконец, умирает, я оказываюсь рядом с ним, держась за него, всегда держась.

После этого я позволяю парням отвезти меня к дому Дженнифер и открываю дверь своим ключом.

Она дарит мне самые тёплые объятия, которые я когда-либо получала от неё за всю свою жизнь, а затем я поднимаюсь по лестнице в спальню, которая никогда не будет моей, и засыпаю. Почти уверена, что после этого я просплю целую неделю.

Похороны хорошие. Грустные... но хорошие.

Я стою на кладбище в чёрном платье Тристана, задирая голову к небу, чтобы посмотреть на мягко колышущиеся ветви деревьев.

— Я слышал, ты заезжала навестить Харпер в больнице, — говорит Зейд, кладя свою руку поверх моей. Я бросаю взгляд чуть вправо и заставляю себя улыбнуться.

— Я пыталась. У неё ожоги по всему лицу. Вполне вероятно, что у неё останутся шрамы на всю жизнь. — Я оглядываюсь на свежее пятно грязи передо мной. Толпа разошлась, Дженнифер, Марли и Изабелла ушли. Здесь только я, Эндрю, Миранда и парни.

— Повесилась на своей собственной верёвке, да? — шепчет Зейд, и мы все снова замолкаем. Тут не так уж много можно сказать такого, что улучшило бы ситуацию. Через несколько недель я буду посещать ознакомительный курс в Борнстедском университете, найду свою комнату в общежитии, представлю своё будущее.

А Чарли... его там не будет, чтобы увидеть всё это.

Мои глаза снова наполняются слезами, но я крепко сжимаю зубы и опускаю голову. Это не мешает им упасть мне на колени, когда я сжимаю руки в кулаки, вероятно, сжимая руку Зейда так сильно, что становится больно. Он не жалуется. Нисколько.

— Я сделала свой выбор, — шепчу я через несколько мгновений. Зак садится по другую сторону от меня, а Миранда тянет Эндрю за руку, отводя его в сторону, чтобы оставить нас наедине.

— Твой выбор? — спрашивает Крид мягким и неуверенным голосом.

— С тех пор, как мы начали встречаться, я знала, что не смогу удерживать всех вас вечно, — говорю я, всё ещё глядя на блестящую поверхность надгробия. Мои глаза затуманиваются, и горе накатывает на меня болезненной волной. Это всё равно что получать удар молнии... снова, и снова, и снова. В течение нескольких минут то тут, то там кажется, что всё будет хорошо.

Солнце всё ещё светит.

Птицы всё ещё поют.

Но... потом я вспоминаю, что папы больше нет, и весь мой мир перестраивается. Цвета

кажутся не такими яркими, музыка — не такой красивой.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Тристан Вандербилт смотрит на меня с мягкой нежностью в его серых глазах, которой раньше там не было. Его рука по-прежнему на перевязи, но он поправится. Со временем он поправится. Может быть, моё сердце... тоже однажды снова почувствует себя нормально? Не похоже на это, но я знаю, что жизнь продолжается, хочу я этого или нет.

— Ты не обязана делать его сейчас, — говорит Виндзор, опускаясь передо мной на колени.

Я качаю головой.

— Но я хочу. — Я встаю, и парни отодвигаются в сторону, чтобы я могла подойти к могиле, опуститься на колени и положить перед ней букет белых роз. Сейчас я улыбаюсь, но в то же время плачу. — Я люблю тебя, папа. Присмотри за мной, ладно?

Я встаю и оборачиваюсь, чтобы увидеть, что все пятеро уставились на меня.

Они все такие красивые, каждый по-своему. В глубине души я знаю, что частички злой тьмы внутри каждого из них всё ещё там, но это шанс, которым я готова воспользоваться. Все человеческие существа способны быть жестокими... они также способны любить.

И я вижу, как любовь отражается в пяти парах глаз.

— Я тут подумала... если бы это была манга, — начинаю я, присаживаясь на папино надгробие и на мгновение представляя, что мне снова пять лет, и я сижу у него на коленях. Моя левая рука сжимает браслет-оберег, свисающий с моего правого запястья. — Если бы это была манга — обратная манга о гареме, если быть точной — тогда я бы, вероятно, выбрала... Тристана.

Парни неловко переминаются с ноги на ногу, обмениваясь странными взглядами.

— А ты нет? — спрашивает Крид, в его голосе всё ещё звучит надежда.

— Хотя, если бы это была манга, я бы выбрала его, но он бросил бы меня ради Лиззи. — Тристан издаёт тихий звук себе под нос, но я не смотрю на него. Вместо этого я смотрю на блестящие носки своих туфель. — Виндзор в конечном итоге был бы мёртв, вероятно, убит, пытаюсь спасти меня от Гарпий и Компании.

— Ах, значит, такова моя судьба, — шепчет он слегка удивлённым, но уважительным голосом.

— Крид уехал бы за границу, чтобы жить в Париже и стать писателем, который проводит большую часть своего времени, бездельничая в уличных кафе. — Моя улыбка становится немного шире, но я всё ещё чувствую солёный привкус своих слёз. — Зейд стал бы величайшей рок-звездой, которую когда-либо видел мир, и, хотя он всё ещё любил бы меня, он исчез бы в мировом турне, а я бы вышла бы замуж за Зака. Мы ходили бы в университет Борнстеда, и он играл в футбол, а я болела за него — плохо — пока работала над своим четырёхлетним дипломом. Однажды мы бы переехали в хороший дом, завели детей и были бы очень сильно влюблены друг в друга.

— Так ты выбираешь Зака? — спрашивает Зейд, и в его голосе звучит лёгкое замешательство.

Тогда я поднимаю на них глаза и качаю головой, а Зак стискивает зубы, его лицо темнеет от ужасной меланхолии. Но я ещё не закончила, встаю и отряхиваю грязь со своего платья.

— Это то, что произошло бы в манге, но... это не манга. — Я оглядываюсь на папину могилу, и меня пронзает ещё одна волна боли. — Это моя жизнь, и мой выбор — это...

вообще никакого выбора.

— Что, чёрт возьми, это значит? — шепчет Зак грубым и надломленным голосом. Он тоже скучает по Чарли, я это знаю. Они были друзьями. Виндзор и папа тоже.

— Это значит, что она не хочет делать выбор, — поясняет Тристан, но я качаю головой, поднимая глаза и видя, как его волосы цвета воронова крыла развеваются на ветру. Он хорошо смотрится в чёрном, как и все они. Все они в последний раз надевают форму четвёртого курса. В каком-то смысле это уместно — видеть богатеньких парней из Подготовительной Академии Бёрберри, выстроившихся передо мной полукругом.

— Это значит, что я не буду делать выбор, — говорю я, улыбаясь сквозь слёзы и склонив голову набок. — Я не хочу выбирать. Я люблю вас всех. Это правда. И потеря Чарли научила меня тому, что нельзя отказываться от любви из-за каких-то произвольных правил или потому, что кто-то тебе так говорит. Потому что мир этого хочет. Я люблю вас, парни, и я... Я не готова прощаться ни с кем другим, по крайней мере пока.

— Тогда ты говоришь... — начинает Зейд, понимая это раньше, чем кто-либо другой. — Это значит, что ты хочешь продолжать делать то, что мы делаем? — я киваю, и он делает шаг вперёд, обхватывая моё лицо своими татуированными ладонями. — Значит ли это, что мы пойдём с тобой в колледж?

— Я бы на это надеялась. Тебе уже поздновато менять своё мнение, — начинаю я, выпячивая губу, когда меня сотрясают рыдания. Сейчас я плачу, безумно скучая по Чарли, когда Зейд заключает меня в свои сильные объятия. — Крайний срок подачи заявок истёк, так что тебе придётся взять годичный перерыв...

— Марни, заткнись, — шепчет Зейд, зарываясь лицом в мои волосы. Он крепко прижимает меня к себе, пока плач не проходит, а затем отступает на шаг, не дрогнув, глядя мне в глаза. — Никто не говорит мне, что делать. Я устанавливаю свои собственные правила. Если я захочу встречаться с девушкой с четырьмя другими парнями, я это сделаю. К чёрту весь мир. В любом случае, это не их дело.

— Спасибо, — шепчу я, мои руки дрожат.

Зак подходит следующим, тяжело дыша, на его ресницах блестят слёзы.

— Чарли... — начинает он, а затем качает головой, протягивая руку, чтобы провести ею по лицу. — Он вырастил удивительную дочь. — Я продолжаю улыбаться, хотя у меня всё болит. Всё. Моё сердце, моя душа. — Я в деле. Я... не хочу знать, на что похож колледж без тебя.

— Ты знаешь, что я здесь ради тебя, — произносит Виндзор мягким и низким голосом. — Всегда. — Ветер взъерошивает его волосы, и он улыбается. — Может быть, однажды ты действительно выйдешь за меня замуж. Ты даже можешь держать этих придурков при себе. Мне всё равно.

— Я понял это, когда мы поцеловались на лодке той ночью, на холоде, — вставляет Крид, делая шаг вперёд. — Ты моя родственная душа, Марни. Я уверен в этом.

— Я же говорила тебе! — зовёт Миранда откуда-то поблизости, вызывая у меня тихий, грустный смешок. — #КомандаКрида!

Затем я делаю паузу и замечаю, что глаза Тристана закрыты.

Когда он открывает их, то смотрит на небо.

— Если ты беспокоишься о своём обучении, я заплачу, — говорит Виндзор, и Тристан, ухмыляясь, переводит взгляд на принца.

— Я получил полную стипендию, ты, напыщенный осёл. Полагаю, в следующем году я

буду случаем благотворительности для первокурсников в новом университете, не так ли?

— Надеюсь, студенты не попытаются запугать тебя, — шепчу я, когда Тристан поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Да поможет им Бог, если они это сделают, — говорит он, и я знаю, что это действительно так. Наступает долгое молчание, пока он изучает меня. Вот тогда я точно знаю: он скажет «нет». Тристан скажет нет, и он уйдёт, и это будет концом всего этого.

Не каждая история в конце оборачивается красивой упаковкой, да?

Моё пребывание в Подготовительной Академии Бёрберри подошло к концу, а вместе с ним и эта глава моей жизни. Марни Рид, студентка-стипендиат, дочь Чарли и Дженнифер, энтузиастка доски почёта, любительница старой архитектуры и скучных исторических фактов.

— Марни, когда я принимаю решение, оно быстрое и непоколебимое.

— Я знаю, — выдыхаю я, когда Зак хмурится, а плечи Виндзора напрягаются. Крид и Зейд обмениваются взглядами, оглядываясь на своего коллегу-Идола так, словно они более чем готовы надрать ему задницу.

— Поэтому, когда я решил, что влюблён в тебя и что ты моя, я высек это решение на своём сердце в камне. — Он делает шаг вперёд и берёт меня пальцами за подбородок, поднимая моё лицо навстречу своему. — Ты моя, Марни, и я тебя не отпущу. Даже если мне придётся разделить твоё сердце. То, как ты любишь, бесконечно. Для меня этого более чем достаточно.

Я обвиваю руками его шею, и Зейд выдыхает с облегчением.

— Групповое объятие, все? Да, да, групповое объятие. — Затем он обнимает нас, и, хотя Тристан издаёт рычащий звук, он принимает это. Крид следующий, когда появляется Виндзор. Зак заключает нас всех в свои огромные объятия, прежде чем Миранда выскакивает из-за угла, волоча за собой Эндрю.

Мы обнимаемся прямо там, на кладбище, а Чарли Рид наблюдает за нами.

И тепло солнца... ощущается точно так же, как его улыбка.

Борнстедский университет располагает одним из самых больших и красивых кампусов в стране, расположенным в живописных горах Колорадо.

Я поднимаюсь по ступенькам женского общежития с коробкой личных вещей, Миранда следует за мной по пятам. У неё на телефоне играет песня «*Good Charlotte California*» «*The Way I say I Love You*» (прим. — «Как я говорю, что люблю тебя»), и она напевает текст, пока мы поднимаемся по лестнице. Я не говорю ей, но текст песни заставляет меня плакать.

«Если бы только Чарли был здесь», — думаю я, заходя в пустую комнату в общежитии, открывая окно и закрывая глаза от прохладного, свежего осеннего ветерка. Несколько недель назад мне исполнилось девятнадцать, и мы с парнями пошли есть вафли (разумеется, покрытые арахисовым маслом и сиропом) на железнодорожную станцию. Мы оставили место для Чарли, и я положила его фотографию на стол напротив себя.

Изабелла и Дженнифер присоединились к нам, и я наслаждалась их обществом больше, чем ожидала. Конечно, ни одна из них не понимает, как я могу встречаться с пятью парнями, возможно, быть влюблённой пять раз, но... это нормально. Они не обязаны понимать. Единственные люди, которые должны понимать, как это работает... это мы.

— Детка, моё общежитие так далеко от твоего, — стонет Зейд, прокрадываясь внутрь и падая на мой голый матрас. У меня есть несколько симпатичных новых простыней с маленькими арфами по всей поверхности. Я думаю, это должны быть рождественские простыни или что-то в этом роде, но эй, арфа есть арфа. — А второй этаж? Как жестоко. Мне нужно будет принести лестницу, чтобы я мог прокрасться в твою комнату.

— Тебе не обязательно красться, придурок, — бормочу я, подходя к кровати и щёлкая его по лбу. Он опускает меня на кровать рядом с собой, в то время как Миранда закатывает глаза и начинает застилать бледно-розовые простыни на своей кровати, останавливаясь только тогда, когда приходит сообщение от Эндрю, из Стэнфорда. Интересно, сложатся ли его отношения с этим парнем Россом, когда они так далеко друг от друга?

Только время покажет.

— Эндрю и Росс оба передают привет, — говорит нам Миранда, когда подходит Зак, неся под мышкой самую тяжёлую из моих коробок. Крид зевает и несёт... подушку, как это уместно. И стопку манги под другой рукой. Он бросает на мою кровать несколько томов о любви мальчиков, всё в смущающе откровенных обложках, и я хватаю их в охапку, бросая на него взгляд.

Тристан и Виндзор идут последними, каждый держит в руках коробку среднего размера.

— Этого должно хватить, — произносит Винд, упирая руки в бока и оглядываясь по сторонам. — Неплохо, для общежития простолюдинов, конечно.

— Ха, — говорю я, вставая и обходя кровать, чтобы разложить на полках свои новые книги из манги. — Вы все тоже живёте в общежитиях для простолюдинов, не забывайте.

— Так и есть, — соглашается Виндзор, когда Тристан наклоняется и достаёт фотографию Чарли из моей коробки. Он смотрит на него мгновение, прежде чем передать мне. Я беру его, наши пальцы соприкасаются, огонь пронзает мою руку и направляется прямо в грудь.

— Давай зайдём в кафетерий и посмотрим, что у них тут есть поесть, — говорит он, его голос низкий и ровный, как коньяк. Миранда ставит песню на своём телефоне на повтор, так

что всё начинается сначала, когда я на мгновение прижимаю фотографию к себе.

— Вы, ребята, идите вперёд, а я сейчас подойду. Подождите меня снаружи, хорошо?

— Для тебя всё, что угодно, Мишка-Марни, — молвит Зак, используя для меня прозвище моего отца, прежде чем поцеловать меня в губы, обжигающим прикосновением губ, от которого мне хочется большего.

— Не задерживайся слишком долго, иначе мне станет одиноко, — мурлычет Крид, проводя пальцами по моей руке, прежде чем выйти из комнаты, и остальные ребята следуют за ним. Миранда останавливается в последнюю секунду, оглядываясь на меня мягкими, печальными глазами.

Интересно, она всё ещё влюблена в меня... или теперь с этим покончено? Это невозможно определить, потому что она любит меня так сильно, что было бы трудно заметить разницу.

— Я буду держать их в узде ради тебя, отгоню палкой всех голодных студенток. — Она замолкает, снова улыбаясь, прежде чем уйти по коридору, оставив свой телефон позади, а эта чёртова песня играет как финальная тема моей истории.

Но вот в чём дело: моя история на этом не заканчивается.

Нет, это, блядь, только начало.

Я не знаю, что произойдёт позже, или как сложится остальная часть моей жизни. Никто не знает таких вещей, но что я точно знаю, так это то, что я учусь в университете, в который всегда хотела поступить, с парнями, с которыми хочу быть, и лучшей подругой, которая всегда была рядом со мной. Клуб Бесконечности всё ещё существует, но... они там. Они там, а я здесь.

Я здесь, и это моё «долго и счастливо».

Жизнь всегда тычет своим чередом, секунда за секундой, и ничто не кончено, пока не закончится она, но... сейчас я счастлива, отдыхая в объятиях элиты. На данный момент — это именно то, что мне нужно.

— Я скучаю по тебе, папа, — шепчу я, ставя его фотографию на прикроватный столик, хватаю сумку и направляюсь к двери, чтобы присоединиться к моей новой семье на нашем первом ужине в кампусе. Я посылаю ему один, последний поцелуй, прежде чем закрыть за собой дверь и шагнуть в свою новую жизнь. — И я люблю тебя. Навсегда и бесповоротно.

Конец